

СОВРЕМЕННАЯ СОБННЯЯ ПОДА

Сладкая
de ojos verdes

18

Annotation

Ты — мой выбор, мой путь, который я пройду до конца.

И я люблю. Вопреки. Благодаря всему. За всё плохое и хорошее в тебе.

**Вкусная
De Ojos Verdes**

* * *

«Ты иступленно
Неси, влюбленный,
Любви знамена,
Не прячь лица!»
Дж. Байрон

* * *

Наши дни, год 2014
Марианна.

Отрицать очевидное не имело смысла — ей безумно хочется прижаться к нему и вдохнуть этот особенный, принадлежащий только ему одному, запах, пропитанный чем — то дерзким и невероятно будоражащим. Помнится, раньше, когда их не разделяла эта пропасть непонимания и неизбежно прошедших лет, Мари ощущала себя счастливейшей на свете, стоило лишь ощутить его аромат поблизости. Адам до сих пор пользуется этим парфюмом. И от него пахнет мужчиной. Она была в этом уверена, хотя уже столько времени не имела возможности стоять рядом с ним даже на расстоянии метра.

— Ты не ожидала его увидеть, правда? — Лилит задала вопрос с невозмутимым лицом и тихим шепотом, чтобы никто не услышал и не понял, о чем речь.

— Не ожидала.

— Что будем делать?

— В каком смысле? — Марианна наконец — то повернула голову к подруге и взглянула на неё с недовольством. — Ты думаешь, меня так легко вывести из равновесия?

— Не то слово. Уже вывели, по тебе видно, не старайся отрицать это.

Подруга никогда не щадила её в таких вопросах, предпочитая слащавым утешениям голую правду. И это было одно из тех качеств, что Марианна в ней ценила больше всего.

С легким вздохом, выдававшим всю растерянность, девушка честно призналась:

— Мне кажется, я сейчас разрыдаюсь, Лилит. Я не могу уйти и не могу остаться. Что делать?

— Нам надо для начала уйти подальше от него. Если Адам решит заговорить с тобой, это станет очередной катастрофой.

И с решимостью старой матроны, желающей уберечь подопечную от надвигающейся опасности в лице «развязного красавчика», Лилит схватила подругу за руку и осторожно подвела к окну спальни, откуда её не было видно остальным гостям.

— Сядь сюда. Сейчас принесу тебе Марка. С ребенком на руках ты будешь в безопасности.

— Да ладно, ты так всё нагнетаешь... — нервно рассмеялась девушка.

— Да? Ты так думаешь? Надеюсь, не забыла, при каких обстоятельствах вы с ним распрощались?..

Этого было достаточно, чтобы Марианна и сама впала в крайне нервное возбуждение.

Как только Лилит отошла, она машинально повернулась в сторону Адама. Но его уже не было на прежнем месте. Пока она отчаянно пыталась найти глазами силуэт любимого и при этом не быть уличенной в своих действиях, над ухом неожиданно раздался насмешливый

голос:

— Я уже здесь, не ищи меня голодными глазами.

Боже, как он подошел?! Неужели она начала сходиться с ума?

Странно. Очень странно, как ей удалось сохранить каменное лицо и не кинуться ему на шею, чтобы признаться во всех своих глупых ошибках и не рассказать, как скучала.

Его голос, ужасно низкий и грубый, как и он сам, заставил сердце забиться с бешеной скоростью. Но ведь Мари никак не могла позволить ему увидеть свои истинные чувства. Поэтому осторожно повернулась и с самой ядовитой улыбкой, которую держала в своем арсенале лишь на крайние случаи, произнесла:

— Твоё чувство юмора осталось на том же уровне, Адам. Рада тебя видеть. Хотя и не ожидала.

Они не видели друг друга ровно три года, пять месяцев и две недели. И ей не стыдно признаться, что она считает каждый день. Пока Адам колючими глазами вглядывался в неё, Марианна не упустила возможности рассмотреть его лицо, такое родное и чужое одновременно. Он почти не изменился, только пару морщинок прибавилось вокруг глаз.

И тут же в ноздри ударил этот особенный запах, о котором она думала всего пару минут назад. С ума сойти, всё так и есть — Адам весь прежний... И это пугает.

— Да неужели действительно рада? — прозвучал издевательский вопрос.

Пока он сканировал её взглядом, она думала над тем, что бы ему ответить. Когда разговариваешь с Адамом, который ни капли к тебе не расположен, нужно взвешивать каждое слово. Мари прекрасно знала, насколько жесток он бывает и как сильно может задеть при случае.

— Честно говоря, и сама не знаю. Думаю, ничего хорошего эта встреча не принесет.

— С каких же пор ты научилась думать самостоятельно? Где твой отец, мать, которые должны давать тебе советы?

Каждое его слово было полно яда, который стократ приумножился за эти годы. Адама, видимо, никак не отпускала злость на её родителей и на неё саму.

— Как вижу, мысли о них до сих пор не дают тебе покоя! — злобно прошипела Марианна, сузив глаза.

— О! Даже представить себе не можешь, насколько...

Оба пожирали друг друга взглядом. Кто бы сомневался, что простой разговор приобретет оттенок войны. По — другому они разговаривать просто не могли, особенно в свете событий, при которых расстались тогда.

Адам не умел прощать. Совершенно.

— А вот и мы... — весело произнесла Лилит, протягивая маленького Марка Марианне. — Держи.

Девушка приняла крестника и прижала его к себе. Отличный ход подруги, да еще и как вовремя, иначе они с Адамом сцепились бы прямо на глазах гостей.

— Как ты, Адам? Столько лет тебя не видела...

Лилит поглаживала голову сына, стараясь встать между двумя собеседниками от греха подальше.

— Прекрасно.

— Ну а с личной жизнью? Семья, дети?..

— С личной жизнью у меня тоже никогда не было проблем, — при этих словах он стрельнул глазами в сторону Марианны, — а в жене и детях я пока не нуждаюсь. Так

сказать, желание отпало по некоторым причинам.

Девушку обдало жаром. Неужели ни одно его предложение не может прозвучать без скрытого обвинения? Как же тяжело стоять рядом с ним и чувствовать эту ненависть, когда как в душе у неё самой до сих пор живет любовь.

— Не сомневаюсь, твоя личная жизнь всегда была налажена на все пять с плюсом. По этой части ты круглый отличник, — слова сами шли откуда — то изнутри, и Мари никак не могла проконтролировать это.

Лилит посмотрела на неё строгим взглядом и быстро вмешалась:

— Все собираются к столу, Адам, ты тоже можешь присоединиться к ним.

Он ничего не сказал. Лишь напоследок еще раз красноречиво взглянул в глаза Марианне, словно обещая, что они еще поговорят. Затем развернулся и медленно побрел в гостиную.

— Ты с ума сошла?! — прошептала подруга в замешательстве. — Зачем ты нарываешься?

— Не знаю, не знаю, Лил... Ты же помнишь, я никогда не контролировала себя в его присутствии. Это единственное, чему я не способна научиться. Каждый выпад я обязана отражать.

— Стоит ли сейчас это делать? Не надо снова возвращаться к прошлым темам. Ты уже достаточно взрослая, у тебя теперь другая жизнь.

Марианна прикрыла глаза и еще крепче обняла Марка. В душе творился хаос. И у этого хаоса было имя.

— Не получится не возвращаться к прошлому.

— Почему это?! — возмутилась Лилит.

— Адам приехал сводить счёты, Лил. Потому что он никогда не умел прощать...

* * *

«Вы прошли и оставили в моем сердце

Глубокий след, требующий счастья»

Гайто Газданов «Ночные дороги»

* * *

Начало. Много лет назад, год 2008

Марианна.

Окунемся в атмосферу прекрасного Ростова — на — Дону, столицы Ростовской области и Южного федерального округа. Город — миллионник, яркий, насыщенный контрастами. Он не может не понравиться. Сюда тянутся со всей области и близлежащих краев, многие мечтают поступить в крупнейшие вузы Ростова. Счастливики же покуют чемоданы и прощаются с отчим домом, направляясь навстречу новой самостоятельной жизни.

Итак, чего ждут энергичные девушки, полные энтузиазма, поступая в университет? Новых знакомств, новых впечатлений, каких — то ухаживаний, знаков внимания со стороны противоположного пола?.. Может быть. Но это не тот случай.

Марианна и Лилит, две необычные особы, опьяненные ароматом свободы. Только они знают, чего стоило уговорить строгих родителей отпустить их на учебу за несколько сотен километров. Впрочем, это им удалось без истерик, слез и угроз. Девочки еще со средней школы подготавливали свои семьи к мысли, что будут учиться в столице. Это было их целью, и они её достигли. Университет встретил их с распростертыми объятиями, девушки сразу же влюбились в свой вуз, где будут проводить большую часть времени. Каждая из них приехала сюда за знаниями, с большим стремлением стать специалистами в любимой области — физике. И именно этим они и были необычны, ведь слишком мало представительниц прекрасного пола увлекаются данной наукой.

После последней пары они вышли из аудитории счастливые и довольные. Первый день прошел отлично, несмотря на то, что было лишь две ознакомительные лекции.

— Лил, давай поедem куда —нибудь. Не хочу домой, погода обалденная.

— Ага, конечно, а бардак в квартире кто будет убирать? Ты уже какой день обещаешь разобрать вещи? — недовольно нахмурилась Лилит.

Марианна скорчила жалобную гримасу и для пущей убедительности похлопала ресницами. Но подруга была непреклонна. Пришлось обреченно вздохнуть и свыкнуться с мыслью, что её ждет грандиозная уборка. А она этого совсем не любила. Именно по этой причине девушка настояла, чтобы квартира была однокомнатной — логично, что так надо будет убирать меньше. Они сняли уютную маленькую однушку неподалеку от университета. Стоила она, конечно, достаточно дорого, но с учетом, что их двое, обошлась приемлемо. В студенческое общежитие родители их категорически не пустили. Что семья Марианны, что семья Лилит — обе готовы были выделять кругленькие суммы на содержание дочерей, в чем — то даже, может быть, ограничивая себя, ведь жили они в среднем достатке. Но, а как иначе? Девочки ведь теперь студентки, это совсем другой уровень.

— Ладно, пошли, — пробурчала Мари. — Ты хуже моей мамы.

Что правда, то правда. Марианну в таких делах нужно было подгонять, заставлять и даже подвергать шантажу, иначе сама она никогда не возьмется ни за уборку, ни за глажку,

ни за готовку. Не было в ней стремления быть примерной девочкой. Никогда.

— Может, пойдём и поедим? Я голодная, — призналась вдруг подруга. — Дома как — то нет желания готовить.

Лилит указала на коридор, ведущий к столовой. Мари с сомнением посмотрела на неё, но та потащила девушку за собой. Если уж Лило захотела есть — её ничто не остановит. Они зашли в помещение и оторопели, увидев кучу народа. По меньшей мере, человек 200 сидели за столами и громко галдели.

— Мне кажется, нам лучше пойти и купить что —нибудь в магазине, Лило.

— Да ну, вон, смотри, там у девочки в тарелке нормальная пицца, вроде. Не умрем же мы, если попробуем здешнюю еду.

— Хотелось бы надеяться.

Мари, как истинный домашний ребенок, всегда относилась к еде «извне» очень негативно. Но Лилит невозможно было переубедить, поэтому она покорно встала в очередь, время от времени поглядывая на большие настенные часы.

Внезапно несколько парней, словно вихрем прошлись вдоль всей вереницы ребят и пробрались к самому началу.

— Давайте, детишки, пропускаем старших. Если мы умрем с голоду, в этом году университет никого не выпустит, — посмеиваясь, кричал один из них, проталкиваясь вперед.

Самое интересное, что им никто не возражал. Лилит грозно выпятила подбородок и уставилась на спины наглецов. Мари последовала её примеру, мысленно прикидывая, через сколько секунд подруга наорет на этих несчастных. Такова уж была Лилит, не отличающаяся робостью или смиренностью.

— Эй, самые голодные! Да — да, ты тоже, в конец очереди встал! Ты, что, самый умный? Или льготный посетитель?

Некоторые из толпы захихикали. Парень, которому всё это высказывала Лилит, с каждым словом всё шире и шире раскрывал глаза. Он просто потерял дар речи. Пока его приятели делали заказ, совершенно не обращая внимания на разговоры в толпе, бедняга отдувался за всех, можно так сказать. Мари не улыбалась. Смелость Лилит иногда пугала её. Всё это можно было произнести и вежливее, особенно в том случае, когда имеешь дело с верзилами, да еще и кавказской внешности. Последствия могут быть плачевными.

— Вы совсем офигели там?! — взорвалась Лилит, поняв, что парни плевать хотели на неё и на её призыв.

Они уже завершили свой заказ и забирали подносы, чтобы сесть за стол. Так как ростом Мари не отличалась, то лиц остальных видеть не могла. Но внимательно следила за тем несчастным, который принял на себя весь удар. Девушка была готова поспорить, что в обычной жизни он с Лилит церемониться бы не стал, просто сейчас был слишком шокирован, чтобы что — то сделать.

Мари полезла за кошельком, облегченно вздыхая, что всё обошлось без стычек. И внезапно Лилит закричала:

— Уроды!

Слово долетело до предназначенных ему ушей, ибо в ответ раздался раздраженный голос:

— Если ты самая голодная, можешь поесть из моей тарелки!

— Сам давись!

— Вот и заткнись и стой в очереди.

Лилит в негодовании ударила кулаком по бедру. Не было смысла что — то говорить, потому что никто её не услышал бы. Парни уже были далеко, совершенно не желая связываться с хамоватой первокурсницей.

— Почему ты молчала, Мари?! Надо было поддержать меня! — с досадой произнесла девушка. — Тут это, кажется, привычное дело, всем плевать.

Но Мари её, казалось, не слышала. Она в потрясении уставилась на парня, произнесшего ту фразу.

— Мари? — позвала подруга. — Что случилось? Ты же не испугалась этих дегенератов?

— Полегче, Лиль...

— Не поняла?

— Ты не представляешь, кто это...

— Всю дорогу будешь молчать? — нетерпеливо спросила Лилит.

Они ушли домой, так и не поев. Марианна, выбитая из колеи неожиданной встречей со своей детской любовью, просто молча развернулась и вышла из столовой. Подруга последовала за ней и всё это время пыталась выяснить, что так шокировало Мари, да и кто это был.

— Дай мне успокоиться, я потом расскажу, — попросила девушка.

Лилит удивленно кивнула. Это было что — то новенькое. Такой загруженной и потерянной она Мари никогда не видела. Даже во время ЕГЭ та была веселой и бодрой, а это — уж точно — самое ужасное испытание для любого современного школьника.

В таком молчании они и дошли домой. Странно, но Мари сразу же принялась за уборку. Она и сама не отдавала отчета своим действиям, слишком глубоко погруженная в мысли об Адаме. Том самом парне, с которым у них с Лилит произошла перепалка. Сколько лет они не виделись? Не меньше шести, однозначно. Признаться, девушка и не надеялась, что когда — нибудь встретит его вновь. Её единственная слабость в этой жизни. Адам Дарбинян, гроза двора, школы, задира, хулиган. Первое детское увлечение, переросшее уже в серьёзное чувство.

Ей было пять лет, когда Марианна поняла, что встретила любовь всей своей жизни. И произошло это не так романтично, как у большинства людей. Они переехали из родного Иджевана в Ростовскую область, город Волгодонск, где никого не знали. Когда отец семейства Артур Асриян случайно выяснил, что их соседи — армяне, чуть было не сошел с ума от радости. Семья сразу же получила приглашение на ужин, и по этому поводу в квартире творился хаос, который раздражал Марианну. Её нарядили в нелепое платье и колготки с мишками, от которых все время чесались ноги. Вообще, девочка просто терпеть не могла такие наряды и свято верила, что они больше подойдут ее старшему брату — изнеженному умнику Мхитару. Мама её мнение не разделяла, поэтому облачила сына в костюм. Ох, как ему завидовала Мари — хотя бы ноги не чешутся.

Когда они познакомились с соседями, девочка потеряла всякую надежду найти что — то интересное и новое. Тетя Звард и дядя Аршак оказались почти точными копиями её собственных родителей — тискали девочку, говорили всякие нежности и пытались впихнуть побольше еды в рот. Нет, покушать Марианна любила, но была против, чтобы ее кормили все подряд.

Вечер обещал быть скучным. Но все изменилось, когда с тренировки вернулся сын четы — Адам. Почти в два раза старше, выше и сильнее он все же не внушал Мари страха.

Наоборот, когда она увидела, насколько неряшливо тот швырнул куртку на диван, — поняла, что обрела родственную душу. Дома она была единственной, кто совершенно не заботился об аккуратности и поступал с вещами точно так же, как и вошедший Адам. Мало кто знал, что в хорошенькой пятилетней девочке ничего от девочки — то и не было, по сути. В ней умещались лишь отрицательные качества бунтарки, хулиганки и плюс доля вселенского зла, заставляющая её издеваться над старшим братом.

Спустя час, когда Мхитарик получил в нос от Адама за то, что посмел выиграть несколько фишек с покемонами, Марианна поняла, что они с мальчиком подружатся. Ей самой уже давно хотелось хорошенько врезать брату за его занудство и ябедничество.

Очень легко объяснить эту внезапную симпатию маленькой девочки к задиристому и даже жестокому мальчику. Марианна в свои пять лет уже успела доказать всем и каждому, что совершенно не походит на своих сверстниц, обожающих переодевать кукол. Вместо этого она любила ходить хвостиком за отцом и интересовалась всем, что он делал: будь то банальная замена лампочки, починка утюга или же возня под капотом машины. Девочку привлекало всё, чем занимаются именно мужчины.

Старший брат, который оканчивал начальную школу, раздражал её своей чопорностью и занудством. Мхитарик всегда отказывался принимать участие в её проделках и докладывал маме об очередной выходке Марианны. За это она мстила ему тем, что подсыпала в чай соль, вырывала листики с аккуратным почерком из разных тетрадей и незаметно присваивала себе часть карманных денег брата, на которые потом угощалась чупа — чупсами и прочей ерундой.

В Иджеване её знали все соседи, с чьими детьми Мари хотя бы раз играла, потому что те возвращались домой со слезами на глазах. Что поделать, если все мальчики в возрасте от четырех до шести лет были слабее неё? С девочками Мари не играла, да и никто особо не звал, зная её повадки, а вот старшие мальчики попросту не воспринимали всерьёз, чтобы податься в их компашки. Оставались только эти несчастные растяпы — сверстники...

И теперь, увидев взрослого Адама, у которого схожие замашки, Мари поняла, что ей следует дружить именно с ним. Он за час успел сделать те две вещи, о которых сама девочка только мечтала: избить её брата и заставить того плакать, как девчонку.

Увы, родители обеих сторон не разделяли веселья самой Марианны, и вскоре вся их семья вернулась домой, где мама всячески стала утешать своего ненаглядного любимчика, у которого вырисовывался фингал. Но девочку гораздо больше интересовало положение Адама, которого тетя Звард сильно ругала, когда уходили гости. Марианна сначала стала переживать за него, но потом, увидев, с какой стойкостью и упрямством во взгляде он её слушает, поняла, что мальчик совсем не страдает. Адам оказался крепким орешком.

И дальнейшая его судьба была predetermined в этот самый вечер: Адам обречен быть любим девочкой всё её детство, юность...и до конца жизни.

— Я не поняла, почему ты мне никогда не говорила о нем? — озадаченно переспросила Лилит, когда Мари поведала о причине своего душевного потрясения.

— Потому что он уехал задолго до нашего с тобой знакомства. Да и не о чем было рассказывать. Я благополучно всё отправила в дальний ящик своего мозга, и это должно было пылиться там всю мою оставшуюся жизнь. Только вот...когда сегодня его увидела, я поняла, что не получится.

— Так глубоко? Неужели детская любовь может произвести такое впечатление на тебя, понч? Ты же совсем не такая!

Мари стрельнула в неё обиженным взглядом. Ей и самой не по себе от того, что эта заноза до сих пор вызывает такие сильные чувства. Но это правда — за свои 18 лет она не испытывала ничего подобного. Юный возраст не имеет значения, важно, что Мари была умна не по годам. Многие вещи девушка воспринимала иначе, чем её сверстники, и так было с самого детства. Вот и сейчас, вместо того, чтобы радоваться светлому чувству, которое в ней жило столько лет, она озадачена и сбита с толку. Ясно одно — этому противиться нет смысла.

— Я всё равно не понимаю, понч... Он даже не красивый, меня вообще отталкивают такие парни. У него пугающая внешность. Что ты в нем нашла?

— А мне смазливые красавчики никогда и не нравились, — пробубнила Мари, поправив очки на переносице.

Что она в нем нашла? О, Господи! Её список был бы бесконечным, соберись она его составлять.

— И что теперь? Ты поздороваешься с ним? Напомнишь о себе, о вашем детстве?

— Что?! Я? Нет, естественно! Тем более что у нас с ним общие воспоминания только негативные. Сколько помню, мы всегда дрались. Адам бесился, что я такая задира и лезу в его компанию, а я бесилась, что он не воспринимает меня как равную.

— Хорошее начало истории, — скептически заметила подруга.

И было трудно с ней не согласиться...

Когда Мари ехала в Ростов, ей и в голову не могло прийти, что она столкнется с такими проблемами. Эта рассеянность, вызванная частыми воспоминаниями, на которые она тратила больше времени, чем следовало бы. Эта взволнованность, когда в толпе студентов она замечала силуэт или профиль, чем — то напоминающий Адама. Эта навязчивая мысль узнать, на каком факультете он учится, где живет, чем интересуется, занимается... Лилит упрекала её в пассивности, просила собраться и окунуться в учебу. Всего месяц, как они поступили, а у Мари уже есть «хвосты».

Признаться, девушку никогда особо и не волновали оценки. В школе она никогда не была отличницей, да и хорошисткой оставалась с трудом. Кроме физики её не интересовал ни один предмет. Остальные учителя шли ей навстречу только из — за наград, которые Мари постоянно получала на всевозможных олимпиадах по той же физике. Многие удивлялись, почему, прекрасно разбираясь в такой сложной науке, девочка не может познать предметы полегче. Ответ был просто: ей это было неинтересно. Вплоть до старших классов родители пытались бороться с дочерью и заставить её учиться прилежнее, всё время ставя в пример старшего брата — отличника, но ничего не получилось. Мари была настолько своенравной, насколько это только возможно. Но за счет того, что являлась любимицей отца, ей многое прощалось.

Но здесь нет родителей, которые будут давить на неё. Это уже взрослая жизнь, и она должна сама взять себя в руки. И Мари этого очень хотела бы, но ничего не могла с собой поделат. Всё время высматривала в толпе его лицо и умирала от желания еще раз увидеть... Но, похоже, со школьных лет ничего не изменилось — Адам игнорировал занятия. С того раза она его больше не встречала...

* * *

«Они изучали жизнь по книгам, в то время как он был занят тем, что жил»

Джек Лондон «Мартин Иден»

* * *

Адам.

— Тихо — тихо, смотрите, он выходит!

В машине раздался приглушенный смех, все трое не могли отказать себе в удовольствии посмеяться над бедным парнем, только что вышедшим на улицу и в ужасе озирающимся по сторонам, ища свой «Rang».

— Всё, ладно, поехали, Рахат, — Адам показал кивком на дорогу. — Этот ишак может нас заметить.

Они немного пригнулись, будто это помогло бы им остаться незамеченными. Впрочем, горе — водителю угнанного автомобиля было не до проезжающих.

— Сейчас позвонит папочке и будет плакаться. Неудачник! — ехидно заметил Авет.

— Адам, какой раз по счету мы это делаем? — хохоча, спросил Рахат, пытаясь внимательно следить за дорогой.

Адам лишь пожал плечами, довольно усмехнувшись. Делали, делают и будут делать. Каждому, кто перешел ему дорогу, он возвращал долг по — своему.

— Раз уж мы встали в такую рань, чтобы посмотреть на его рожу, может, в универ заскочим? Все — таки мы выпускники.

Все трое учились в одной группе уже пять лет. Со стороны трудно было поверить, что они будущие юристы, поскольку в обычной жизни эти ребята представляли собой не самый лучший пример. По сути, на пары они ходили только в первый год обучения, а потом появлялись от случая к случаю.

— Я не против. Тем более что можно познакомиться с красивыми первокурсницами. — Предложил Авет.

— Это да! — весело поддакнул Рахат.

В прекрасном расположении духа они подъехали к зданию университета и направились во двор. Адам с Аветом обсуждали дела в мастерской, когда Рахат вдруг прервал их:

— Эй, смотрите! Помнишь эту мегеру из столовой? Это же она?

Оба друга повернулись в ту сторону, куда он указал.

— Не помню, может быть. Я лицо не рассмотрел, — Адам покачал головой.

— Да, она это, я её запомнил, у неё бешеный взгляд. Смотрите, что сейчас будет...

Рахат поправил воротник и с видом властелина Вселенной направился к девушкам, мирно идущим по тропинке ко входу.

— Привет! Надеюсь, вы сегодня голодны, как и в тот день, потому что я горю желанием угостить вас чем — нибудь.

Та, что с бешеным взглядом, презрительно фыркнула.

— Отлично, надеюсь, ты так и сгоришь.

— Какая, оказывается, мегера дерзкая, — пробубнил Рахат так, чтобы его слышали только друзья.

— Что ты сказал? — у девушки оказался острый слух.

— Говорю, жаль. Могли бы приятно пообщаться.

— Я в этом сомневаюсь.

— Ты очень многое теряешь, поверь.

— Да неужели?

— Знаешь, как переводится с казахского мое имя? «Удовольствие». Ты понимаешь, о чем я?

Девушка снисходительно улыбнулась и склонила голову набок.

— А, знаешь, как переводится с иврита мое имя? «Ведьма». Ты понимаешь, о чем я?..

Адам с Аветом взорвались от смеха, наблюдая, как незнакомка буквально кладет их друга на обе лопатки. Вторая девушка резко вскинула голову и окинула взглядом всю компанию. До этого она всё время смотрела в другую сторону, безучастная к происходящему.

Словом, в её внешности и не было ничего особенного, обычная среднестатистическая армянка — выдавали широко распахнутые карие глаза за стеклами её очков. Она явно уступала своей подруге в красоте и женственности. И всё бы ничего, Адам уже хотел, было, отвернуться, но его мозг начал усиленно работать, прокручивая какие — то воспоминания. Он нахмурился и внимательнее присмотрелся. Девушка это заметила и сразу же повернула голову.

— Марианна? — неожиданно произнес Адам с удивлением.

Она вздрогнула и, казалось, была совсем не рада, что он её узнал. Словно большим усилием воли снова развернувшись к нему лицом, Марианна произнесла:

— Привет, Адам.

Он хотел спросить, что она здесь делает, но подруга схватила её за локоть и быстро потащила вперед. Через несколько секунд обе скрылись за массивными дверьми университета.

— Ты всю малину мне испортил... — недовольно пробурчал Рахат. — Но, с другой стороны, раз ты знаешь вторую, значит, будет легче познакомиться с первой.

— Сомневаюсь. Тебе ничего не светит. — Авет издевательски похлопал его по щеке.

Они продолжали подтрунивать друг над другом, а Адам витал в своих мыслях, вспоминая эту бестию. Не стоит обманываться внешним смирением и таким видом невинной отличницы, что могло показаться из — за очков и отсутствия косметики. Ничего подобного. В душе эта девочка была сущим дьяволенком, который, однако, и ему кровь попортил...

Вспоминая их первую встречу в детстве, Адам невольно заулыбался. Как вчера, он воссоздал образ маленькой пухлой девчушки с озорным взглядом. В фишки она, кстати, резалась лучше брата — жулика, который использовал nepозволительные приемы, за что и получил в глаз в своё время. Помнится, расстроенная этой потасовкой мама сильно отругала его в тот день. И Адам так обозлился на новых соседей, что решил больше не связываться с ними...

Откуда ему было знать, что эта малявка увяжется за ним и станет своеобразной тенью? Это было просто ужасно. На неё не действовали ни угрозы, ни насмешки, ни открытые издевательства.

— Играй с девочками, отстань от меня! — часто кричал в порыве ярости десятилетний Адам.

— Я хочу с тобой! — упрямо отвечала она, и он опускал руки, понимая, что запугивания

на неё не действуют, а бить девочку ни в коем случае нельзя.

Страшно вспомнить, какие проделки они вытворяли с дворовыми друзьями, а Мари все так же бегала за ним и присутствовала везде. Говоря об элементарных правилах безопасности — она просто могла покалечиться... Все друзья стали обзывать их женихом и невестой, а при совместном появлении петь дурацкие четверостишия. Раздражение в нем тогда очень быстро переросло в ярость. Ярость — в ненависть.

В один прекрасный день, когда его это окончательно довело, он просто сорвался на девочке, а потом неосознанно толкнул, не рассчитав силы. Мари тогда упала и сильно ударилась ногой о стоящую рядом железную скамью. Адам тут же почувствовал себя виноватым и ждал, что она вот — вот закричит и заревет. Но эта девчушка была не так проста. Она удивленным взглядом уставилась на ссадину у себя на коленке, откуда сочилась кровь, а потом резко вскочила и...как дала ему этой же ногой в самое уязвимое место... Адам был настолько ошарашен, что остался стоять неподвижно и провожал её взглядом, пока Мари бежала к подъезду. Он даже боли не чувствовал, так был поглощен своими мыслями о смелости малышки. Она была младше в два раза, но ту силу духа, что только что продемонстрировала, имели далеко не все пацаны его возраста...

После этого случая они стали настоящими соперниками во всем. Мари больше не показывала своей симпатии к нему — напротив, всячески пыталась задеть. А что мог сделать Адам? Он прекрасно понимал, что десятилетнему мальчику негоже тягаться с маленькой девочкой, но эта бестия просто не оставляла ему выбора, и приходилось отвечать ей тем же. Безобидные, как казалось изначально, выходки часто переходили дозволенную грань, становясь жестокими. Один ненавидел другого, яростно пытаясь как — то причинить боль, унижить различными способами, которые имелись в неокрепшем детском представлении. Несколько раз доходило даже до драки...

Если бы не их родители, успевшие очень близко подружиться, дети бы точно поубивали друг друга. Во время общих обедов или ужинов они старались молчать и не контактировать. Фразы «Адам, идите и поиграйте с Мхитаром и Мари» вводили его в ступор. Он не ладил ни с первым, ни со второй. И это продолжалось около года. А потом он и вовсе перестал участвовать в таких соседских сборищах. Стоило ему услышать, что сегодня к ним придут Асрияны, — Адама и след простывал. Ну, а спустя еще долгих 7 лет, наполненных многочисленными драками, потасовками и перепалками как с Мхитаром, так и с Мари, отец вдруг объявил, что они переезжают в столицу. И больше Адам не слышал о своих «любимых» соседских детях.

Было большой неожиданностью встретить её здесь после такого долгого промежутка. Надо заметить, что между ними, похоже, ничего не изменилось. Адам прекрасно понял, что Марианна до сих пор испытывает к нему неприязнь. И это вызывало ответное негативное чувство.

После второй нудной пары они всей компанией отправились в столовую, в которой когда — то давно, еще на первом курсе, проводили уйму времени. Никто из них не удивился, когда чуть позже туда вошли обе девушки.

— Ну вот, я именно этого и ждал, — довольная улыбка расплзлась по лицу Рахата. — Пригласи её за наш стол, она же твоя знакомая.

— Я как — то не горю желанием с ней общаться, поэтому сам приглашай, если так хочется.

Адам безразлично уставился в свою тарелку. Не то, чтобы он чем — то отличался от

своих друзей в плане любвеобильности, просто прошло то время, когда ему нравились совсем юные и неопытные первокурсницы. В свои неполные 23 парень привык общаться со сверстницами или же девушками постарше. Поэтому сейчас, видя, как горят глаза Рахата при появлении подруги Марианны, Адам лишь мысленно усмехнулся.

— Да забудь уже, она тебя отшила, — снисходительно посоветовал Авет.

В ответ Рахат послал его в «далекие дали» и встал, направившись к девушкам. Естественно, спустя какое — то время он вернулся один и с идиотской улыбкой на лице, которая никак не могла соответствовать ситуации.

— Чему ты радуешься? — озадаченно спросил тот же Авет. — Она же явно опять сделала тебя.

— И что? Зато, какая девушка... — мечтательно протянул Рахат. — Теперь буду чаще появляться в универе.

— Это без меня...

— И без меня точно. — Подтвердил Адам, подняв голову, и неожиданно столкнулся с парой карих глаз, внимательно изучающих его.

По телу прошли неприятные мурашки. Он словно вернулся в детство и вот так же с опаской смотрел в сторону Мари, чей взгляд был обращен на него.

Все девочки во дворе плакали, когда их обижали мальчики. Многие убегали, отказывались потом играть с ними. И всё это было закономерно, ничего необычного.

Но она всегда была странной. Что бы Адам ни пытался ей сделать, Мари не воспринимала это как личную обиду. Он ни разу не видел, чтобы эта девочка плакала. Наоборот, смотрела серьёзным и внимательным взглядом, будто пытаясь проникнуть в мозг и понять причины поступков. Это пугающее впечатление усилилось после того, как Мари начала носить очки. Они были ужасными, с толстыми стеклами и глупой круглой формы. Было сложно удержаться и не отпустить шуточку на счет их вида. А она лишь приподнимала брови в ответ на дурацкие высказывания. И продолжала сверлить взглядом...

Никогда Мари не нравилась Адаму. Скорее, пугала своей уникальностью. Он даже, может, где — то восхищался её необычным характером, но пытался держаться на расстоянии, насколько это было возможно.

— Ты меня слушаешь? — рука друга оказалась на его плече, отвлекая от непрошенных воспоминаний.

— А что ты сказал?

— Давай объявление повесим здесь, мне кажется, многие откликнутся. Без администратора будет сложновато, придется постоянно отвлекаться.

В СТО очередной раз уволился администратор. Девушки там не задерживались, потому что выдержать команду мужчин было довольно сложно. Во — первых, никто из них не стеснялся в выражениях, во — вторых, многие пытались заигрывать с симпатичными девушками, ну, а в — третьих, сама работа требовала высокого уровня стрессоустойчивости, так как часто приходилось общаться с привередливыми клиентами. Вот и получается, что через каждые три — четыре месяца появлялась необходимость искать нового администратора.

— Хорошо, давай повесим объявление. Это надо будет спросить разрешение в учебной части и распечатать его.

— Я схожу, там сейчас работает наша староста, — Авет кивнул и встал, направившись в учебную часть.

Пока его не было, Адам был вынужден выслушивать дифирамбы, которые Рахат пел этой девушке.

— Ты даже не знаешь, как её зовут, может, не стоит так увлекаться?

— Лилит её зовут, я слышал, когда они в очереди стояли. Кстати, я прогуглил, имя действительно так и переводится! — радостно воскликнул он.

Адам лишь пожал плечами и взял в руки стакан сока. Что — то подсказывало ему, интерес Рахата к этой Лилит до добра не доведет. Но друг уже довольно взрослый мальчик, пусть сам разбирается.

Да и тот факт, что она была подругой Марианны, как — то не красил её. Мари была самой странной, отталкивающей и высокомерной девушкой из всех, кого он знал.

А знал он достаточно многих...

* * *

«Я тебя люблю методом исключения: то есть,
ты мне не нравишься, я тебя не понимаю, ты меня не понимаешь»

Валерия Нарбикова «План первого лица и второго»

* * *

Спустя время, конец первого курса, год 2009

Марианна.

— Итак, кто еще раз повторит соотношение, являющееся искомым формальным решением уравнения Липпмана — Швингера?

Вся группа почти хором произнесла ответ:

— 1.71!

Последний семинар по «Теории ядерных реакций» проходил на ура, все пришли подготовленным. Через неделю начиналась сессия, и это держало студентов в напряжении. Опять — таки, всех, кроме Марианны.

Предметы, касающиеся непосредственно их специальности, она просто обожала. Но общие дисциплины девушка находила довольно скучными. Именно по этой причине Мари не стала круглой отличницей, хотя в процентном соотношении пятёрок у неё было больше. Чего не скажешь о Лилит, для которой оценки имели огромное значение, она хотела получить красный диплом.

Как прошел первый учебный год? Слишком быстро. Мари даже не успела вкусить этот аромат студенческой жизни, поскольку у неё не было времени — она устроилась на работу почти сразу после поступления. Изначально девушка этого не планировала, но обстоятельства сложились так, что семья стала нуждаться в деньгах. У мамы начались проблемы со здоровьем. Она и так всегда была достаточной слабой, перенесла несколько операций по женской части, а теперь совсем не могла работать, поэтому уволилась. Мари не хотела быть обузой, и как бы отец с братом не настаивали, что смогут содержать её, девушка всё равно поступила по — своему.

Сначала она устроилась в обувной магазин, но спустя месяц поняла, что эта работа не стоит ни потраченных сил, ни времени, ни нервов. А уж о том, что там платили просто ниже плинтуса с таким бешеным графиком, Мари уже умалчивала. Начались маленькие проблемы с учебой из — за отсутствия на некоторых парах, ей даже пригрозили, что с таким посещением могут лишить бюджетного места. Пришлось плюнуть на этот обувной и искать что — то более подходящее.

О дневном графике можно было даже не думать. Мари вынуждена была искать что — то в ночную смену. И совершенно случайно, разговорившись с одногруппницей, которая работала в караоке — баре, узнала о вакантном месте официантки. Выбирать не приходилось, главное, что платили хорошо, и можно было ходить на учебу. График 2/2 тоже вполне устраивал её.

Лилит всячески отговаривала девушку, ссылаясь на то, что это место не для неё, что ночная смена слишком тяжелый труд, да и опасно среди такой молодежи. Но Мари была не из робкого десятка. Она устроилась на эту работу. И сказать, что было тяжело, — это ничего не сказать. Такое ощущение, что каждый день Господь испытывал её терпение, посылая

неадекватных посетителей. Пьяные, наглые отпрыски богатых родителей, считающие, что весь мир принадлежит им...

Администратор сделал ей уже два выговора за непозволительное обращение к клиентам, пригрозив, что следующий раз станет последним. Ну не могла она сдержаться, когда кто — то хамил или вёл себя как настоящий скот. Через самовнушение, долгие часы воздержания, Мари спустя пару недель превратилась в образцового работника. А когда получила первую зарплату, приплюсовав к ней чаевые, поняла, что должна смириться с поведением этих ненормальных, потому что деньги ей были очень нужны. Да и это чувство самостоятельности просто опьяняло: самой заплатить за квартиру, самой покупать одежду, продукты...

Итак, в учебе всё было хорошо, дома тоже. Мари даже отложила небольшую сумму, чтобы отправить матери на лекарства. Слава Богу, та шла на поправку.

Жизнь её протекала без всяких потрясений...до поры до времени.

Всё началось перед Новым годом, это был обычный субботний вечер, в караоке было полно посетителей, Мари едва успевала обслуживать столы, ноги гудели от усталости, голова раскалывалась от громкого шума. На носу была первая сессия, и мысли были забиты различными формулами, которые девушка повторяла про себя. Совсем не удивительно, что Мари упорно не замечала направленного на неё взгляда темно — карих глаз...

— Мари, седьмой стол! — прокричал через шум администратор, указывая вдаль.

Девушка повернулась и увидела, что группа парней уселась за столом, который обслуживает она. Взяв несколько меню и пепельницу, Мари направилась к ним.

— Добрый вечер.

Разложив меню перед гостями, она уже, было, повернулась, чтобы уйти, но тут один из них заговорил:

— Принеси самый дорогой коньяк, который у вас есть.

Казалось, через неё пропустили ток. Что — то внутри неприятно заныло: то ли чувство стыда, то ли радостное возбуждение, то ли злость от тона... Господин Адам Дарбинян собственной персоной.

Осторожно, словно в замедленной съемке, Мари подняла глаза на него. В полумраке заведения его лицо казалось еще более грозным, чем в обычной жизни. Эта надменность, это высокомерие и...Боже, эти холодные глаза.

— Вам бутылку или...

— Бутылку, конечно. Даже две. — Перебил он.

— Хорошо, одну минуту.

— Отсчет пошел.

Мари стиснула зубы и отправилась в бар за выпивкой. Не то, чтобы раньше такого не происходило, — здесь часто бывают богатые выскочки, которые не умеют разговаривать с окружающими, но...от него выносить такое обращение было выше её сил. Как же это низко — пользоваться ситуацией, пытаться унижить кого — то в силу должности... Моральный урод. И самое ужасное, ей действительно стало стыдно, что она перед ним в таком виде, в этой дурацкой форме и в таком положении.

Ничего не оставалось, Мари попыталась успокоиться, чтобы не выдать своего душевного потрясения из — за этой встречи.

С подносом в руках она подошла к столу и стала осторожно раскладывать бокалы, при этом став «свидетелем» разговора:

— ...да, вот та в черном платье вообще бомба, но её подружка не очень.

— Нет, вот эта справа...

Мари попыталась не прислушиваться. Что за бред, как будто группа школьников впервые «вышла в свет». Девушка старалась не смотреть на присутствующих. Среди них ей были знакомы лишь двое — те самые, с кем Адам появлялся в университете 1–2 раза. Остальных она видела впервые, и, дай Бог, чтобы больше не видела. Все они были похожи на зеков — небритые, мрачные и с огромными золотыми цепями на шеях.

— Прошло 3 минуты и 15 секунд. Очень низкий уровень обслуживания.

На мгновение девушка прикрыла глаза. Чего он от неё хочет?

— Я сейчас попрошу другую официантку обслужить ваш стол.

— Не надо, не думаю, что другие сделают это лучше. И потом, мне интересно...как тебя, вообще, приняли на работу? — растягивая слова, спросил Адам.

— Что, простите?..

— Ну, странно как — то, с твоей внешностью в таком заведении...

Любая другая потеряла бы дар речи. Её унижал человек, которого она не видела почти 7 лет. Какие счета у них могут быть, если они были детьми?

— Да нет, — потеряв терпение, отчеканила Мари, — странно то, что с твоей внешностью за тобой не гонятся собаки на улице.

В одно мгновение все сидящие за столом вскинули головы и посмотрели на неё с удивлением. Никто не улыбался. По её коже прошел холодок, адреналин разлился по венам. Она понимала, что сейчас надо развернуться и уйти, послав других работников, но никак не могла прервать этот бессловесный поединок взглядов. Что он думает о себе? Живет на деньги богатого отца и считает, что обрел место под солнцем? А внешность? Адам сам далеко не красавец, чтобы судить чьи — то внешние недостатки...

Он достал сигарету, не спуская с неё глаза, и закурил, пустив дым прямо ей в лицо. Мари махнула рукой, и дым рассеялся. Это отрезвило её. Резко развернувшись, девушка отправилась в кабинет администратора. Тихо постучав, она открыла дверь и сделала шаг.

— Пац, извини...

Мужчина отвлекся от подсчетов и взглянул на неё:

— Что — то случилось?

— Да, я себя плохо чувствую...могу передать столы остальным и уйти?

— Мари, сегодня же суббота. Может, тебе дать таблетку? Не подводи меня...

Девушка вздохнула и честно ответила:

— Боюсь, таблетки мне не помогут. Я, правда, не смогу продолжить обслуживание,

Паш.

Он покачал головой, а потом вынужденно кивнул:

— Хорошо, иди, потом отработаешь смену.

— Спасибо.

В кабинете она задерживаться не стала, сразу бросилась в раздевалку и, переодевшись, ушла через служебный выход.

Ночью Мари не смогла сомкнуть глаз...

Это была их первая встреча, но далеко не последняя. Время от времени Адам появлялся там то со своими друзьями, то со своими...подружками. Словесная война продолжалась каждый раз, поскольку этот «постоянный клиент» изъявил желание, чтобы его всегда обслуживала она, Мари! Бешенству её не было предела. В какой — то момент появилась

мысль уволиться, чтобы больше не тратить нервы, но это было невозможно. Где еще найти работу с таким удобным графиком и хорошей зарплатой?.. Да и потом, разве может она доставить удовольствие этому пижону, уйдя из — за него? Нет, конечно. Подумаешь... Маленькое недоразумение, препятствие, которое Мари преодолет.

Вот только, её постоянно мучил один вопрос: почему не получается выкинуть из головы свою детскую любовь?..

В таком нервном режиме и прошли остальные полгода. Приближалась вторая сессия, и это немного отвлекало от мыслей об этом жестоком, полном отрицательных качеств человеке, который навсегда поселился в её сердце. Мари не имела никакого желания страдать по нему, пытаться понять, почему он так к ней относится. Она прекрасно знала, что Адам сам по себе такой человек, любящий показывать своё превосходство перед другими, пытающийся сломить волю тех, кто ему не нравится. Только вот, никогда Мари не была похожа на этих «других», поэтому не собиралась сдаваться.

Если честно, она и сама не знала, почему ей так важно было присутствовать на этом вечере, но Мари пришла сюда.

— Вон он, любовь всей твоей непутевой жизни, — прошептала с сарказмом Лилит.

Подруга была крайне недовольна, ей совсем не хотелось тратить время на это сборище. Когда она узнала, что Мари хочет посмотреть на вручение диплома Адаму, впала в бешенство.

— Ну, зачем тебе это нужно?! Этот придурок, этот дегенерат твоего внимания не стоит! Он же постоянно тебя унижает, из — за него у тебя вечные проблемы на работе, а ты...на него в костюме решила посмотреть, что ли?! — кричала Лилит в гнев.

Последние её слова тогда вызвали улыбку на лице Мари. Может быть, подруга и права. Уж очень хочется посмотреть на него в такой день... Все — таки девочки есть девочки, ничем не объяснить это чувство.

И в тот самый момент, когда Мари увидела его в костюме, ощутила, как сердце пропустило удар. Ей не свойственна сентиментальность, но в данную минуту девушку распирало от гордости. Как же он отличается от всех. Высокий, статный, на лице легкая озорная улыбка. Адам побрился, его подстригли по последней моде, словом, выглядел он как нормальный человек, а не как абориген, не видевший бритву и ножницы.

Пока она наблюдала за ним, не замечая никого вокруг, Лилит пыталась отбиться от приставучего Рахата, который моментально засек её в этой огромной толпе. Они и виделись — то всего раза 3–4, но он никогда не упускал возможности заговорить. Лилит его терпеть не могла.

— Мариша? — раздалось где — то рядом.

Мари быстро обернулась и столкнулась с маленькой полной женщиной в красивом вечернем платье. Она взирала на неё удивленными глазами, но было видно, что искренне рада встрече. Девушка и сама не могла поверить, что спустя столько лет встретила тетю Звард, мать Адама. Вообще — то в её планы не входило засветиться на празднике. Мари просто хотела посмотреть на Адама и уйти незамеченной, когда ему вручат диплом. Наивное предположение, конечно. Всё полетело к чертям еще с появления Рахата.

— Тетя Звард, как я рада!

Они крепко обнялись, весело рассмеявшись. Затем женщина отстранилась, продолжая держать Мари за руки и обсматривая с ног до головы.

— Боже мой, как ты похудела! Какая фигурка! Просто красавица. Как ты? Чем

занимаешься? Как родители?

Голова шла кругом от такого количества вопросов, на которые и не хотелось отвечать. Дядя Аршак и её отец не очень хорошо распрощались...и маленький осадок всё же остался, хоть и прошло семь лет. Но ведь лично тетя Звард никакого отношения к этому всему не имела, да и потом, всегда хорошо относилась к ней, даже любила, можно сказать, как собственную дочь...

— Спасибо большое, — улыбнулась Мари, — килограммы как — то сами ушли в подростковом возрасте, да и работа такая, что бегаю целый день, вот так и получилось, что похудела. Родители хорошо, всё как раньше, ничего не изменилось. Как вы? Дядя Аршак тоже здесь?

— Да, он паркуется, я не стала его ждать. Да и у нас всё хорошо, никаких изменений. Та же работа, те же будни, — и тут её глаза хитро сверкнули, она подалась вперед, переходя на доверительный тон, — ну а на личном? Замуж вышла? Или собираешься?

Мари мысленно застонала. Господи, женщина, ей всего 18, это же не Древние века.

— Нет, — вежливо ответила девушка, — ни то, ни другое, я пока учусь...

— Это же отлично! Образование — самое главное! Ну, и мы тоже пока Адама не женили...

— И не пожените.

Обе обернулись назад, услышав эту реплику. Адам стоял, вальяжно засунув руки в карманы и сканируя её взглядом. Мари будто парализовало. Такое ощущение, что её застукали за чем — то неприличным. Хотя, так оно и есть. Тема его женитьбы уж точно для неё должна быть неприличной. Но ведь это не она начала говорить об этом...

— Сын, ты помнишь Марианну? наших соседей в Волгодонске? — весело защебетала тетя Звард.

Адам перевел взгляд на мать, а потом снова на Мари, отчеканивая:

— Такое явление природы не забудешь.

Девушка моментально вспыхнула от гнева.

— Вот именно, тебя с трудом забудешь.

Женщина растерянно заморгала и поспешила успокоить обоих.

— Вот и отлично, что вы помните друг друга. Мари, детка, приходи к нам в гости. Очень хочется поболтать с тобой, подробнее узнать о родителях... А пока вы постоите, я схожу за Аршаком.

Она быстро удалилась, сама не понимая, что натворила. Оставлять Адама и Мари наедине?..

— Надеюсь, ты пришла не ко мне, иначе я умру от счастья. — Он обворожительно улыбнулся.

— Если ты до сих пор жив, значит, что не к тебе, — парировала Мари, всё еще обозленная его репликой.

Да что такое, почему этот человек оскорбляет её каждый раз, стоит ему только открыть свой рот? Откуда такие привилегии?

— Хоть бы оделась попримечнее... Или денег, которые ты зарабатываешь, не хватает на нормальную одежду? — обсматривая её с ног до головы, ядовито спросил он.

Девушка усмехнулась:

— У меня — то хоть работа есть, понимаешь? А ты? Ты, папенькин сынок, что можешь сказать? Купил дорогой костюм в бутике на Садовой и возомнил себя Богом?

Его глаза недобро сверкнули.

— Твой змеиный язык начинает мне надоедать. Его бы укоротить. Жаль, что твой отец никогда этим не занимался.

Это уже переходило все границы и было похоже на абсурд. Понятное дело, что у Адама нет воспитания и какой — либо культуры общения, но чтобы настолько... Продолжать разговор Мари не посчитала нужным. Девушка развернулась и отошла от него, пытаясь немного прийти в себя. Чем дальше — тем хуже. Нет ни малейшего шанса, что они когда —нибудь научатся мирно сосуществовать. Эта ненависть имеет давние корни. Хотя, уже давно ясно, что она односторонняя. Мари всё равно любила его таким, какой он есть. Разве бывает иная любовь? Она уж точно не знала, каково это.

— Мы уходим! — выдала девушка, схватив Лилит за руку.

— Как? А вручение? Мы же только пришли!

— Зря пришли. Я идиотка.

Было видно, что Лилит рада уйти. Уже на улице она остановилась и развернула подругу к себе:

— Что он тебе сделал? Вы разговаривали всего минуту.

— Ничего нового, разозлил.

— Мне это всё не нравится. Сколько раз я говорила, чтобы ты держалась от него подальше? Тебе не хватает проблем в жизни?! Он же вылитый уголовник!

Мари пожала плечами. Как же объяснить всем вокруг, что это происходит независимо от неё? Что эта детская любовь как заноза, и нет никакого лекарства?

— Лило, давай не будем. Просто пошли домой.

Она зашагала по дороге, мыслями возвращаясь к разговору. В чем же причина такой дикой несовместимости? Может, в этом есть и доля её вины? Может, стоит вести себя иначе, чтобы и Адам перестал язвить?

Ну, это вряд ли у неё получится. Мари точно не станет потакать его избалованному характеру. К черту вообще и Адама, и его замашки.

* * *

«В этом и есть кайф: мол, смотрите, я не такой,

как вы, и мне плевать, что вы думаете»

Чак Паланик «Фантастичнее вымысла»

* * *

Спустя пару недель

Адам.

В караоке, на удивление, было тихо. Вечер пятницы протекал без происшествий. Напротив входа в дальнем углу сидел постоянный посетитель. Он сюда всегда приходил с одной целью... Рядом с ним восседала девушка модельной внешности. Она вальяжно устроилась на диванчике, разместив руку на бедре парня. Сцена выглядела достаточно интимно. Будь здесь отдельная кабинка, они давно уже скрылись бы в ней.

Подошла молодая официантка. Поправив очки, девушка разложила меню перед гостями и посмотрела на парня.

— Желаете, чтобы я сразу принесла коньяк?

Адам прошелся глазами по её фигуре. Невысокая, но достаточно аппетитная. Под дурацким фартуком явно вырисовывается третий размер груди, талия достаточно тонкая. И все же, она не бросается в глаза. Нет в ней ничего особенного. Абсолютно. Но что — то в ней его явно привлекает.

— Нет, Мари, я за рулем. Прими заказ у девушки.

— Я буду «Секс на пляже». Его тут вкусно готовят.

— Отличный выбор. — Сказала Мари и удалилась.

Ему показалось, или в её голосе действительно были нотки сарказма? Вообще, Адама раздражало поведение этой девушки. Всё время читалось какое — то скрытое противостояние, она никогда не упускала возможности отпустить уместные замечания, когда он приходил с «подругами».

Проворная ручка сидящей рядом брюнетки переместилась выше. Адам отвлекся от своих мыслей и посмотрел на неё.

— Хочешь, уйдем прямо сейчас? — прошептала она ему прямо в губы, подавшись вперед.

Адам приник к ней в жадном поцелуе. И неизвестно, к чему бы это привело, если бы они не услышали:

— Извините, ваш заказ.

Оба с неохотой оторвались друг от друга.

— Что — нибудь еще?

Задавая вопрос, Мари смотрела ему прямо в глаза. В них сквозило какое — то отвращение, чему причиной была сцена, свидетельницей которой она стала несколько секунд назад.

Он даже не удосужился ответить — просто сделал рукой жест, чтобы девушка ушла и оставила их одних. Адам отметил, как она поджала губы и быстро отвернулась. Это доставляло ему невероятное удовольствие...

Чуть позже, когда он наигрался с очередной своей куклой, и они определились, где

проведут предстоящую ночь, Алиса попросила счет.

Через минуту Мари его принесла.

— Мама просила, чтобы я пригласил тебя к нам. Если вдруг захочешь с ней увидеться, вот адрес и номер телефона, — он вытащил из кармана маленький кусок бумаги и протянул ей.

Девушка внимательно взглянула на листок, затем медленно забрала его. Дальнейшие её действия ввели его сначала в ступор, а потом в бешенство. Мари помяла бумажку и выкинула в пепельницу, затем стала убирать со стола. Несколько мгновений Адам просто наблюдал за ней, пытаясь определить причину этой глупости. Когда она отошла на пару шагов, он вдруг поддался порыву и кинулся за ней.

— Не понял, у тебя какие — то проблемы с моей мамой? — процедил Адам, развернув её к себе.

Они стояли посреди помещения, и многие посетители стали оборачиваться. Кто — то из официантов даже остановился с подносом в руках, пытаясь разглядеть происходящее.

— Отпусти мою руку, что за разборки? — спокойно ответила Мари. — У меня нет никаких проблем с твоей мамой. У меня проблемы только с её сыном.

— Тогда тем более я не понимаю твою выходку. Перед кем ты выпендривалась?

Девушка раздраженно фыркнула. Даже в полумраке помещения блеск её глаз и этот необыкновенный взгляд проникали в самую душу. Это были странные и пугающие ощущения.

— Выбирай выражения, Дарбинян. И отпусти мою руку.

— Мари, вызвать охрану?

Вопрос задал подошедший бармен, с опаской поглядывающий на него. Он хоть и не был слабаком, но в физической подготовке явно проигрывал Адаму. Парень окинул работника презрительным взглядом и даже не удостоил того ответом. Вместо этого он вновь повернулся к источнику своей ярости и стал ждать её дальнейших действий.

— Нет, Антон, спасибо, я сама разберусь! — девушка отошла в сторону, потянув за собой Адама. — Что ты творишь! Только не хватало, чтобы меня из — за тебя уволили!

Он резко, будто боясь испачкаться, отстранился от неё и отошел на шаг:

— Только не надо строить из себя жертву! Ты прекрасно знаешь, что сама во всем виновата. Своими провокациями вот где сидишь, очкарик, — он указал ладонью на горло, производя общепринятый жест типа «достало». — Таким способом пыталась привлечь моё внимание? Тебя так цепляют мои девушки, с которыми ты и рядом стоять бы постеснялась?!

Казалось, Мари стала каменной в одно мгновение. А в следующую секунду произошло нечто неожиданное.

— Видит Бог, я очень долго это терпела... А теперь даже ценой своего увольнения я не откажусь от такого удовольствия! — процедила она и молниеносно облила его остатками коктейля...

— Курить будешь? — Адам протянул сигарету взлохмаченной и тяжело дышавшей Мари.

— Сам травись. — Она даже не посмотрела на него.

Он безразлично пожал плечами и достал зажигалку. Выпустив густую дымку, парень опустился на бордюр рядом со своей подругой «по несчастью». Ночь уже давно вступила в свои права, на улице было немногочисленно. Редкие прохожие с удивлением смотрели на странную парочку, похожую на бездомных наркоманов в своих оборванных вещах и с

разбитыми лицами. Фееричное окончание пятничного вечера. Адам усмехнулся. Сейчас он, как минимум, уже должен был бы раздевать Алису, как максимум — слышать её страстные крики. Да, его ждала прекрасная ночь с горячей брюнеткой. А испортила планы невзрачнаямышь, сидящая рядом. Интересно, где сейчас Алиса?..

Адам оглянулся по сторонам и затем обратил внимание на молчащую Мари. Странно, но ему даже стало стыдно. Девушка держала в руках сломанные очки, лицо было в ссадинах, в нескольких местах прорисовывались синяки. Всё действительно произошло по его вине. Если бы Адам не сцепился с охранниками, Мари сейчас спокойно работала бы себе дальше и не была бы так разукрашена... Но теперь ей негде работать. Их обоих просто выкинули за порог караоке — клуба после громкой драки...

— Ты уверена, что ничего не сломала? Зачем, вообще, полезла в общую кучу? — Адам последний раз затянулся и швырнул окурок подальше.

— Твоя заботливость меня просто умиляет! — саркастически усмехнулась Мари. — Единственное, что я себе сломала, — это нервная система.

— Раньше надо было думать! — прикрикнул Адам, не выдержав. — Какого хрена ты вечно всем перечишь и всё портишь? Кто тебя просил влезать в драку?

— Я идиотка! Просто не хотела, чтобы тебя покалечили по моей вине. И зря — тебя уже давно просто пристрелить надо, урод.

Адам наблюдал за тем, как она резко встает и бросается куда — то в сторону. Изначально он не собирался с ней нянчиться и сам хотел побыстрее избавиться от её общества, но, черт бы побрал это чувство вины где — то внутри, которое не позволило ему сидеть на месте. Парень кинулся за ней и схватил за плечо, развернув к себе. На секунду это зрелище заорожило его: он впервые видел Мари без очков, с открытым взглядом широко распахнутых глаз. Может, это освещение, но они были бездонными и казались цвета темного кофе. Без сахара. Как Адам и любил...

Поняв, какой абсурдный поворот приняли его мысли, он нахмурился и на секунду прикрыл глаза. Кажется, ему все же пару раз попали по голове...

— Иди и сядь в машину, я довезу тебя до дома. И посмей только хоть слово вставить! На секунду включи голову — как ты доберешься в это время? У тебя даже денег нет, ненормальная!

— А я не боюсь, — вскинула она подбородок, — всё самое плохое уже случилось: меня уволили и выкинули на улицу по твоей вине. Отпусти!

Девушка несколько раз дернулась, но, поняв тщетность своих усилий, вдруг поникла и устало склонила голову:

— Я даже вещи свои не забрала... деньги действительно оставались в сумке... — на секунду она замолкла, но почти сразу изменилась в лице, словно взбесившись, — а, знаешь, что? Ты прав! Чем идти домой через весь город без очков, ничего не видя, я лучше прокачусь с тобой, мысленно молясь, чтобы это была наша последняя встреча!

Адам злобно выругался, не стесняясь в выражениях. До чего же непредсказуема эта девушка! И как же хочется задушить её собственными руками!

Но он не стал поддаваться порыву и осторожно отпустил её, пропуская вперед. Теперь они молча шли к его недалеко припаркованной машине. Адам пошарил в карманах в поисках ключей и, найдя, разблокировал двери. Мари без приглашения села на переднее сидение рядом с водителем. Он возвел руки к небу, прося о терпении, и с тяжелым вздохом устроился рядом.

— Адрес.

— Улица Быковского, недалеко от сквера. Это...

— Знаю, — перебил Адам.

Только сейчас, плавно двигая руль, он вдруг почувствовал боль во всем теле. Хорошо же его отделали. Но не стоит прибедняться, им тоже прилично досталось. Да и потом, трое на одно — как — то уж слишком нечестно. Работают эти ребята оперативно. Адам только и успел схватить Мари за волосы после вылитого на него коктейля, как вдруг его самого неожиданно начали скручивать сзади. И тут понеслось... Летело, конечно, всё: бокалы, тарелки, приборы, стулья... В один момент кто — то из охраны достал травмат, но, к удивлению, его спасла именно Мари, кинувшаяся к смельчаку. В этом хаосе и она получила несколько раз по лицу, но совершенно случайно... А потом их обоих вытолкали на улицу. В этой суматохе Адам совершенно забыл об Алисе, с которой должен был провести остаток вечера и всю ночь. Подводя итоги, можно сказать, что сегодня ему довелось драться по нелепой причине с тремя амбалами, лишиться секса с красивой девушкой и иметь неудовольствие ехать с той, которая одним своим видом просто выводила его из себя.

Столько неприятностей из — за взбалмошности одной глупой девчонки!

— Удовлетвори моё любопытство — почему же ты выбросила бумажку с адресом и телефоном? Если бы не эта твоя выходка, ничего не случилось бы. — Гневно произнес Адам, стараясь не смотреть в её сторону.

— Да ты что! — сразу же начала язвить Мари. — А почему ты считаешь, что я её должна была взять?

— Потому что это передала моя мама! Она — то тебе что сделала, ненормальная?

— Ничего! Просто я всегда говорю прямо и делаю то, что считаю нужным. И уж распивать чай у вас дома и общаться с твоей мамой я не собираюсь. Я не лицемерка!

Адам обернулся к ней. Они оба знали, о чем она говорит. Из уважения к отцу Мари не хотела общаться с его семьей. Что ж, теперь ясно.

— Можно было сказать это в другой форме, а не демонстрировать свой характер, — уже спокойнее продолжил он. — Поверь, я и сам не имею ни малейшего желания с тобой общаться.

— В таком случае, я прошу тебя заткнуться и молча довести меня до дома, — девушка демонстративно откинулась на спинку и уставилась прямо перед собой.

Адам возражать не стал. Он и сам устал от бессмысленных поединков и словесного состязания с ней. Мари была единственной девушкой, с которой ему не удавалось найти общий язык. Никогда.

* * *

«Вы как две стороны одной медали — всегда рядом,
но быть вместе, лицом к лицу не сможете никогда...»

Кристэль Шабанова «Неизвестность»

* * *

Время спустя, год 2010

Марианна.

— Как ты это делаешь, мать твою! — воскликнул Рахат, расширив глаза.

Все парни в мастерской от души рассмеялись, видя его смятение. А ведь они его предупреждали, что никто не смог победить Мари в нарды.

Девушка неприятно сморщилась, её раздражала манера общения Рахата. А если быть честной, её раздражал сам Рахат. Было в нем что — то нечистое, настораживающее. За последние полтора года, что она работает в СТО Адама, это парень часто вызывал у неё подозрения. Но до сих пор не удавалось подтвердить свои опасения...

— Беги в супермаркет за пивом для ребят! — сухо подытожила Мари, вставая с места. — Выполняй своё обещание, «удовольствие».

Она открыто издевалась над ним, намеренно называя перевод его имени. Рахат лишь обреченно вздохнул и нехотя вышел. Остальные парни гудели, обсуждая громкую победу Мари. Декабрь выдался каким — то нерабочим месяцем. Во всем была виновата предновогодняя суета, наверное. Очень мало машин сейчас было на ремонте, поэтому вечерами они обычно играли то в нарды, то в карты.

— Я закончу оформлять «приход» и вернусь, — Мари улыбнулась ребятам и отошла.

Больше всех ей нравился Авет, который принял её с первого дня, когда она неуверенным шагом вступила на территорию Адама... С ума сойти, прошло уже полтора года. Словно это было в прошлой жизни...

Трудно забыть, как она удивилась, увидев на следующий день после драки знакомое лицо у своего подъезда. Лилит и Мари собрались в город, чтобы купить ей новые очки. Старые невозможно было починить, оправа была сломана в нескольких местах.

И вот, когда обе вышли во двор, девушка сразу же заметила Адама, курившего на скамейке.

Лилит отреагировала бурно:

— Что он тут делает?! Ему мало вчерашнего? Пришел добить своим присутствием?!

— Когда успокоишь свою истеричную подругу, давай поговорим, — безразлично выдал Адам.

Мари взглянула на него и чуть не содрогнулась от увиденного: один глаз у него заплыл, всё лицо было в синяках, а верхняя губа сильно разбита. Что же его заставило приехать сюда в таком состоянии?

— Лил, сходи пока в супермаркет, я через пару минут присоединюсь к тебе. Только не начинай, прошу...

Вполне ожидаемо Лилит поджала губы и, яростно фыркнув, быстро зашагала прочь. Пару секунд Мари смотрела ей вслед, а затем отвернулась и под села к Адаму.

— И? Что ты тут делаешь?

Он потушил окурок и швырнул его на землю.

— Второй час жду, пока ты выйдешь. Не знал номер квартиры.

Неожиданное начало. Мари даже вскинула брови от удивления, с еще большим вниманием уставившись на него.

— Во — первых, признаю, что работу ты потеряла из — за меня. Во — вторых, я долго думал и решил, что частично должен это исправить. Так вот, можешь первое время поработать в моем СТО. Будешь выполнять обязанность администратора и плюс — некоторые продавца — кассира. Получать будешь столько же, сколько в своем караоке. Думаю, это будет справедливо.

Она не поверила своим ушам. Сильнейшим усилием воли ей удалось сдержать готовый вырваться истерический смех. Адам Дарбинян — её работодатель. О Боже! Кто — нибудь слышал более абсурдное высказывание?

— Я потрясена твоей...мм...тягой к справедливости, Дарбинян. Но это плохая идея. Если мы не выносим друг друга в течение нескольких минут, уж проводить рабочий день с тобой вообще выше моих сил.

Он посмотрел на неё долгим снисходительным взглядом и усмехнулся.

— Как ты думаешь, мне самому, что ли, хочется работать с тобой? Этот вариант я предложил именно исходя из того, что мы не будем видеться. Я там почти не появляюсь, всем распоряжаются Рахат и Авет. Дело твоё — я всего лишь предложил из чувства вины. Странно ощущать его по отношению к тебе.

Его издевательское замечание мгновенно заставило Мари вспыхнуть. Девушка уже, было, открыла рот, чтобы ответить, но он добил её очередным оскорблением:

— Мне с трудом далось это решение. Ты и на девушку — то не похожа, какой же из тебя администратор?

Мари скрипнула зубами, но не стала ничего предпринимать. В голове уже зрел наилучший вариант развития событий. Изначально она собиралась послать его к чертям с его великодушным предложением, но теперь...

— Силиконовых губ и груди у меня, конечно, нет. Но мозгов, чтобы быть администратором в каком — то паршивом СТО хватит уж точно! И, кстати, для твоей информации: в караоке я работала по гибкому графику, чтобы совмещать с учебой, а получала почти тридцать тысяч. Немного выше, чем получают среднестатистические администраторы, но для тебя, думаю, это не проблема!

Он сузил глаза и презрительно парировал:

— Для тебя ничего не жалко. Это «удовольствие» будет длиться недолго.

— Вот и договорились! — вскочила Мари.

— Подожди, ненормальная! — окликнул её Адам, когда она, отвернувшись, собиралась уходить.

Мари посмотрела на него и в очередной раз за последние несколько минут поразилась увиденному — он держал в руках её сумку, которую она вчера не смогла забрать.

— Считай, это твой аванс. Завтра с утра заеду за тобой, чтобы показать СТО.

Мари выхватила сумку и в полном бешенстве направилась ко входу. Она в отчаянии сжала кулаки, понимая, что свою чертову гордость не получится засунуть куда подальше, потому что слова Адам больно задевают самолюбие и заставляют наряду с любовью ненавидеть его за эту тупоголовость и предпочтения во внешности.

Лилит отговаривала её, как могла. Угрожала рассказать родителям и брату, которые и

так до этого были недовольны её работой в караоке. Переходила на мольбу, призывая к здравому смыслу. Но Мари была непреклонна.

— Мне нужна работа. Раз он виноват — пусть сам и выкручивается. Я собираюсь совмещать всё с учебой, пока не найду что — либо подходящее. И самый главный аргумент — буду мозолить ему глаза. Если я его так раздражаю, то пусть знает, что меня он бесит больше! Как можно быть таким уродом!

Лилит сдалась, но последнее слово все же тогда осталось за ней:

— Да нет! Главный вопрос — как можно любить такого уroda?..

С того дня прошло почти полтора года. Это целая жизнь.

Адам, как и обещал, почти не появлялся в мастерской. В те короткие мгновения, когда он там бывал, они, естественно, успевали сцепиться. Мари подружилась со всеми ребятами. Коллектив состоял из девятерых парней совершенно разных национальностей. Но они были настолько дружными и веселыми, что Мари прониклась к ним какой — то симпатией. Единственным, кто ей не нравился, был Рахат. С ним она старалась не контактировать. Он в СТО отвечал за закупки и заказы частей для иномарок. Авет же был кем — то вроде заместителя Адама, но работал наравне со всеми ребятами, засучив рукава. Рахат, в отличие от него, всегда расхаживал чистенький и просиживал почти целый день в кабинете Адама, словно он тут хозяин.

Мари очень быстро разобралась с их системой учета. Туда вводились данные прихода и расхода. Большую часть времени именно она работала в этой программе, но иногда и Рахат вводил туда данные, после чего девушка с недовольством исправляла его ошибки. В обязанности администратора входило обслуживание клиентов, которые ждут свои машины, пробивание чеков на услуги, а иногда и продажа каких — то частей. Поскольку Рахат заказывал оригинальные запчасти, бывалые автомобилисты, знающие об этом, часто приезжали за ними именно в их СТО.

В целом, можно сказать, это была мастерская очень высокого уровня. Работа, в общем — то, была нетрудной. Наоборот, Мари было интересно всё — она ведь с детства привыкла быть рядом с отцом и знала достаточно о строении машинных механизмов. Может, поэтому ей было легко с ребятами? Ведь, по сути, её всегда окружали парни: в детстве она водилась только с мальчишками, в классе — дружила с хулиганами, в университете — училась с парнями, в группе было всего лишь несколько девушек. Пора бы признать, что Мари и сама уже смахивала на парнишку. Одевалась она свободно — в джинсы и различные футболки, на ногах — излюбленные брендовые кроссовки «Nike». Кстати, единственная стоящая вещь на ней. Длинные черные волосы почти всегда собраны в хвост, на лице — ни грамма косметики. И, конечно, её неизменные друзья с самого детства — очки. Она среди ребят «свой парень», Мари почти не воспринимали как девушку. И, признаться, она ничуть не огорчалась по этому поводу.

Что касается Адама, то в самом конце осени 2009 его призвали в армию. А перед самым Новым годом прошла его присяга. Служил он в ракетных войсках где — то под Волгоградом. Ребята ездили к нему пару раз, но девушка как — то постеснялась спросить, что и как, поэтому даже точных координат не знала. Для Мари это стало шокирующей новостью, потому что уж от него она точно не ожидала некого подвига в виде воинской службы. Что сказать, вместе с остальными, но внутри себя, без проявления чувств на публике, она очень переживала за Адама, мысленно просила Бога легкой службы для него и безумно скучала.

Никто не знал, что творится в её душе, никто не догадывался о её чувствах, имеющих

давние корни. Даже Лилит иногда говорила, что Мари не похожа на влюбленную. И это правда. На самом деле, особенность Марианны была в том, что она никогда не питала иллюзий по поводу жизни. И прекрасно понимала, что им с Адамом не быть вместе. Слишком они разные, слишком сильно расходятся их взгляды на основные ценности.

С самого детства отец учил её стойкости и честности. Он говорил, что в этой жизни всё должно даваться своим трудом, без обмана и поиска легких путей. Родители — единственные, кто может помочь в этом. Дома всегда царило уважение к ним. Ни Мари, ни Мхитар никогда не смели перечить отцу. Он хоть и был достаточно грозным и грубым мужчиной, но в честности и справедливости ему равных не было. Именно по этой причине когда — то у них случился конфликт с отцом Адама, который предлагал какие — то махинации, чтобы нажить богатство. На этом их крепкой дружбе пришел конец, сильно разругавшись, оба изъявили желание больше никогда не видеть друг друга. Дядя Аршак напоследок даже обозвал отца слабаком и наивным идиотом. Немного в другой, нецензурной, скажем так, форме.

Пожалуй, хорошо, что дома до сих пор не знают, у кого она работает. Время от времени Мари ездила домой, но на вопросы о работе отвечала с натяжкой. Ей повезло, что родители не бывали в Ростове, а Мхитар после окончания учебы несколько лет назад уехал в Москву на неопределенное время. Иначе, узнав о мастерской Адама, они бы просто прикончили её.

Даже если отбросить ситуацию с дядей Аршаком и забыть о давней ссоре, Адама всё равно никто поощрять не будет. Этого мальчика еще в детстве невлюбила вся их семья. Ну, частично кроме мамы, которая надеялась, что тот изменится с возрастом. Они с Мхитаром были настолько разными, что в голове её собственных родителей не укладывалось, как можно быть таким непослушным, задиристым и доставляющим вечные проблемы сыном. Мхитар же был идеальным — отличник, спокойный, спортивный. Словом, гордость. В то время как Адам — хулиган, бьющий стекла, жгущий то шины, то еще что — то. Из — за него тетя Звард была постоянным посетителем кабинета директора. Пожалуй, ни один месяц в школе не прошел без денежных взносов от дяди Аршака, чтобы покрыть расходы на мелкий ремонт, замену стекла, покупки нового стула или парты, которые его сын ломал с завидной постоянностью.

Если бы её родители знали, что Мари влюблена в Адама по уши с самого детства, они, наверное, усомнились бы в том, что она их дочь. Девушка и сама не знала, что делать с этим чувством. Единственное, что ей было известно, — это останется неизменным на всю оставшуюся жизнь. Возможно, она когда — нибудь выйдет замуж за хорошего человека, но никогда не забудет Адама Дарбиняна. Это единственный парень, а теперь, скорее, — мужчина, в котором она чувствовала силу и стержень в характере, способные помочь совладать с ней, с Мари, далекой от женственности и слабости.

Но если бы кто — нибудь сказал ей, что они с Адамом могут быть вместе, она посмеялась бы этому человеку в лицо.

Мари была твердо убеждена в том, что этому не бывать никогда.

Очередной рабочий день начался спокойно. Марианна устроилась за рабочим столом и включила компьютер. В университете началась сессия, несколько зачетов остались позади. Сегодня Мари была особенно позитивна, потому что получила похвалу от самого строго преподавателя.

— Если на старших курсах не потеряете своё рвение и тягу к знаниям, я взял бы Вас в качестве ассистента, Марианна.

С трудом ей удалось не прыгать от счастья. Нет, она по — прежнему не была отличницей и даже не стремилась получать отличные оценки. Но, если быть откровенной, считала, что в группе одна из лучших, поскольку знания её были очень глубокими. Опять — таки, даже Лилит это признавала.

— Привет, Мари! — от мыслей оторвал голос Авета, который тоже был необычайно весел сегодня.

— Привет, шеф. Откуда такая счастливая улыбка? Влюбился?

Он как — то странно посмотрел на неё, но это выражение быстро исчезло.

— Это само собой, я уже давно влюблен. Речь не об этом, — Авет вдруг наклонился к ней и тихо прошептал, — сегодня Адам возвращается, просил никому не говорить, хочет сделать ребятам сюрприз.

Сердце девушки пропустило удар. Она искренне улыбнулась парню и честно призналась:

— Я рада.

— Знаю, тут все будут рады. Я попрошу тебя помочь мне. Не хочется никого посвящать. Поэтому всё будем делать вдвоем.

— Конечно, я готова. Что нужно делать?

— Во — первых, попросить Ларису Валерьевну, чтобы она сегодня пришла и прибрала в кабинете Адама. Во — вторых, сходить за едой и напитками, но так, чтобы ребята не догадались. Может, скажем, что у тебя дома праздник, и ты просишь меня помочь с покупками? Не думаю, что у них возникнут подозрения.

Мари кивнула. Она с энтузиазмом приняла идею Авета, совершенно забыв о вражде с Адамом.

Через час, наигранно оповестив всех, что Авет идет помогать ей с покупками, они отправились в «Ашан». Вернувшись через какое — то время, поместили огромные пакеты в кабинете Адама. Уборщица, которую Мари заранее предупредила, уже успела закончить там свои дела.

Итак, рабочий день близился к концу. Мари была в нервном возбуждении и не знала, как поведет себя, когда увидит Адама. Авет признался, что тот уже выехал в мастерскую после встречи с семьей. Девушка творила вещи, совсем ей не свойственные: постоянно смотрелась в зеркало, время от времени сцепляла пальцы от напряжения и глупо улыбалась.

— Замуж, шо ли, позвали? — подмигивал Миша, весельчак из Одессы, по акценту и юмору которого об этом можно было сразу догадаться.

— Упаси Боже! — шутливо крестилась Мари.

К тому времени, когда на пороге появился неожиданный гость, все уже были уставшие и хотели домой. Но стоило им услышать знакомый голос, все мигом взбодрились, и начался хаос.

— Рота, подъем! — заорал Адам на всю мастерскую.

— Ах, ты, сукин сын!

— Твою мать!

И это были самые цензурные выражения из тех, что прозвучали в этот момент. Все бросились к нему и стали обнимать. Мари стояла в стороне и улыбалась одними уголками рта, сдерживая эмоции. Такое ощущение, что теперь она любила его еще больше, потому что очень гордилась им.

Пока ребята галдели вокруг него, не давая пройти вперед, девушка рассматривала его,

отмечая перемены. Он возмужал, стал выглядеть немного старше своих лет. Адам подкачался еще больше, но при этом был стройнее, чем раньше. Гладковыбритый, коротко подстриженный и в форме он сильно отличался от своего прежнего образа столичного мажора. У Мари действительно перехватывало дыхание от его вида.

В какое — то мгновение их глаза встретились, и она увидела, каким удивленным стал его взгляд. Скорее всего, Адам не ожидал её здесь увидеть. И опасения девушки подтвердились чуть позже. Мари помогала накрывать на стол, когда он неожиданно подошел к ней сзади и спросил:

— А ты что тут делаешь? Я надеялся, что уже давно потерял такого ценного работника.

Девушка медленно повернулась и обворожительно улыбнулась ему:

— Я тоже рада тебя видеть, честное слово.

Он скорчил издевательскую мину и внимательно обсмотрел её с ног до головы.

— Вообще не меняешься. Как Кобзон.

Мари прыснула от такого сравнения.

— Зато ты изменился, Дарбинян. Твой юмор стал «свежее».

— Сержант Дарбинян, попрошу заметить! — самодовольно выдал он.

Девушка приподняла бровь и одобрительно кивнула.

— Я горжусь тобой...сынок...

— Хм...тоже мне, сострила...

А потом его позвали ребята, и он, моментально забыв о её существовании, влился в общее веселье...

Мари ушла спустя минут двадцать, отказавшись пить с ними. Ребята веселились всю ночь. Она же не могла сомкнуть глаз, думая о том, что же будет дальше. Адам явно не намерен её удерживать в СТО, а она уже так привыкла и даже полюбила эту работу...

* * *

«Я, конечно, и сам с причудами, но в других этого терпеть не могу».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд «По эту сторону рая»

* * *

Адам.

Кто знает, может, причина его безразличия ко всему окружающему в том, что он родился в зажиточной семье, с годами приумножившей состояние? Отец приучал его только к лучшему, никогда ни в чем не отказывая. Или, может, всё дело в том, что Адам был и остается единственным ребенком, любимым наследником? Всё, что хотел, он всегда получал. Никакого отказа ни в чем и никогда. Для него стало привычным это положение дел. Не было никакого стремления к чему — то серьезному, хотелось только веселья, мимолетных связей и постоянных вечеринок. Даже армия его не исправила, хотя мама очень надеялась на это. Скоро ему 25, уже пошли банальные намеки насчет женитьбы. Даже смешно об этом говорить. Где он — и где брак. Адам не в состоянии даже за кошкой уследить, куда там до жены и детей. У него и мысли такой пока не возникало.

Мозг работал в другом направлении. Пока он был далеко от дома и всего привычного, ему пришла в голову одна идея. Почему бы не попробовать сделать то, что нравится и получается лучше всего? А именно — открыть клуб. Деньги — не проблема, это как раз для него стоит на самом последнем месте. Главное — найти таких же энтузиастов, как он, способных подхватить его мысли и воплотить их в реальность...

— Может, ты всё же начнешь связывать жизнь со своей специальностью, сын?

Адам застонал. Мама опять начала этот разговор.

— Я в университет ходил только первый год, дипломную купил и даже не читал. Как ты думаешь, хочу я связать жизнь с этим?

— Так нельзя! Посмотри на себя! На кого ты похож, Адам? Приходишь под утро, спишь полдня, а вечером снова и снова уходишь в неизвестном направлении!

Пытаясь успокоить разбушевавшуюся маму, Адам подошел к ней и крепко обнял. Это было безотказным способом.

— Мамочка, я слишком молод, чтобы думать о серьезных вещах. И потом, я только вернулся из армии, дай мне насладиться этой свободой.

— Адам, — голос матери дрогнул, — ты не «слишком молод», тебе почти двадцать пять. Ты помнишь, сколько твоему отцу было, когда ты родился? Двадцать три, мой дорогой! У него были цели и стремления, ради тебя он много работал. А ты? Чего ты хочешь от жизни? Я так надеялась, что армия тебя исправит...

Адаму это всё надоело, поэтому он поспешил её немного успокоить:

— Я обязательно займусь серьезными вещами, ма, только как —нибудь потом.

Он чмокнул её и быстро ретировался.

Очередной вечер в пьяном бреду и густом дыме. Вокруг привычный круг: Рахат, Авет и какие — то малознакомые красавицы. Веселое настроение требовало выхода, и Адам вдруг потянул всех танцевать. Через несколько минут, поняв, что ноги его не держат, сам же и вернулся за стол. За ним последовал и Авет. Рахат же остался танцевать с девочками, никогда не упуская своего шанса.

— Я вот открою свой клуб...и у меня там будет своя комната, — Адам икнул, — вот когда буду в стельку, как сейчас, — кровать будет под боком. Домой в таком виде нельзя. Мама меня уже неделю пилит и пилит...

Он откинулся на диван и, прикрыв глаза, стал качаться в такт музыке, наслаждаясь динамичным ритмом.

В этом и была вся сущность золотой молодежи: бессмысленная трата времени, никаких стремлений в жизни, отсутствие гармонии с самим собой. При таких возможностях путешествовать по миру, узнавать что — то новое, получать хорошее образование, они тратят время на мимолетные связи, ночную жизнь и бессмысленные разговоры. Сегодня — здесь, завтра — где — нибудь еще. То одна, то вторая, то третья... Самые длительные отношения — месяц. И ведь им нравится такая жизнь. Только вот, они ни к чему в итоге не приходят. Адам стоял у черты, просто не хотел признавать этого, всячески избегая оставаться с самим собой. Клуб — новый метод зацепиться за что — то и делать вид, что у него есть занятие. На самом деле он даже не знал, чего ему хочется.

Затуманенное сознание играло с ним злую шутку, постоянно возвращая к этой теме. А ему так хотелось расслабиться и ни о чем не думать...

— А я вот решил жениться, прикинь...

Адам подумал, что ему показалось. Но потом он резко открыл глаза и, несколько раз с усилием моргнув, уставился на Авета.

— Чего?

— Да, а что делать?.. Я вот хочу, чтоб у меня кровать была не в клубе, а собственном доме. И с женой.

Адам расхохотался, ни на секунду не поверив другу.

— Я влюбился, брат, влюбился...

— Ладно, хватит меня смешить, — хлопнул он Авета по плечу, наливая тому коньяк, — выпей немного, взбодрись.

Парень покачал головой. Придвинувшись ближе, он закинул руку на плечо Адама и доверительным тоном начал:

— Я влюбился, понимаешь? Больше года за ней наблюдаю. Таких никогда не встречал, у неё в душе какие — то уникальные краски. Она веселая, смелая, чертовски умная и всегда говорит то, что думает... Но мне кажется, что я ей не нравлюсь. И меня это так мучает...

До Адама наконец дошло, что Авет действительно вляпался.

— Что за?.. — он отборно заматерился, пытаясь привести друга в чувство.

Авет его не слушал, продолжая мечтательно смотреть куда — то в сторону. Адам жестом подозвал одну из девушек и, пытаясь перекричать шум, попросил:

— Приведи его в чувство, видишь, наш друг немного сходит с ума. Вот ключ от «випки».

Длинноногая и сногшибательно красивая девушка под села к парню и поцеловала его в щеку. А потом взяла за руку и попыталась поднять.

И неожиданно тот послал её матом...

Поскольку это для Авета вообще не свойственно, Адам уставила на него в потрясении.

— Пошла отсюда, сука... как вы меня бесите, шлюхи...

— Эй! — обиженно завопила та, толкнув его в плечо и растерянно моргая.

— Иди, потом разберемся! — рявкнул Адам, обозленный поведением друга.

Она нахмурилась и, демонстративно пожав плечами, куда — то исчезла с ключами.

— Мне надоело...я хочу не этих пустышек. Я хочу к ней, хочу её рядом...

— Да кого, черт?! — взорвался Адам.

Возникла пауза. Авет долго размышлял, словно не решаясь открыться, но потом всё же улыбнулся и с придыханием произнес:

— Мари...

С трудом открыв глаза, он огляделся. Попытался вспомнить, что это за место, но так и не сумел определиться. Одно точно — это не его комната. Но что — то знакомое...

Кто — то заботливо протянул стакан минералки. Не раздумывая ни секунды, Адам опустошил его.

— Эй, полегче, пьянчуга, еще подавишься, — пригрозил женский голос.

Он застонал.

— Я умер и попал в ад, да?

— Не стоит благодарности за заботу. Всегда пожалуйста.

Её веселье заставило его наконец — таки открыть глаза. Адам делал это очень медленно и по очередности: сначала левый, потом и правый.

Мари убирала бутылки с пола, складывая их в пакет. Как ни странно, он был рад её видеть. Честно говоря, он просто был рад, что понял, где находится.

— Сколько сейчас?

— Если ты про бутылки — их тут уже собралось штук семь. Ты их потом сдаешь? В твоём случае это прибыльное дело, Дарбинян. Сколько ты покупаешь за ночь? Штук пятьдесят на всю компанию?

— Мари, — тихо начал Адам, — будь добра, притворись немой хотя бы на час. Твой голос убивает остаток моих нервных клеток.

— Я бы с радостью! Но, увы и ах — родилась здоровой и, кстати, очень рано начала говорить.

Адам обреченно вздохнул и приподнялся на локтях, оглядывая свой же старый кабинет.

— Очень ценная информация. Так который час уже?

— Восемь утра. Пока никого нет, я пришла десять минут назад.

— Будь человеком, дай поспать, а?

Он наблюдал за тем, как девушка аккуратно кладет пакет на пол рядом с диваном и стряхивает с рук невидимые пылинки.

— Ухожу — ухожу. А то сама задохнусь от этого перегара.

Прежде чем закрыть за собой дверь, она вдруг неожиданно развернулась и, многозначно улыбнувшись, пропела:

— Тебе так идет новая часть нижнего белья. Потом скажешь, в каком магазинчике закупаешься!

— Что? — Адам уставился ей вслед непонимающим взглядом.

Господи, что за ненормальная девчонка...

Удобно устроившись на прежнем месте, он снова закрыл глаза, отгоняя от себя её образ и всё происходившее минутой назад. А потом внезапно нащупал что — то странное на своем животе и снова резко открыл глаза.

Это был красный кружевной лифчик.

Несмотря на зимний мороз, окна кабинета были открыты настежь. После ночной попойки помещение катастрофически нуждалось в проветривании. Трое друзей расположилось за небольшим столом, время от времени ежась от холодного воздуха. Каждый из них что — то подсчитывал, записывая результаты на листе.

— Если ты продашь машину, тебе этого всё равно не хватит, да? — задумчиво произнес Авет, потирая затылок.

— Нет, однозначно.

Адам покачал головой, не отрываясь от своего занятия.

— То есть, ты считаешь, что тебе дадут кредит, если составить четкий бизнес — план? — глаза Рахата загорелись интересом.

— Не думаю — уверен. Я заложу мастерскую, это большие деньги. Но всё равно машину тоже придется продать, потому что расходы огромные. Куплю что —нибудь попроще, а когда начну получать прибыль, снова присмотрюсь к какой —нибудь иномарке.

— Такие жертвы...ты точно уверен, что сможешь потянуть это дело, брат? Не пойми меня неправильно, я руками и ногами «за» все твои начинания. Просто у тебя нет опыта, может, пока что — то попроще замутить? — прагматично заметил Авет, искренне беспокоясь за друга.

Рахат вдруг встрепенулся и накинулся на него:

— Да что попроще! Этих «попроще» в городе на каждом углу. Если мутит — пусть берется за что — то стоящее. Всё он правильно делает!

Они продолжали спорить, приводя аргументы каждый в свою сторону. Адам молча наблюдал за ними, мысленно анализируя доводы каждого.

— Ребят, не обессудьте, но в этом вы оба не участвуете.

Он выдержал паузу, привлекая внимание обоих, а затем продолжил:

— Мастерскую полностью поручаю вам, я тут вообще перестану появляться. А клуб — это другой уровень, я найму профи. Этим буду заниматься в одиночку.

— Ну, если ты так хочешь... Я рад, что у тебя наконец — то появилось желание чего — то добиться, честно, — улыбнулся Авет.

Адам благодарно улыбнулся ему в ответ и перевел взгляд на Рахата, желая узнать реакцию второго друга. Тот немного нахмурился, и было видно, что не особо рад услышать такую новость. Возможно, он надеялся попасть «в долю», в отличие от Авета. Но Адам уже точно для себя решил, что это новое детище должно стать его личным достижением, без вмешательства друзей. И насчет мастерской он не врал, у него уже давно было желание полностью перевести все дела на них.

— Мы могли бы тебе помочь... — наконец сделал вывод Рахат.

— Я же сказал, без обид и претензий, Рахат. Занимайся СТО, ты тут больше нужен.

Тот шумно вздохнул и как — то покорно кивнул.

— Ладно, как скажешь... И когда начнешь всё это составлять?

— Сразу после нового года! Это уже решено!

Адам встал и прошел к окну. Закурив сигарету, он выдохнул едкий дым через открытое пространство на улицу. Душа его ликовала, никогда раньше не было такого интереса и рвения к чему — то. Хочется, чтобы это был именно его труд, без денег и помощи отца, которого Адам даже не собирался посвящать в свои планы, пока полностью не закончит всё задуманное...

В свете фонарей кружились мелкие снежинки, заставляя зачарованно наблюдать за этим необычным танцем. До Нового года оставалось несколько дней, на улице была куча народу, и все с огромными пакетами продуктов. Через дорогу находился гипермаркет, из которого нескончаемым потоком выходили измученные люди, уставшие стоять в очередях.

Вдруг среди толпы Адам заметил знакомое лицо. Она немного отошла от суетливых

покупателей и, достав платок, стала вытирать запотевшие стекла очков. Ей без них было гораздо лучше. Именно эта мысль посетила его еще в тот вечер, когда их обоих выкинули из караоке. И уже во второй раз Адам удивлялся этому выводу.

— Который час? — вдруг спросил он.

— Почти десять.

— Почему Мари задерживается здесь допоздна?

— Ну, в общем — то, она привыкла уходить в числе последних.

— Больше пусть не задерживается. Наши администраторы уходили раньше всех. Это и её касается, — произнес Адам железным тоном, чтобы пресечь возражения.

Но ему и так не собирались возражать. Рахату было плевать, когда уходит Мари, а Авет, наоборот, был рад заявлению друга, так как всегда переживал за любимую девушку. Она никогда не позволяла провожать себя, отмахивалась и твердила, что переросла этот возраст. А он и не знал, как к ней подступиться... И сейчас слова Адама только обрадовали его.

Ну а сам Адам... Ему не хотелось находиться с ней в одном помещении или даже в одном здании так долго. Он просто был неприятно удивлен, что она такая ответственная. Хорошая, правильная... И что там еще вчера ночью плел Авет? За что он еще её любит? В голове не укладывается, как такое вообще возможно. Нет, Авет не единственный, кто хвалил её. В мастерской все были в восторге от Мари, все относились к ней так, словно она их любимая младшая сестра. А есть быть точнее, любимый младший брат. Потому что трудно её называть девушкой. Она резалась с ними в блот (карточная игра), нарды и, кроме того, совершенно не возражала против их матерного стиля общения. О её внешнем виде вообще стоит промолчать.

Как же всё это странно, как трудно принять.

— Ладно, давайте расходиться, я и так не ночевал дома, — устало вздохнул Адам, отвернувшись от окна.

Его взгляд наткнулся на тот самый красный кружевной лиф, о возникновении которого в своем кармане он ничего не помнил... Соблазнительная деталь женского белья уныло валялась на дне мусорного ведра рядом с его столом. Адам действительно не помнил, как она у него оказалась.

Они распрощались и разъехались. Всю дорогу Адам мысленно готовился к очередным упрекам со стороны мамы. В принципе, её он тоже понимал, но беда в том, что жить иначе парень просто не умел. Адам привык делать то, что ему хочется, с самого детства получая желаемое. Не меняться же ему в свои почти 25?..

Еще и эти невеселые мысли об Авете и его странных чувствах.

Да быть этого всего не может... Авет и Мари?! Да нет...

* * *

«Она вовсе не выбирала его. Просто ни о ком другом она не думала»

Паоло Джордано «Одиночество простых чисел»

* * *

Марианна.

— Ну, еще бы, ты просто молодец, ты настоящий мозг... Дома же тебе не сиделось...

Молодец, Мари, молодец... — бормотала девушка на безлюдной улице, пытаясь открыть дверь мастерской.

Январское утро, второй день наступившего 2011 года, 7:50 на часах. Что она забыла на работе? Почему не могла остаться дома, как все нормальные люди? Наелась бы мандаринов, посмотрела бы несколько комедий... Нет же, ведь Мари особенная на всю голову. Ей почему — то именно второго января понадобилось распечатать сборник статей по ядерной физике...

Замок не поддавался, ключ, кажется, застрял. Было слишком холодно, слишком пустынно, слишком глупо. И главное, ведь никому не позвонишь в такое время. Да и в такой день. Правильно люди делают, что считают её сумасшедшей.

— Так, ладно. Без паники.

Девушка вздохнула и уставилась на дверь, напряженно размышляя, что можно придумать. Ключ действительно застрял, не получалось его вытащить. А если...

Мари немного дернула дверь к себе и снова попыталась открыть замок. Очередная неудача привела её в бешенство, и она с силой ударила кулаком по ручке. Совершенно неожиданно появился небольшой проем. Девушка с удивлением уставилась на него и подтолкнула дверь, проходя внутрь. Сигнализация не завывала. Это означало, что помещение уже было открыто.

Мари взглянула на замок с внутренней стороны, где красовался второй ключ. И теперь ей стало ясно, почему её собственный застрял. Интересно, кому еще не сиделось дома в такой день?

Сперва девушка обошла самую мастерскую, чтобы убедиться, что всё в порядке. Затем направилась в комнатку для клиентов, где обычно сама же подавала им кофе, чай и всё остальное. Везде было прибрано и чисто. Её рабочее место тоже было нетронутым. Оставался только кабинет, куда Мари и зашагала.

Великолепие картины, которая ей открылась, трудно описать цензурными словами. Если говорить по существу, там было два голых спящих человека, прикрытых тонким одеялом. Одного из них она узнала бы даже с закрытыми глазами — Адам. Ну а рядом с ним покоилась голова милой рыжей девушки с буйными кудряшками. Неожиданно Мари почувствовала непреодолимое омерзение, тошнота подступила к горлу. Она с силой захлопнула ненавистную дверь и прошла к рабочему месту, где включила компьютер и принтер.

Нет, Мари, конечно, знала, что Адам спит со всеми налево и направо, но не ожидала, что сама может стать свидетельницей такой сцены. Как странно, что у неё это вызвало бурную реакцию, ведь она знакома с его характером и повадками не первый день...

— Что за... — послышался сонный мужской голос за спиной. — Ты нормальная, нет?

Какого хрена столько шума?

Девушка резко обернулась и остолбенела, увидев Адама в таком виде. Он был бос, в одних джинсах, которые даже не удосужился застегнуть. Против воли она уставилась на его мощную грудь и торс, неосознанно проследив взглядом за дорожкой мелких черных волос, сужающихся к...

Мари остановила ход своих мыслей.

Она усилием воли взглянула ему в глаза и вздрогнула от ярости, сквозившей в них. Девушка забыла, что хотела сказать. Её напрягало, что он стоит перед ней в таком виде, словно это совершенно нормально.

Адам смачно выругался и потер глаза.

— Даже спрашивать не буду, что ты тут делаешь. Чтобы через минуту дверь была закрыта с наружной стороны. А я буду думать, что видел тебя в кошмарном сне.

В общем — то, Мари ничего другого и не ожидала. Она лишь фыркнула и отвернулась, возвращаясь к своему занятию. Принтер продолжал шуметь, до конца печати было еще довольно долго. Девушка устроилась за столом и стала просматривать почту, пытаясь забыть этот нелепый инцидент. Черт возьми, почему её так тянет к нему даже в такой ситуации?..

— Мари! — она вздрогнула от его крика. — Я же сказал — пошла вон отсюда!

— Не пойму, тебе стыдно за то, что я стала свидетельницей твоих...развлечений? Или ты еще не закончил, поэтому спешишь меня прогнать?

Что бы ни было, Мари не собиралась уходить, пока не закончит то, за чем пришла. Но она никак не ожидала, что Адам схватит её и потащит к выходу. Девушка отпиралась, как могла, но тщетно. Ни удары, ни оскорбления на него не действовали. У самой двери он повернулся лицом к ней и выдал на прощание:

— Разберемся в другой раз, если я буду свободен. И только попробуй до пятого числа тут появиться, я тебя уволю к чертям, и никакой Авет тут не поможет! Вон!

И через секунду она очутилась на улице, а перед самым её носом захлопнулась дверь. Это было настолько унижительно и нелепо, что еще долгое время Мари стояла, уставившись перед собой немигающим взглядом.

Это, значит, из — за какой — то путаны он вышвырнул её на улицу? Её, Мари?

Бродя по заснеженной улице, девушка размышляла над своим незавидным положением. Без преувеличения, это был самый худший Новый год в её жизни. Родители впервые уехали в этот семейный праздник к Мхитару в Москву, а Лилит отправилась домой, чтобы отмечать в кругу родственников. Мари обещала маме с папой, что поедет с подружкой, но в последнюю минуту почему — то передумала. Оставшись в Ростове, она встретила Новый год в одиночестве, распивая кока — колу и хрустя чипсами. Остаток дня девушка тупо проспала, игнорируя все звонки. Ближе к ночи она позвонила родителям, уверяя их, что всё в порядке. Хотя, на самом деле, было невыносимо скучно. Сегодня она хотела сделать что — нибудь полезное, поэтому решила распечатать этот несчастный сборник, чтобы почитать несколько статей, а вечером сходить в кино. Кто бы знал, что всё так обломается.

На часах было 08:17 утра. Настроение было ужасное. В голове никак не укладывалось, что она видела Дарбиняна почти голым. С тем фактом, что он выкинул её на улицу, она смирилась. Это свойственно его грубому характеру. Но Мари не собиралась оставаться перед ним в долгу, поэтому не особо переживала по этому поводу. Гораздо больше её интересовали эти странные и новые ощущения. Изначально, когда она увидела его в объятиях этой незнакомки, это вызвало в ней лишь волну отвращения. Но не прошло и пары минут, как ей

вдруг захотелось придвинуться поближе и осмотреть каждую клеточку его тела. Это, вообще, свойственно психически здоровому человеку? Нет, серьезно?

Да уж, после его возвращения жизнь заметно усложнилась. За эти пару недель Мари перенесла множество нервных расстройств и потрясений. Мало того, что за такой короткий срок она видела его с кучей совершенно разных девушек, так еще и увидела сегодня в такой интимной обстановке. Тысячу раз Мари пыталась привести себя в чувство, говоря, что её это не должно волновать, но...кого она обманывает? Как раз её это волнует больше всех. Оказывается, ей очень даже больно наблюдать за его беспорядочными связями. Впервые в жизни она была настолько близко к такого рода пошлостям и извращениям. Иначе это и не назовешь. Вполне возможно, что в следующий раз Мари застанет его непосредственно в самый разгар этого...«процесса». От Адама она ожидала чего угодно. Он самый безнравственный человек из всех, кого девушка знала. С ним еще мог посоперничать Рахат, но у этого всё было не так запущено.

Как — то Мари поделилась своими мыслями с Лилит:

— Не знала, что он меняет девушек настолько часто. Это так необъяснимо для меня.

— А тебе нужны какие — то объяснения? Мари, о чем ты думаешь? На что надеешься?

Вопрос подруги вызвал внутренний страх. Действительно, а на что она надеется? Зачем так часто думает о нем, если давно для себя решила, что эта её детская любовь не должна ей мешать по жизни?

— Да ни о чем я не думаю. Просто удивляюсь, какой он бабник. Это как — то отвратительно, — попыталась оправдаться девушка перед Лилит.

— Ну, в его пользу могу сказать, что он просто буквально воспринял фразу «возлюби ближнего своего».

Это заявление вызвало у Мари улыбку:

— Еретичка, фу на тебя.

Лилит лишь пожала плечами, а напоследок произнесла посерьёзневшим тоном:

— А если честно, давай, заканчивай с этим всем. Пора уходит оттуда, хватит, полтора года достаточно большой срок. Ты должна была наиграться.

В какой — то степени эти слова задевали её самолюбие, но, в общем — то, подруга была права. Эта работа была временной, и Мари слишком уже долго на ней задержалась. Глупо тратить время на то, чем не собираешься заниматься в будущем. Но она так полюбила это СТО, ребят, эту идиотскую систему учета и даже вечно ноющих клиентов... Был настолько трудно уйти, что Мари предпочитала вечно оправдываться и откладывать этот этап на потом.

— Ближе к весне, — говорила она Лилит, пряча глаза, — найду что — то другое и сразу уйду.

— Ну, или Адам тебя выкинет, когда вы с ним пару раз поцапаетесь.

С Адамом они не цапались. Так, мелкие стычки. Потому что почти не разговаривали. Он приходил в СТО с подружками или же просто поболтать с ребятами. Её игнорировал, а иногда даже не здоровался. Видимо, перепады настроения. Мари была в курсе, что он занят каким — то важным делом, про которое знали только Авет и Рахат, но в подробности не вдавалась. Адам оставался для неё какой — то загадкой, которая привлекала её до мурашек. И очень часто Мари просто ненавидела себя за это бессилие перед чувствами. Она не ожидала, что после годового перерыва они станут ещё крепче. Как будто он заставил её влюбиться в себя еще раз, а сам при этом совсем не замечал...

Мари вышла на работу пятого января, полная решимости отомстить Адаму. Но, к счастью или несчастью, он в этот день не появился. Вообще, половина работников не пришла. Это было не так страшно, поскольку за весь день в мастерскую приехал лишь один клиент, да и тот попросил заменить масло.

Умирая от скуки, они с Аветом сели играть в карты на желание. К её изумлению, парень победил три раза подряд.

— Кажется, сегодня не мой день, такого позора я еще никогда не испытывала, — отшутилась Мари, смущенно поправляя очки.

Он загадочно улыбнулся и добродушно ответил:

— Не бойся, я никому не расскажу. Но желание ты обязана выполнить. Скажу, когда будем закрываться.

И вот, остаток вечера девушка провела в раздумьях, умирая от любопытства, на что она «подписалась».

Как обещал, Авет подозвал её в сторонку после закрытия и объявил:

— Идем кататься на коньках в парке, а потом где — нибудь посидим. Ты же не против?

Мари, конечно, немного удивилась, но карточный долг выполнять не отказалась. И потом, что ей делать одной дома?

— Учти, что я не умею на них кататься и никогда не ступала на лед. Рискуешь собственным здоровьем, и, вообще, я могу нечаянно убить тебя.

Авет весело рассмеялся и открыл дверь машины, приглашая её внутрь. Всю дорогу они проболтали: он рассказывал, как впервые встал на коньки, а Мари поведала о том, как училась кататься на велосипеде.

— В общем, сбила и папу, и брата, а сама врезалась в детские качели, как ты понял, — подытожила она. — Но не потеряла решимости, и через пару лет водила не только велосипед, но и папину машину.

— Ты очень необычная девушка.

— Скорее, я на неё и не похожа. Так получилось, что во мне мужских замашек больше.

— Нет, — возразил Авет, — ты очень даже похожа на девушку. И своей уникальностью нравишься мне всё больше и больше.

Мари показалось, что в его голосе прозвучали какие — то новые нотки, и это её немного насторожило. Девушка замаялась и слабо улыбнулась ему. К счастью, Авет быстро перевел тему, и она смогла спокойно вздохнуть.

Они доехали, Авет снова проявил свою галантность, открыв перед ней дверь. У катка была куча народу, веселье витало в воздухе, и это подзадорило Мари, всегда готовую на что — то новое. Итак, она встала на коньки и с помощью Авета сделала несколько шагов. Это оказалось не так трудно, поэтому через пару минут девушка уже отпустила его руку и осторожно проехала вперед.

Это был один из тех редких случаев, когда Мари не смогла рассчитать свои силы... Врезавшись в хрупкую девушку, она свалила ту с ног, и их «пара» стала причиной падения еще нескольких человек. Образовавшая пробка вызвала бурный смех зрителей. Пока Мари в сотый раз извинялась перед пострадавшей, Авет, сдерживая свой хохот, помогал подняться ей на ноги.

— Я же говорю, сегодня не мой день. Пошли отсюда, пока я действительно никого не убила, — испуганно прошептала девушка, когда они отходили от места «происшествия».

— Ничего страшного, и такое бывает в первый раз. На сегодня хватит, но я надеюсь, что

мы сюда еще вернемся.

Мари поспешно сняла коньки и обулась. Ступив на хрустящий снег, она с блаженством пропела:

— Земля!

Авет снова рассмеялся. Вообще, он слишком часто смеялся сегодня. Какой — то странный. Мари вдруг с интересом стала разглядывать его лицо. Пожалуй, Авет — самый симпатичный среди своих друзей. Наверное, его даже можно назвать красавчиком: голубоглазый, черноволосый, с правильными чертами лица и очень обаятельной улыбкой. Многие девушки даже оборачивались им вслед, и Мари это прекрасно видела. А он, кажется, совсем не замечал, какое впечатление производит на слабый пол. Почему так? Рахат и Адам не обладали такой красотой, но за счет своей самоуверенности могли получить любую. Рахату еще можно приплюсовать его хитрость и льстивость, подкупающие девушек, а Адаму — грубость и властность, которые сейчас в моде. Но он, Авет, почему — то, наиболее скованный их всех. Или ей это только кажется? Ведь Мари ничего не знала о его личной жизни.

— Давай где —нибудь выпьем кофе. Я заглажу вину за твой испуг на льду.

— Я не против. Но одним кофе ты не отделаешься.

— Как раз на это я и рассчитывал...

Черт возьми, что с этим парнем не так? Он сегодня говорит какими — то двусмысленными фразами. Мари никак не могла понять, что у него на уме. Её настораживало поведение Авета.

И, как оказалось, не зря...

Когда они допили кофе, доели пирожные и немного поболтали, Авет вдруг придвинулся ближе и как — то невпопад произнес:

— Я очень хотел бы узнать тебя ближе.

Мари застыла.

— Уже давно не могу решиться сказать, как ты мне нравишься... Ты понимаешь? Не как друг...

Паника накрыла её с головой. Никогда она не оказывалась в такой ситуации. Парни не мялись перед ней, пытаясь раскрыть свои чувства. И теперь Мари не знала, какие слова подобрать, чтобы не нагрубить и не обидеть Авета, который продолжал изливать свою душу:

— Ты особенная, Мари. Мне хочется быть рядом с тобой всегда. Не представляешь, как я мучился всю эту неделю, не имея возможности встретиться.

Мари взглянула в его чистые и невероятно добрые глаза. Они так и светились любовью. Наверное, именно так она и выглядит. Это то, что девушка с трудом могла понять, поскольку её собственная любовь проявлялась иначе. Точнее, вообще никак не проявлялась. И тем сложнее было отказать ему... Вот почему всё складывается так нелепо? Почему она не может полюбить Авета? Почему?

Одно слово.

Адам.

— Давай выйдем на улицу, пожалуйста, — попросила Мари, вставая.

Даже если он и удивился, то виду не подал. Молча помог надеть куртку и последовал за ней. Немного отойдя от входа кафе, девушка медленно развернулась и осторожно начала:

— Меньше всего я ожидала таких сюрпризов. Авет, пожалуйста, не обманывайся на мой счет. Не делай этого, прошу. Ты достоин лучшего. Я слишком сильно отличаюсь от

нормальных девушек...

— Но именно этим ты мне и нравишься! — перебил он с надеждой в глазах.

— Но это неправильно! — вдруг с отчаянием простонала Мари.

— Почему?

— Авет, я люблю другого человека уже очень давно. Мне очень больно, что своим поведением я, возможно, где — то дала тебе надежду. Я не знаю, что тебе сказать. Прости, пожалуйста...

Авет как — то неестественно застыл, а потом отшатнулся. Он был слишком поражен, чтобы суметь что — то сказать в ответ. Мари понимала, что ей придется поставить точку и уйти самой.

— Извини, мне действительно жаль, но ничего другого я тебе сказать не могу. Пока! И не беспокойся, я доеду сама, — последнюю фразу она произнесла, видя, что он готов возразить и последовать за ней.

Но девушка быстро развернулась и зашагала прочь, испытывая стыд и тупую боль от того, что расстроила такого хорошего человека. Бог знает, что он себе нафантазировал, считая её особенной... Как же глупо всё это, как несправедлива жизнь.

Она, возможно, могла бы оказаться в такой же ситуации, рискни рассказать о своих чувствах Адаму... Но в это ей с трудом верилось.

Следующим утром Мари впервые собиралась на работу с плохим настроением. Ей совсем не хотелось видеть Авета, было слишком неудобно перед ним. Но, честно, разве она виновата? Девушка и понятия не имела, что он что — то чувствует к ней...

По дороге она нафантазировала себе кучу разных ситуаций, как будет избегать Авета всеми возможными способами, как напряжение между ними будет мешать ей работать, как он ей будет мстить, возможно.

Но Мари никак не ожидала, что парень встретит её с обычной улыбкой, будто вчера ничего и не произошло. Весь день он вел себя самым обычным образом, приводя девушку в недоумение. Ближе к вечеру она все же рискнула спросить, что с ним. Подойдя с каким — то документом, который Авет должен был подписать в качестве официального заместителя, Мари нетерпеливо выдала:

— Авет, с тобой всё хорошо? Извини, просто я переживаю.

Он отвел взгляд и нарочито спокойным тоном ответил:

— Да, конечно. И давай забудем, что вчера было. Я не знал, что ты уже в отношениях.

Мари, было, открыла рот, чтобы объяснить ему, как он заблуждается на счет отношений, но в последнюю секунду передумала. Пусть так и думает, для него это лучший вариант поскорее забыть о ней. Девушка с благодарностью улыбнулась и, облегченно вздохнув, отправилась на рабочее место. Откуда ей было знать, что Авету невыносимо больно? Что он смотрит ей вслед с каким — то сожалением, граничащим с мукой? Что он не спал всю ночь, пытаясь понять, где ошибся, как пропустил этот момент, когда она уже стала чьей — то девушкой... любовью?..

Это видели только глаза его друга, который с потрясением стоял в нескольких шагах... И который для себя уже решил, что Мари здесь больше не место.

* * *

«Чем больше она для него значила,
тем меньше он это показывал»

Трумен Капоте «Летний круиз»

* * *

Адам.

Он чувствовал себя странно, его бросало из крайности в крайность: и беспокойство за друга, который раньше никогда не выглядел так паршиво, и какая — то радость в глубине души от того, что ничего этих двоих не связывает.

Адам пытался понять себя, но упорно отрицал тот факт, что Мари ему небезразлична, хотя сознание постоянно приводило ему различные доводы. Нелепо думать о том, что такая девушка действительно может ему нравиться.

«Она не в моем вкусе», говорил он сам себе.

«А ты уверен, что у тебя есть этот вкус?» — вопрос откуда — то изнутри.

«У меня было много красивых девушек. Это говорит само за себя», отвечает Адам.

«Красивых? И многих ты помнишь? Хотя бы одну, о которой утром ты подумал то же самое, что и перед тем, как заняться с ней сексом?».

И откуда только берется этот уродливый голос истины? Адам в бешенстве вскочил с кресла и пулей вылетел из кабинета. Промчавшись через небольшой коридор, он остановился перед столом Мари, которая что — то усердно печатала, совершенно не замечая его феерическое появление.

— Эй, очкарик! Выйди на минутку из транса.

Девушка вздрогнула и непонимающе уставилась на него поверх монитора.

— Сегодня удержишься. Когда все уйдут, я дам тебе особое задание, — многообещающе сообщил он.

— Я так и знала, что мне рано радоваться! — торжествующе вскрикнула Мари, откинувшись на спинку. — Не прошло и недели, как мне сказали уходить пораньше, как появляется какое — то особое задание!

У него сейчас было такое состояние после «содержательного» разговора с самим собой, что Адам был готова задушить Мари, хотя ничего плохого она и не сказала.

— Улыбаться будешь потом. Уверен, тебе это будет в новинку, — саркастически улыбнулся он.

Мари резко подалась вперед и, театрально посмотрев по сторонам, словно убеждаясь, что их никто не слышит, перешла на шутливый доверительный тон:

— Мы будем «перегонять» краденые машинки?

Адам не удержал мат. Выругавшись вдоволь, парень направился обратно к себе, на ходу бубня:

— Ты просто невозможна, маленькое исчадие ада...

Да уж, ей однозначно «понравится» то, что он придумал...

Авет с отрешенным видом смотрел куда — то перед собой, и Адама злило это его состояние.

— Так убиваешься, будто был с ней годы, а не один короткий вечер! — резко выдал он,

не выдержав. — Хотя и в этом случае я тебя не понял бы. Эта девушка не стоит таких... переживаний.

После долгого молчания друг прагматично заметил:

— Если ты так много в этом понимаешь, тогда скажи, кто же стоит?

Адама озадачил этот вопрос. А, действительно, кто же стоит? Да и откуда ему знать такие вещи, если он нигде выше пояса никогда ничего не испытывал?

— Извини, ты прав. Не мне наставлять тебя.

Повисла тяжелая пауза. Авет продолжал сидеть неподвижно, словно какое — то поникшее растение. А Адам с каким — то ужасом понимал, что его лучший друг на самом деле крупно влип. Неужели он успел так сильно влюбиться?

— И ты меня извини, я что — то совсем не соображаю, — пришел в себя Авет. — Знаешь, я не могу поверить, что она кого — то любит. За всё это время Мари не упоминала об этом ни разу. И я даже не слышал, чтобы ей звонил какой — нибудь парень...

— Она сказала, что с кем — то встречается? — переспросил Адам удивленно.

— Ну, почти. Сказала, что уже давно кого — то любит.

Что — то внутри разочарованно заныло, какой — то противный звоночек оповещал его о том, что ему неприятно это слышать. Адам с трудом представлял Мари с кем — либо.

— Я думаю, тебе стоит попытаться забыть о ней, раз всё так вышло.

Авет удивленно приподнял брови.

— Но я не хочу! Я должен попытаться еще раз. Просто пока не знаю, как...

Адам был шокирован заявлением друга и искренне считал, что тот начинает сходить с ума. Зачем пытаться завоевать девушку, которая уже занята?

Но озвучивать данную мысль он не стал, решив пощадить чувства Авета. Вместо этого Адам решил выпроводить его:

— Иди домой, ты всё равно не сможешь работать остаток дня. И не возвращайся, пока не придешь в себя, понял?

— Согласен, даже стыдно, что я в таком состоянии.

— Вот именно! А я собирался сегодня поговорить с тобой о том, что больше не буду появляться тут. Я нашел подходяще помещение и даже связался со знакомым дизайнером. Точнее, знакомой.

Авет обрадовано улыбнулся:

— Ты всё-таки решительно настроен насчет клуба?

— Да, однозначно. Впервые чувствую себя так... волнительно.

— Я очень рад, честно. Прости, что в таком настроении.

— Да ну тебя, заткнись уже и вали домой. Я, так уж и быть, в течение нескольких дней буду приходить, а ты приводи себя в порядок и возвращайся бодрым. Ты знаешь, что я могу оставить это всё только на тебя, — Адам обвел руками пространство кабинета, подразумевая СТО.

— Я всё понял.

Авет поднялся и пожал ему руку. Они попрощались, и парень отправился домой, оставив Адама с мыслями о том, как он собирается выпроводить Мари...

Последним ушел Миша, пожелав им удачного вечера своим смешным акцентом. Когда дверь за ним закрылась, Адам молча скрылся в служебном помещении и через минуту вернулся с ведром и шваброй.

— Это, что, шутка? — сразу же догадалась Мари.

— Нет. Наша уборщица уволилась. Пока я не найду ей замену, эта особая миссия лежит на тебе.

— Что?! Я не буду мыть полы! Еще чего!

Адам отложил швабру и ледяным тоном продолжил:

— Не понял, я разве произнес предложение в вопросительной форме? Или твоя большая фантазия вместо «Ты будешь мыть пол» услышала «Не соизволите ли Вы, Ваше Величество, пройтись по кафелю этой недостойной тряпкой?»

Глаза Мари гневно сверкнули, она открыла, было, рот, чтобы возразить, но тут Адам сделал свой главный ход:

— Что — то не устраивает — не держу здесь. Дверь открыта.

Сначала девушка недоверчиво приподняла брови, но, увидев, что он полон решимости и не шутит, стиснула зубы и яростно прошипела:

— Устраивает!..

Адам самодовольно улыбнулся.

— Я так и думал. Держи! — он бросил ей упаковку резиновых перчаток.

Мари поймала её и иронично усмехнулась:

— Да ты меня балуешь, я смотрю. Какие нежности!

— Давай за работу. Не хочу из — за тебя задерживаться, и так нет настроения.

Доставая перчатки, она издевательски спросила:

— А что такое? Наш мальчик сегодня встал не с той «подстилки»?

Иногда её манера выражаться вводила его в неподдельный ступор. Если бы Адам не знал Мари так давно, уже сделал бы вывод, что она выросла в какой — то неблагополучной семье, где и выражались вот так своеобразно.

— Прикуси свой ядовитый язычок. В конце концов, нормальные девушки так не выражаются. Хотя, о чем это я? В этом помещении есть только один предмет, претендующий на звание женского пола, и это — швабра. Уж она явно выглядит привлекательнее тебя.

Надо было видеть, как засверкали темные глаза Мари, как этот бешеный взгляд говорил сам за себя. Ему определенно всё больше и больше нравилось дразнить её. В этом и заключался его грандиозный план — довести девушку до такой точки, чтобы она ушла сама, не вызывая подозрений у Авета. Адам таким образом хотел спасти друга от необходимости видеть Мари каждый день. Да и потом, он сам хотел держаться от неё подальше.

— Ты еще будешь учить меня манерам?! Моральный урод, который даже на рабочее место приводит всяких...там...будет мне говорить, как выражаться?!

Девушка на секунду прикрыла веки и тяжело вздохнула, словно пытаясь держать себя в руках. Потом медленно открыла глаза и уставилась на него прямым и весьма серьезным взглядом, от которого так и веяло холодом:

— Дарбинян, раз тебя привлекает эта швабра, то можешь уединиться с ней в ближайшем помещении. О твоих извращениях я никому не расскажу. Просто избавь меня от своего присутствия, чтобы я побыстрее закончила выполнение твоего «особого задания»!

Адам рассмеялся. Его невероятно сместила сама ситуация и вид этой фурии в очках. Нарочито медленной походкой он направился к себе, всё время оглядываясь и посылая Мари торжествующие улыбки.

Итак, первый шаг к её ликвидации он сделал...

На следующий день Авет на работу не пришел, как и советовал ему Адам. Тем лучше.

потому что парень собирался продолжить свои издевательства над Мари... После вчерашнего она немного поутихла и сегодня была крайне спокойна. Когда Адам, проходя мимо её рабочего места, послал ей один из своих фирменных взглядов, мол, еще сомневаешься, кто тут хозяин, девушка в ответ поправила очки и отвернулась. Ох, как он был доволен собой...словно ребенок, одержавший победу в детском споре. Каждая такая сомнительная победа над Мари приносила ему удовлетворение, ему почему — то это было важно.

Днем Адам позвонил дизайнеру и попросил приехать в СТО, где они смогут посмотреть эскизы девушки. Когда она приехала, он проводил её в кабинет и кинул Мари на ходу:

— Сделаешь два кофе? И принеси что —нибудь сладкое, у нас будет долгий процесс.

Её лицо вытянулось, и она состроила презрительную гримасу, демонстрируя, насколько противны ей намеки Адама. Он специально выразился так двусмысленно.

Кофе Мари принесла спустя долгих минут двадцать. Когда она вошла и увидела, что оба собеседника одеты и даже больше —занимаются работой, а не друг другом, девушка послала Адаму убийственный взгляд, предвещающий страшную скоростижную смерть. Небось, нафантазировала себе, что они тут в различных эротичных позах...

— Спасибо большое, это как раз то, что нужно! — искренне поблагодарила Полина, улыбнувшись Мари.

Та лишь кивнула и поспешила уйти, забрав поднос.

— Ты её часто обижаешь? Она на тебя так холодно смотрит! — продолжила девушка, когда захлопнулась дверь.

— Не удивлюсь, если в моем кофе сейчас обнаружат крысиный яд — настолько «хорошие» у нас отношения, — объяснил Адам.

Полина была женой его хорошего приятеля, который узнав о планах Адама, предложил её услуги. Изначально он сомнительно отнесся к этому, подумав, что тот просто впихивает ему свою жену, но потом, увидев её работы, диаметрально изменил своё мнение.

Сейчас перед ним лежали эскизы — один лучше другого. Они нуждались в незначительных поправках, чтобы после исправления выглядеть именно так, как он себе и представлял дизайн будущего клуба.

— Я исходила из твоего характера, — честно призналась Полина в начале, раскладывая перед ним свои работы. — И учла, что ты хотел нечто необычное.

Адам был благодарен ей за ответственность и талантливое исполнение его идей. Свой выбор он решил остановить на самом роскошном, как ему казалось, варианте: многослойный дизайн холодных оттенков, предполагающий наличие зрительных, звуковых и нескольких суб — слоёв. Первый визуальный слой представлял собой текстуру неокрашенных материалов, используемых для внутренней отделки: металла, бетона, стекла и кожи. Второй слой — это цвет, полученный действием света различной интенсивности. Третий слов — некая дымка, тени, которые в сочетании с использованными материалами создавали туманный эффект и волшебную атмосферу. Естественно, присутствие неоновой подсветки, дорогой кожаной мебели и различных декораций дополняли задумку. Также его привел в восторг подход к дизайну туалетных комнат, которые были выполнены в матричном стиле с использованием металлического черного цвета.

— Кстати, тут не особо видно, но танцпол будет выполнен с применением стекла и RGB светодиодов, которые меняют цвет в зависимости от темпа музыки, — проговорила Полина, глотнув кофе.

— Очень круто! Не терпится увидеть это всё в реальности. Осталась маленькая деталь. Комнаты на втором этаже должны быть различных размеров, так как будут рассчитаны на различное количество посетителей...

Глаза девушки недоуменно сузились, она внимательно посмотрела на свой эскиз, а затем на Адама.

— То есть? Ну, понятно, что в каждой должна быть двуспальная кровать, потому что туда будут приходить парень с девушкой, это не гостиница, чтобы там были маленькие стандартные комнаты.

Адам усмехнулся и озадаченно качнул головой, пытаясь подобрать слова, чтобы деликатно объяснить Полине свою мысль.

— Само собой, там не будет стандартных кроватей. Но...там должны быть более просторные комнаты для пар...нескольких пар...для большого количества людей. Не будем забывать, что у каждого свои предпочтения в сексе, мы же не маленькие дети.

На секунду глаза Полины расшились, но она быстро пришла в себя и рассмеялась:

— В общем — то, ты прав, тебе лучше знать, как сейчас обстоят дела в этом плане.

— Это точно, — согласился Адам, прокручивая в голове небольшую часть своих сексуальных приключений. — И вот еще что, совсем забыл. Мне нужно, чтобы самое большое помещение на втором этаже ты спроектировала под мини — квартиру для меня. И обязательно со звукоизоляцией, — многозначительно добавил он. — Чтоб ни единого звука я не слышал.

Девушка сделала несколько заметок в своем блокноте и обратилась к Адаму:

— Комнаты для гостей ты решил обустроить с душевой кабинкой. А в твою мне внести ванну или так же оставить?

— Думаю, ограничусь кабинкой, но пусть она будет больше, чем в гостевых, — немного подумав, ответил он.

Она снова что — то записала, затем подняла на него сверкающие глаза:

— Черт, я давно такого удовольствия не получала! Это мой лучший проект. Такого клуба в городе нет, твой будет самым популярным, поверь. Именно это решение с комнатами на втором этаже — ключевое. Не надо будет искать гостиниц, отелей, или же забиваться в туалет, как извращенцы.

— Вот, я именно об этом и думал. Насмотрелся в свое время на такие вещи.

Еще долго они обговаривали мелкие детали интерьера, и лишь спустя полтора часа смогли закончить. Полина ушла сияющей. Она не верила в свою удачу — такой шикарный проект! Адам проводил её и вернулся с широкой улыбкой: с каждым днем всё больше и больше его затягивала эта идея...

По этому случаю он отправил Рахата за выпивкой, и они до самого вечера отмечали такое значимое событие... Работы над клубом должны были начаться уже на следующей неделе.

* * *

«Все женщины мира ждут от мужчин каких — то поступков и лишь единицы замечают и ценят приятные мелочи...

Именно эти женщины и являются самыми счастливыми»

Серж Гудман

* * *

Марианна.

Она закончила с мытьем пола и отставила швабру в сторону. Второй день Мари чувствует себя униженной, но иного выхода не видит. Конечно, лучше было бы уйти сразу, сохранив свою гордость, но это слишком просто. Да и потом, чтобы уйти, надо найти другую работу. Поэтому, скрипя зубами, девушка и сегодня выполнила функции уборщицы.

В мастерской уже давно никого не было, кроме неё и Адама. Последний уже несколько часов не выходил из своего кабинета. Его непутевый друг час назад заказал такси и уехал домой, еле передвигаясь на своих двух. Конечно, надо было бы сейчас уйти самой, оставив этого пьяницу одного, но Мари не могла.

Осторожно открыв дверь, она тихо вошла внутрь и сразу же тяжело вздохнула, наблюдая нелицеприятную картину: на столе стояли пустые бутылки, а на полу валялись коробки от пиццы и какие — то пакеты. В комнате было очень накурено и несло перегаром. Виновник сего великолепия полулежал на диване в замысловатой позе — одна нога была перекинута через спинку, другая — касалась пола, куда и тянулся его корпус. Одно движение — и он обязательно грохнется.

— Я еще пожалею об этом... — мрачно прошептала Мари, подойдя к Адаму.

Обхватив руками голову и плечо парня, она приподняла его и попыталась устроить в нормальном положении. Ногу со спинки дивана девушка опустила, а вторую, что касалась пола, — подняла. Сняв с него туфли, Мари попыталась поправить задравшуюся на нем рубашку, но Адам вдруг что — то промычал и стал переворачиваться.

— Помогаешь ему, а он, видите ли, задом поворачивается... — проворчала Мари, прислушиваясь к его нечленораздельной речи, — пусть и весьма привлекательным, но всё же задом... — заключила она, уставившись на его пятую точку.

Моментально очнувшись и поняв, что не тем занята, девушка открыла стенной шкаф и достала оттуда одеяло. Кем бы ни был человек, обустроивший эту комнату, ему надо будет сказать спасибо. Тут было всё, что нужно для удобства, если вдруг кто — то решит остаться на ночь. Ну, или будет вынужден остаться, как в этом случае. Наверняка обо всем этом позаботился Авет, кто же еще?..

От мысли об Авете Мари стало как — то не по себе. Укрывая Адама, она тихо прошептала:

— Любила бы я Авета, всё в жизни у меня было бы хорошо. Но нет же, выпало счастье влюбиться в тебя, Дарбинян, — Мари взглянула ему в лицо, удостоверившись, что он крепко спит, — божье наказание!

Несмотря на суровый тон, произносила она это всё с иронией к себе. Девушка прекрасно знала, что никогда не изменится. Что бы ни произошло, Адам всегда будет ей дорог. И даже сейчас, после всех его издевательств, грубостей и оскорблений Мари

испытывала какую — то неуместную потребность в заботе о нем, нежности. Хотелось прикоснуться к нему, погладить по небритой щеке, ощутить его тепло.

Но, как всегда, переборков свой порыв, девушка отвернулась, чтобы не смотреть на него, и попыталась привести кабинет в более приличный вид. Спустя десять минут, когда мусор был выкинут, а обувь и куртка Адама аккуратно переставлены, Мари направилась к двери, чтобы уйти. Её взгляд задержался на спине спящего здоровяка. На секунду её посетила нелепая мысль о том, что она хотела бы быть за этой спиной, как за крепостью, прижиматься к ней, ничего не боясь. А потом одернула себя. Ей нечего бояться. Всё самое плохое уже случилось лет пятнадцать назад, когда они впервые встретились...

Утром, когда Мари пришла в СТО, дверь уже была открыта. Она прошла к своему рабочему месту и остановилась от неожиданности, увидев красивый букет цветов. Может, это ошибка? Или кто — то купил цветы своей девушке, жене, маме...и просто до конца рабочего дня оставил здесь? Глупо, конечно, так думать, в этом нет никакого смысла. Просто Мари никак не могла поверить, что букет предназначен ей... Приблизившись, она вдохнула исходивший от него аромат и зажмурилась от удовольствия. Впервые ей дарили цветы. Это какое — то странное ощущение...

— Тебе понравилось? — раздалось за спиной.

Девушка круто развернулась и растерянно уставилась на Авета. В глубине души она очень надеялась, что это дело рук Адама... Тысячу раз дура!

— Если тебе не нравится, я выброшу их! — решительно направился к цветам Авет, неправильно поняв её молчание.

— Нет, они очень красивые! — остановила его Мари. — Но тебе не стоило дарить их мне...

— Мари, пожалуйста, я же тебя ни к чему не обязываю... Это просто так.

— Всё равно не стоило, Авет. Больше не делай этого, прошу тебя.

— Авет, она права, — в разговор внезапно вмешался сонный Адам в помятой одежде, — вместо цветов лучше бы достал ей длинную метлу. Она хотя бы на транспорте сэкономит.

Воцарилось молчание. Адам самодовольно улыбался, держась за раскальвавшуюся голову. Авет неодобрительно смотрел на него, недовольный поведением друга. Ну а Мари просто сверлила его взглядом, пытаясь проделать дырку прямиком между глаз.

— А мне нет нужды экономить. Я получаю очень высокую зарплату! — сделав свой ответный ход, девушка скрестила руки на груди.

Адам зевнул. Это было даже немного оскорбительно. То есть, он и не пытался продолжить их спор, проигнорировав замечание Мари...

— Сделай мне кофе в огромной чашке. Хоть как — то оправдай свою зарплату.

— Адам, хватит! — не выдержал Авет. — Пойдем.

Они скрылись в коридоре, а Мари устало выдохнула и отправилась варить кофе. Определенно, эта работа тяготит её всё больше и больше... Кажется, пора подыскивать что — то другое...

Перед самым закрытием к ней подошел Авет.

— Если ты не против, я хотел бы тебя немного проводить.

— Авет... — начала Мари.

Но он перебил её:

— Я не собираюсь к тебе приставать, просто немного поболтаем, расскажешь, что тут происходило, пока меня не было.

Девушка мысленно застонала. Она и такса самого утра была в паршивом настроении, плус бешеная усталость после рабочего дня, а тут он... Что ему рассказать? Что его друг два дня терроризировал её? Что она ужасно злится на себя, потому что позволяет так с собой обращаться, чтобы остаться на этой работе?..

— Если честно, я безумно устала и собираюсь вызвать такси. Не обижайся, пожалуйста, но как — нибудь в другой раз.

— Я мог бы тебя подвезти... — предложил он с надеждой.

— Нет, Авет, не надо. Это уже будет лишним. До завтра.

Она прошла в подсобку и взяла свою куртку, после чего вызвала такси. У самой двери её вдруг снова окликнул Авет.

— Подожди! Мари, цветы...

Парень протянул ей букет, о котором Мари совершенно забыла. Ей вдруг стало так стыдно, что она не знала, куда деться. Приняв цветы из его рук, девушка подняла голову и виновато улыбнулась:

— Заработалась, прости... Спасибо.

— Ничего, я понимаю. До завтра.

— До завтра, Авет.

Всю дорогу в такси её мучили угрызения совести перед ним. Он, кажется, не хочет понять, что у них ничего не может быть. Авет продолжает надеяться, это было понятно по его поведению. Но Мари это всё не нужно...

— Ого! — удивленно встретила её Лилит на пороге. — Это меня не было всего дней десять, а тут уже такие перемены. Кто он?!

Мари с улыбкой обняла подругу, которая приехала после новогодних праздников, и пообещала:

— Ты меня вкусно накорми тем, что передала тетя Лиана, и я тебе всё расскажу!

— Всё ты знаешь! — рассмеялась Лилит. — Пошли, там твоя любимая толма.

Девушки поели, поделились впечатлениями от Нового года, а потом Лилит велела Мари рассказать, что произошло. И Мари рассказала...

— Ты могла бы дать ему шанс. Хватит думать об Адаме! Когда ты уже освободишься от этой глупости?!

— Лилит...

— Да что?! Что?! — взорвалась подруга. — Меня бесит, что ты терпишь его, хотя в этом нет никакой нужды! Прекрати это, Мари! Не надо думать, что он может измениться и вдруг вспылать к тебе чувствами! Он сволочь, имбецил, никчемный...

— Замолчи, Лилит! — разозлилась Мари.

Подруга опешила и, поджав губы, отвернулась в другую сторону.

— Почему ты не хочешь понять меня? Я никогда не изменю своего решения. Мне не нужен никто. Это закрепилось в моем сознании с самого детства. Я даже мысли не допускаю, что могу быть с кем — то. И с ним тоже не могу...как это ни странно. Я люблю его, Лилит. Люблю вопреки всему. И это мой выбор, за который я не собираюсь оправдываться. И жалеть тоже.

— Может, еще скажешь, что собираешься стать монашкой? — обиженно спросила Лилит.

— Не думаю, что меня с моим характером примут хотя бы в один монастырь... Лил, серьёзно, давай не будем больше касаться этой темы. Я знаю, что ты за меня переживаешь,

но мне не хочется вникать во всё это. Пусть идет, как идет.

Подруга обреченно взглянула ей в глаза:

— Разве у меня есть выбор?

— Нет, — улыбнулась Мари, приобняв её, — я решила уйти оттуда, Лил...

Послышался протяжный вздох облегчения. Ну хоть кто — то рад чему — то в этой ситуации...

— Мариша, привет, с прошедшими праздниками! Как твои дела?

Мари оторвалась от клавиатуры и удивленно уставилась на Ларису Валерьевну со шваброй и ведром в руках. Что за...

— Лариса Валерьевна, вы разве не уволились? — задала она закономерный вопрос.

Женщина нахмурила брови и озадаченно ответила:

— Я? Зачем мне увольняться?

— Вас так долго не было...

— А меня Адам отпустил на две недели, я была в селе у дочери.

— Адам отпустил? — усмехнулась Мари. — Я не знала, извините. С приездом.

Не раздумывая ни секунды, девушка вскочила и пулей направилась в кабинет. Адам разговаривал по телефону, что — то быстро записывая на листе бумаги.

— Дарбинян! — взревела Мари, не обращая внимания на его занятой вид.

— Я перезвоню, — Адам извинился перед собеседником и быстро повесил трубку, гневно уставившись на девушку, — ты совсем охренела?

— Охренел здесь ты и только ты! Говоришь, Лариса Валерьевна уволилась?

Он на секунду замер, а потом откинул голову и рассмеялся от всей души, поняв, что произошло. Мари это разозлило еще больше, и она, обогнув стол, встала перед ним в воинственной позе.

— Чего ты добиваешься? Что за предвзятое отношение ко мне? Что с тобой не так?

Адам встал, возвышаясь над ней, и стал медленно наступать. Мари не шелохнулась, хотя у него и был угрожающий вид. Она сама сейчас была так взвинчена, что готова была прикончить его.

— Не люблю выскочек.

— От выскочки слышу. Это и есть твой аргумент? — размахивая руками, выкрикнула Мари.

Адам вдруг резко сократил расстояние между ними и выдохнул ей прямо в лицо:

— Нет...

А в следующую секунду коснулся её губ в яростном, проникновенном поцелуе, прижав тело девушки к себе. Мари ничего не успела сообразить. Просто повинувшись инстинкту, прикрыла глаза. Через неё прошел заряд, который она вряд ли смогла бы измерить в вольтах. То, что происходило сейчас, не поддавалось никаким физическим правилам... Что это? Электрическое напряжение? Магнитный поток?

Что бы это ни было, оно потрясло Мари до самых глубин души. Она никогда бы не подумала, что поцелуй любимого человека может доставить такие бешеные эмоции...

Когда Адам оторвался от неё, Мари осталась стоять на месте, не в силах двигаться.

— Что это было?

Ей показалось, что он и сам немного растерян. Адам как — то озадаченно смотрел ей в лицо, будто что — то пытался понять.

— Хотел разнообразить твою жизнь чем — то новым, — вдруг произнес он медленно.

Его ответ при иных обстоятельствах обязательно вызывал бы улыбку на её лице, но не сейчас, не в этот момент, когда она даже имя свое забыла.

Пару секунд они смотрели друг другу в глаза, понимая, что никто не остался равнодушным к происходящему. Молчание нарушила Мари:

— Тебе это удалось, — она облизала пересохшие губы, а потом резко притянула его к себе, желая вновь пережить этот шквал эмоций.

Адам был только рад. Он крепко прижал её к себе, вложив в этот поцелуй невероятную чувственность. Это кружило Мари голову, она готова была провести в этом состоянии не один час... Тепло разливалось по разгоряченному телу. Девушка чувствовала его силу и мощь, о которых еще не так давно думала...

— Твои очки, — нехотя оторвался Адам, шепча ей в губы, — они мне мешают.

— Ну и сними... — ответила Мари, вновь потянувшись к нему.

Она ничего не соображала. Единственное, что крутилось в голове, — почему он не целовал её раньше, почему ей не довелось узнать раньше, насколько это восхитительно?..

Но неожиданно открылась дверь. Оба застыли в миллиметре друг от друга и резко повернули головы. На пороге стоял Авет.

Мари зажмурилась и застонала, убрав руки с плеч Адама, а он выругался, покачав головой.

— Продолжайте.

Сказав это, Авет захлопнул дверь. Адам бросился за ним, а Мари осталась стоять у стола в полном недоумении. Она не знала, что там происходило, но через пару минут увидела в окно, что Авет садится в свою машину. Адам подскочил к нему, пытаясь остановить, но тот дал по газам и сорвался с места.

Прекрасно, думала Мари, только вот этих сложностей ей не хватало для полного счастья... Всё перевернулось для неё.

* * *

«Я люблю, когда она смеется, хотя правда состоит в том, что я ее не люблю».

Джонатан Сафран Фоер «Жутко громко и запредельно близко»

* * *

Адам.

На улице уже давно стемнело, рабочий день подходил к концу. Было слышно, как ребята начали собираться домой. Телефон разрывался от звонков, не переставая трещать. Но он сидел, опустив голову над столом, и громко стучал ручкой, уже полчаса совершая это монотонное движение. Ему хотелось верить, что это способно как — то рассеять хаос в голове и помочь разобраться в ситуации. Черт возьми, что произошло? В считанные секунды Адам лишился друга. Как же так? И всё из — за какого — то поцелуя, из — за противной девчонки, которая ему всю жизнь доставляет одни неприятности...

Авет не простит такого шага... Господи, он ведь хотел жениться на ней! На Мари! Адам закрыл глаза, утопая в своем немом отчаянии. Он не знал, что делать дальше. Правда заключалась в том, что ему безумно понравились её губы, эта её подкупающая неопытность, с которой она пыталась отвечать, и... её вкус. Его потряс этот необыкновенный вкус губ девушки, такого раньше не было. Поцелуи как поцелуи, ничего сверхъестественного... а тут в голову постоянно приходило это слово «вкусная»...

В дверь тихо постучали, а в следующую секунду она отворилась, и вошла Мари. Хотя он и не поднимал головы, но нутром чувствовал её присутствие.

— Не знаешь, что сказать? — ровно произнес Адам, не отрываясь от своего занятия.

— Не знаю.

Её голос действительно звучал растерянно.

— И я не знаю.

— Я думала, ты будешь злиться и обвинять меня.

Он криво усмехнулся.

— А я злюсь. И обвиняю. Даже не сомневайся.

— Теперь не сомневаюсь. Перекинуть вину на другого человека всегда легче. Особенно, когда ты этого человека не особо жалуешь. Как в нашем случае.

Адам презрительно сузил глаза и, подняв голову, гневно выкрикнул:

— Считаешь себя самой умной?

Она ответила ему лишь воинственным взглядом, благоразумно промолчав. И ему вдруг стало невыносимо находиться в её обществе. Осознавать, что его тянет к ней магнитом, хотя он совершенно не хочет этого. Из — за неё он потерял друга, который был с ним столько лет. А он смотрит в её темные манящие глаза, воскрешая в памяти то наслаждение, которые ему доставил этот невинный поцелуй. Наваждение?..

— Марианна, если тебе нечего сказать, избавь меня от своего присутствия.

— Я поговорю с Аветом...

— Даже не смей к нему приближаться! — взорвался Адам, ударив по столу кулаком.

Ручка с силой отлетела в сторону, звонко ударившись о стену. В комнате висело напряжение, которое никто не спешил нарушить. Он наблюдал за тем, как Мари открыла рот, чтобы что — нибудь возразить, но через секунду крепко сжала губы, словно запретив

себе разговаривать.

— Пошла вон.

Она медленно моргнула. Ему показалось, что это обычное движение длилось целую вечность, так хотелось избавиться от её присутствия. Мари не спешила уходить. И его это ужасно злило. Эта девушка никогда и ничего не делает так, как следует!

— Ты оглохла, твою мать?!

— Почему ты злишься на меня? Разве я тебя поцеловала первая?

Он застыл, словно Мари поставила ему шах и мат. Что ответить на этот вопрос?

— Дарбинян, хотя бы раз будь мужиком и признай, что ты виноват.

Но это было уже слишком.

— Пошла отсюда вон! — взревел он и двинулся на неё.

Когда Мари и на этот раз не отреагировала, Адаму вообще снесло голову от злости. Он открыл дверь и одним грубым движением выпихнул её из кабинета. Затем прислонился к стене и выругался всеми последними словами, которые имелись в его арсенале. С самого начала надо было догадаться, что ничего хорошего её появление здесь не принесет...

— Да давно надо было её выкинуть отсюда, — Рахат пренебрежительно пожал плечами. — И чем она только тебя привлекла? Ты же всегда говорил, что она и не девушка вообще! Вот сучка, поссорила вас с Аветом!

Адам внимательно слушал и пытался понять, за что Рахат так не любит Мари. Его пламенея речь была пропитана осязаемой неприязнью и злорадством.

— Выгони её к черту, иначе Авет не вернётся!

— А ты звонил ему? — Адам внимательно посмотрел на него.

Парень отвёл взгляд и промямлил:

— Нет, я думал, надо оставить его одного...

На самом деле, это звучало как жалкое оправдание.

— Со вчерашнего дня о нем ничего не слышно.

— Что поделать, он же большой мальчик.

— Ладно, Рахат, позови Мари, скажу ей, что она уволена, — сухо добавил Адам.

Это решение он принял не сию секунду, когда его озвучил Рахат, а глубокой ночью, когда лежал, уставившись в потолок. Всё гениальное просто. И эта ситуация не исключение. Решить проблемы с Мари он может лишь в том случае, если избавиться от неё.

Через минуту Рахат привел её в кабинет. Девушка выглядела бледной, а её серьёзный взгляд словно полоснул Адама холодностью.

— Думаю, ты догадываешься, зачем я позвал тебя, — сдержанно начал Адам, встав с кресла.

Мари скрестила руки на груди и приподняла одну бровь, будто приготовившись услышать что — то торжественное.

— Думаю, догадываюсь.

— Марианна, ты здесь больше не работаешь.

Ни один мускул на её лице не дрогнул. И это восхищало его в ней. Она была до того сильной, что возникало непреодолимое желание найти какое — нибудь уязвимое место и сломить это непробиваемое безразличие.

Адам внимательно окинул её взглядом с головы до ног. Совершенно обычная девушка. Она не выделяется ни красотой, ни манерами, ни женственностью. Мари всегда выглядит одинаково: высокий хвост, дурацкие очки на носу и эта одежда странного кроя... Слегка

припухлые губы почти всегда поджаты, когда она злится, а глаза кажутся огромными сканирующими устройствами. Мари слишком дикая, слишком гордая и слишком свободная. Её уникальный во всех отношениях характер любому нормальному человеку покажется странным...

Ему никогда не нравились такие девушки. И Адам совсем не хотел разбираться, почему же его, в таком случае, невыносимо тянет к ней...

— Ты тоже внес свою лепту, «Удовольствие»? — вдруг повернулась она к Рахату.

Тот хитро улыбнулся и ничего не ответил. Это всё показалось Адаму подозрительным.

— Пожалуйста, не устраивай здесь разборки. Мне тебе больше нечего сказать. Получи деньги за эти десять рабочих дней и уходи.

Адам положил на стол несколько крупных купюр. Сумма была намного больше той, что ей полагалось за прошедшие после Нового года рабочие дни. Он надеялся, что она молча возьмет их и уйдет с миром. Но девушка и на этот раз удивила его. Брезгливо поморщившись при виде денег, Мари направила на Адама свой проникновенный взгляд и заявила:

— А ты отдай тому, кто в них нуждается, — и указала на Рахата, стоявшего между ними обоими.

— За языком следи, сука! — вспыхнул тот.

— Боишься разоблачений, воришка? — выплюнула она в ответ.

Адам совсем не понимал, что происходит. Но, когда Рахат двинулся на Мари, он сорвался с места и встал перед другом, преграждая ему путь.

— Дай я заткну её! — попытался он снова прорваться вперед.

— Рахат, успокойся!

Крик Адама немного привел парня в чувство. Воспользовавшись секундным замешательством Рахата, он развернулся к Мари и холодно прошипел:

— Что ты несешь?

— А спроси своего «друга». Ему есть, что тебе рассказать. А я пошла.

У самой двери он схватил её за руку и дернул назад, не обращая внимания на взволнованный вид Рахата.

— Марианна, ты отсюда не выйдешь, пока не объяснишь, что хотела сказать! И если потребуется, я реально привяжу тебя к стулу! — зарычал он.

— Да пусть валит отсюда, что ты её слушаешь!

Рахат пытался быть убедительным, но у него это плохо получалось. Чувяло сердце Адама, что здесь что — то неладно. Поэтому он грозно посмотрел на него и предупреждающе произнес:

— Заткнись, Рахат.

Тот прикусил язык с видом побитого щенка. Марианна всё это время молчала, и это раздражало Адама. Он встряхнул её за запястье, призывая говорить.

— Ведь ты мне всё равно не поверишь, какой смысл? — не сдавалась девушка.

— Говори, Мари, — вновь прорычал он.

Секунду она смотрела на него тяжелым испытующим взглядом, словно пытаясь понять, выдержит он или нет, а потом сердито заговорила.

— Твой друг тебя обворовывает на протяжении многих месяцев. Под видом дорогих запчастей он привозит сюда китайские детали, а разницу кладет себе в карман. Сначала я думала, что это всего лишь недоразумение, но если ты согласишься журналу повторных замен, убедишься сам.

Адам застыл.

— Ты можешь доказать это?

— Да.

Он долго смотрел ей в глаза, надеясь, что увидит в них хотя бы намек на ложь. Но тщетно. Сколько он её помнил, она всегда говорила только правду. Голую и абсолютно беспощадную.

— Кого ты слушаешь?! — завопил Рахат, вновь надвинувшись на Мари, — она же специально это говорит, какие запчасти, какие доказательства?!

Адам выставил руку вперед, преграждая ему путь к девушке, и леденящим душу тоном спросил:

— Рахат, а ты можешь мне объяснить, зачем ей это? Если она лжет, у неё должны быть причины.

Тот растерянно переводил взгляд с Мари на Адама, затем — наоборот. Но вдруг его взгляд загорелся неподдельной злобой, и он, оскалившись, заорал на весь кабинет:

— Да она просто ненавидит меня! Бесится, что на неё никто не обращает внимания!

Мари и Адам переглянулись. Это было настолько абсурдно, что никто не стал комментировать сказанное. Рахат напряженно ждал вердикта своего друга, уверенный, что он поверит ему, а не какой — то девчонке. Но ошибся.

— Если сейчас Марианна подтвердит свои слова, Рахат...я просто не захочу тебя видеть до конца жизни.

Адам указал девушке на дверь, призывая всех пройти к её рабочему месту. Пока они шли по коридору, он мысленно умолял все святые силы сделать так, чтобы это было недоразумением. Не может же человек за сутки потерять второго друга?.. Такой удар будет выше его сил...

Мари села за стол и открыла программу. Затем встала и достала из настенного шкафа папку с накладными за прошедший год. Адам вдруг удивленно огляделся, поняв, что она систематизировала всё, пока он был в армии. И снова плюс в списке её качеств. И снова неприятный голос совести, напоминающий, что Адам часто бывает несправедлив к ней.

— Вот... — твердо произнесла девушка, ставя перед ним лист бумаги и разворачивая монитор, — сравни. Думаю, тут нечего добавить.

Пока Адам сверял цифры, стояла гнетущая тишина. Рахат заметно нервничал, меняя цвет кожи от своего естественного смуглого до бледно — желтого болезненного. Но это видела только Мари, лицо которой оставалось бесстрастным. Она спокойно относилась к колючим взглядам парня, в которых стояла жгучая ненависть.

Адам несколько раз пересмотрел всё, пытаясь доказать самому себе, что плохо видит, и пора бы сходить к врачу. Да лучше бы он ослеп, чем вот так стоять и гореть от разочарования и горького вкуса предательства. Ему не верилось, что это правда. Рахат не может так поступить...

— Ты это как — нибудь сможешь объяснить? — холодно произнес он, обратившись к нему.

Адам хотел дать ему шанс. Хотел услышать что — то стоящее, что могло бы вернуть веру в друга.

— Это она сделала! Она меня хочет подставить! — сразу же ухватился тот за соломинку, указывая пальцем на Мари.

Девушка ничего не ответила. Да и не было необходимости. Всё и так стало ясно.

— Рахат, — презрительно выплюнул Адам, — тут стоять печати поставщиков. Уж с ними мог общаться только ты.

— Но...да ты сошел с ума! Кому ты веришь?!

— Своим глазам. Уходи, пока я еще сдерживаю себя. Больше не появляйся здесь.

— Что?! Ты не можешь так поступить, Адам! Мы же как братья, я ведь был тут за главного, я столько сделал...

Вот тут Адам уже не выдержал и одним мощным ударом свалил его на пол. Рахат развалился в неестественной позе, сжавшись от боли. Он держался за лицо, тихо постанывая.

— Братья? — заревел Адам. — А братья воруют друг у друга? Ты, сука, еще что — то мне будешь говорить о братстве?!

Он подошел к парню и рывком поднял его на ноги, подталкивая к двери. У самого выхода Адам остановился и последний раз взглянул ему в глаза. Да, они были ближе, чем братья, но сейчас в нем кипела такая ярость, такое сильное разочарование, граничащее с физической болью, что хотелось стереть Рахата с лица земли.

— Старайся больше не показываться мне на глаза...

И выкинул его за порог, закрыв дверь на ключ.

В голове стоял невероятный шум, тысячи мыслей сплелись друг с другом. Появилось множество вопросов о том, как и когда он упустил эти изменения в Рахате, как допустил, чтобы его обманули...

Брат...

Адам усмехнулся. Как оказалось, единственным его братом всю жизнь был Авет. Хотя они и не были родными, но отношения у них были лучше, чем у кровных братьев. Но сейчас он остался совершенно один. Рядом нет ни Авета, ни Рахата...

Что — то внутри него без остановки рушилось.

— Адам? — вдруг послышался тихий голос.

Он вскинул голову и уставился на Мари, о существовании которой и вовсе забыл на какое — то время. Хотя, как можно было забыть о виновнице своих бед?

— Ты еще здесь? — накинулся он на неё неосознанно. — Иди домой!

— Я могу чем — нибудь помочь тебе?

Адам разразился хохотом и прислонился головой к стене, словно не в силах устоять перед тяжестью своих эмоций.

— Марианна...Марианна...Марианна...какая ты смешная, Марианна.

Он устало прикрыл глаза. Прошло несколько минут в абсолютной тишине. И вдруг на его плечо опустилась маленькая ладонь. Адам поднял веки и встретился с прямым взглядом девушки, которая бесшумно оказалась рядом с ним.

— Ты справишься.

В её словах не было ни капли жалости. Наоборот, она призывала его взять себя в руки и оставаться мужчиной. Это отрезвило Адама, который меньше всего ждал поддержки от неё.

— Завтра придешь к обычному времени. Считай, что я снова взял тебя на работу. А сейчас уходи, ты и так достаточно сделала.

Сказав это, он направился в кабинет, громко захлопнув дверь. Адам остался наедине со своими мыслями и чувствами. Казалось, что бездна вот — вот поглотит его... Было очень больно.

* * *

«Я приму тебя таким, какой ты есть,
Пусть небритый, грубоват, с собой не дружен.
Я с тобою здесь, сейчас. Я просто есть...
Ты единственный. И ты мне очень нужен»
Неизвестный автор

* * *

Марианна.

Видеть его таким было невыносимо. Почти каждое утро Мари находила его в стелку пьяным на диване в кабинете. Адам совершенно не заботился ни о чем. Прошло несколько недель после ухода Авета и разоблачения Рахата, в мастерской просто некому было выполнять их обязанности, поэтому Мари пришлось всё делать самой по мере возможности. В основном на ней лежали функции Рахата, поскольку Авет больше занимался машинами и не лез в дела СТО. Теперь ей приходилось заказывать оригинальные запчасти и отвечать за гостевую, следя за тем, чтобы кофе, чай, сладости и напитки всегда были в достаточном количестве.

На самом деле девушку угнетало такое положение дел. Она давно решила, что хочет уйти отсюда, но после этой ситуации с поцелуем...который перевернул её сознание, всё изменилось. Мари чувствовала свою долю вины. Возможно, надо было Авету сказать всю правду, чтобы не получилось потом такого недоразумения?.. А что касается Рахата, она совершенно не жалела. У неё давно были подозрения на его счет, а позже, когда всплыли эти неверные цифры, Мари полностью убедилась в своей догадке. В тот вечер, когда Адам якобы уволил её, девушка поняла, что это, возможно, её последний шанс раскрыть ему глаза. Если бы она тогда не рассказала о махинациях Рахата, Адам бы этого вообще не узнал...

Мари понимала, что ему сейчас очень тяжело. Любой человек, потерявший друга, будет убиваться... Но ведь когда — то надо прийти в себя! Целый день Адам где — то пропадал, мастерскую закрывала Мари. А утром всегда находила его распластанным на этом многострадальном диване. Неизменно она оставляла для него минералку на столе и прикрывала одеялом. Ближе к обеду он просыпался и молча уходил. Ребята ничего не понимали и задавались вопросом, что происходит: где Авет, Рахат, что с Адамом? Мари лишь растерянно пожимала плечами, чувствуя, что это не её дело, не она должна им рассказывать обо всём случившемся.

Девушка очень надеялась, что Адам вскоре образумится...

Марианна встала перед дверью в квартиру и напряженно стала вслушиваться в непривычный шум и голоса, доносившиеся оттуда. У них гости?.. Девушка не успела даже шагнуть в коридор, как на неё накинулась почти вся семья: мама, папа и Мхитар.

— Когда вы приехали? Что за сюрприз? — ошеломленно улыбалась она, обнимая родных.

— Несколько часов назад. Хотели приехать к тебе на работу, но Лилит сказала, что не помнит точного адреса. Вот остались тут, чтоб сделать сюрприз.

Мари незаметно отблагодарила подругу глазами, будучи признательной ей за этот поступок. По правде говоря, Лилит прекрасно знала адрес и не раз бывала в мастерской, но

вместе с тем она прекрасно знала и отношение её семьи к Адаму, поэтому воспрепятствовала этой встрече.

— А по какому поводу такой сюрприз? Что — то случилось? Вы же не собирались в город.

Родители загадочно переглянулись, а затем все вместе уставились на сына, призывая его начать говорить первым.

Мхитар театрально откашлялся и выдал:

— Мы купили квартиру в Ростове.

Мари онемела от этой новости и переводила взгляд то на маму с папой, то на брата.

— Ну, не мы, а Мхитар, — справедливо подметил отец, гордо улыбаясь, — он окончательно переедет из Москвы в Ростов через пару месяцев. Ну, мы с мамой не особо хотим оставлять родной дом, поэтому останемся там и будем часто приезжать к вам. Ты и Лилит до конца учебы поживете с Мхитаром. Квартира большая, всем хватит места.

Девушка не знала, что сказать. Это, по сути, конец её свободе, потому что брат был человеком строгим и всегда пытался призвать Мари к порядку, ограничивая порывы её буйного характера. Нет, конечно, она рада, что он вернулся, мама очень хотела этого, жалуясь, что сын живет вдали больше пяти лет. Но, черт, почему они должны жить вместе?..

Глупый вопрос, других вариантов в этом случае ведь не предусмотрено.

— Ты не рада? — вскинул брови брат.

— Что? — встрепенулась Мари. — Нет, нет! Рада, конечно, просто всё так неожиданно... А где находится квартира?

Начался хаос, все хором начали обсуждать квартиру, её ремонт и местоположение. Родители были счастливы и горды сыном, Мхитар — доволен, что возвращается к родным. И только Мари тоскливо смотрела на Лилит, словно предсказывая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Утром родители вернулись домой, а Мхитар остался, чтобы уладить какие — то дела и поехать следом за ними. Мари в плохом настроении пришла на работу и сразу же направилась в кабинет. Как она и думала, Адам, развалившись всё на том же диване, шумно посапывал.

— Эй ты, алкаш! — начала тормошить его девушка. — Вставай! Приди в себя!

Адам с трудом открыл свои опухшие глаза и непонимающе уставился на Мари.

— Нечего на меня смотреть! Вставай, говорю! Будь человеком! Ребята уже неделю ждут своей зарплаты, а я не собираюсь вмешиваться в твои финансовые дела.

— Мари, отвали, пусть Рахат или Авет... — начал он и запнулся, вспомнив, что ни того, ни другого уже нет.

От промелькнувшей в его глазах боли у девушки сжалось сердце. Как же подкосила Адама эта ситуация...

— Адам, пожалуйста, хватит. Здесь целая команда, за ними кто — то должен присматривать. Я не гожусь для этой роли.

Он не спеша поднял свой корпус и попытался сесть прямо. Вся его одежда была помята, волосы взъерошены, а на лице красовалась многодневная щетина. Адам выглядел невероятно уставшим и подавленным. Но было ощущение, что ему самому нравилось это состояние, и он никак не хотел выйти из него. Мари это надоело...

— Приходи в себя, это уже слишком!

Она поставила перед ним минералку и в расстроенных чувствах вышла из кабинета.

Девушка была поглощена работой, поэтому даже не заметила, как он ушел. Ближе к вечеру всех ждал неожиданный визит: Адам, побрившийся, чистый, свежий, пришел в СТО в хорошем расположении духа и оповестил ребят, что их сегодня ждет зарплата. Все были рады видеть его, но еще больше рады, что получают свои заслуженные деньги.

Мари вздохнула с облегчением, поняв, что Адам, наконец — то, начал «возвращаться». Она очень надеялась, что это продлится дольше, чем обычно.

— Эй, подожди... — позвал он её, когда девушка, одевшись, уже собиралась уходить.

— Что?

Адам медленно приблизился и встал в метре от неё. Даже под страхом смерти Мари не выдала бы своих эмоций. Она испытывала непреодолимую нежность, взволнованность и... влечение к этому человеку. Даже простой взгляд его карих глаз вызывал в ней взрыв чувств.

— Я хотел сказать тебе спасибо, Марианна.

Она терпеть не могла, когда Адам называл её полным именем. Но сейчас даже не обратила на это внимания, потому что была очень удивлена его поведением. Он сказал «спасибо»?

— Не за что. Помогать убогим — моя святая обязанность, Дарбинян.

Он рассмеялся. У него, кстати, была очень красивая, обворожительная улыбка, на которую Мари всегда заглядывалась.

— Маленькое исчадие ада, твой язык надо укоротить.

— А вот это уже вряд ли... — в ответ улыбнулась Мари.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, и в этой воцарившейся тишине возникли какие — то новые, странные ощущения. Это было похоже на мир, которого никогда не было в их отношениях. Мари это пугало, и она вдруг оборвала волшебство момента:

— Кстати, я собираюсь уходить из СТО. Тебе лучше заняться поисками администратора. Но, знаешь, вряд ли ты найдешь такую же идиотку, которая будет выполнять работу за троих и при этом терпеть твоё общество.

— Почему вдруг? — посерьёзнел Адам.

— Это не вдруг. Я давно хотела уйти. Просто ты был в таком состоянии, что это было невозможно.

— А, твои благородные чувства заставили тебя остаться? — саркастически ухмыльнулся он. — Или злорадствовала, что всё так получилось?

Мари мысленно застонала. Куда направились его мысли?

— Адам, ты сейчас всё портишь и усложняешь. В том, что тебя обманывал твой друг, моей вины нет.

Девушка схватилась за ручку двери и дернула её. Не хотелось продолжать этот бессмысленный разговор. Но уже на улице Адам вдруг настиг её и резко развернул к себе:

— А в том, что мой друг считает меня предателем, твоей вины тоже нет?

То, что они стояли на улице почти в обнимку, и этот здоровяк дышал ей в лицо, должно было бы напрячь Мари. Но её больше волновало другое — ответная реакция своего тела на его близость. Эти новые ощущения, которые она испытала лишь раз, когда он поцеловал её.

— Нет, моей вины тоже нет, — прошептала она, неотрывно глядя на его губы, — но в этом случае я была бы даже не против быть виноватой.

Адам шальными глазами уставился на неё. Смысл сказанного медленно доходил до его сознания. Он изучал её лицо, словно пытаясь проникнуть в душу и найти какие — то ответы.

— Отойди от неё.

Прозвучавший голос заставил обоих прийти в себя. Адам, правда, не спешил отпускать Мари. Он медленно повернул голову в сторону говорящего и криво усмехнулся:

— Какая приятная встреча.

Мари отдернула от себя его руки и с готовым выпрыгнуть из груди сердцем подошла к Мхитару, лихорадочно размышляя, что теперь её ждет. Брат направил на неё свой строгий взгляд и грозно спросил:

— Так ты у него работаешь?

— Да — да, именно! У тебя есть какие — то возражения? — весело вмешался Адам.

Эти двое терпеть не могли друг друга с самого детства. Сейчас оба были взрослыми мужчинами, а это ребячество всё равно жило в них. Мари нахмурилась, переводя взгляд с одного на другого. Зная характер брата, она с уверенностью могла предсказать, что здесь завяжется драка.

— Мхитар, пойдём.

— А что так быстро? Не зайдёте на чашку чая? Вспомним детство...

— Дарбинян, заткнись уже! — вспыхнула девушка.

Она потянула брата за руку, с трудом заставив его идти в противоположную от СТО сторону.

— Что это было, почему он обнимал тебя? — зло прошипел Мхитар, когда они сделали пару шагов. — Мари, что это значит?!

Господи, вот за что ей это всё?! Мало было ей душевных потрясений, так теперь ещё и это прибавилось — старший брат, желающий уберечь её честь!

— Мхитар, у тебя богатое воображение, он меня не обнимал. Мы просто разговаривали, а потом я чуть не упала, Адам мне помог подняться.

Естественно, она не собиралась ему ничего рассказывать. Но и это оправдание было слабеньким. Мхитар не дурак, и он прекрасно понял, что там происходило.

— Ты туда больше не вернешься. Если, конечно, не хочешь, чтобы отец узнал, с кем ты работаешь. Думаю, его обрадует, что ты столько времени скрывала эти подробности.

— Мхитар! — взревела Мари, остановившись на мгновение.

— Я всё сказал.

Он пресёк её попытку, даже не удосужившись посмотреть ей в лицо. Между ними таки стояло это напряжение, смешавшееся со злобой, непониманием и, скорее всего, разочарованием с его стороны...

Как — то незаметно в свои права вступил февраль, продолжались зимние морозы, вокруг было полно снега, который красиво блестел на солнце. Мари медленно шагала по Буденновскому проспекту, безразлично разглядывая витрины дорогих бутиков. Мысли хаотично прыгали от одной темы к другой, приводя её в какое — то странное состояние, словно она абстрагировалась от всего мира.

Через полчаса ей нужно было быть на работе. И это был последний рабочий день Мари. Должна прийти новая девочка, с которой они уже успели провести что — то типа собеседования. В течение двух недель девушка искала себе замену, дав объявления на различных сайтах. Изначально ни одна кандидатка ей не нравилась, все казались недостаточно способными, даже глупыми... А потом Мари просто поняла, что подсознательно отвергает одну за другой, поскольку не верит в свой уход. Да и никто не верил, все были в шоке и пытались выведать причину. Ну и как объяснить ребятам, что она не может находиться в обществе Адама, который теперь для неё стал опаснее, чем когда —

либо раньше. И плюс на неё давит Мхитар, который практически каждый день бывал у них с Лилит по вечерам, словно контролируя жизнь сестры, следя за тем, чтобы Мари вовремя приходила домой. Ситуация была для неё невыносимой, надо было прекращать эту нервотрепку, пожертвовав поллюбившейся работой.

За всё это время Адам появлялся лишь дважды: первый раз — привел нового мастера на место Авета, второй раз — пришел поинтересоваться, как ему работается. Кажется, он взялся за ум и перестал пить. По крайней мере, Мари больше не находила его размякшим в кабинете. Выглядел Адам уставшим и измотанным, словно сутками напролет был занят чем — то очень важным. Ну да, конечно, Мари знала его «дела». Её распирало от жгучей ревности, которую раньше она в себе не замечала. Напряжение между ними было настолько велико, что те два несчастных раза они даже не здоровались и старались не смотреть в сторону друг друга.

Ей оставались лишь воспоминания о поцелуе и эмоциях, которые он вызвал...

— Всё равно я не догоняю, что тут происходит, — произнес перед самым выходом Миша, — все как — то разом ушли. Подозрительно как — то...

— Это совпадение, так получилось.

Мари пожала плечами, раскладывая распечатанные листы.

— Не знаю...но мне не хочется, чтобы и ты уходила. Эта новая красotka не справится так, как это делала ты.

— Мне очень приятно, что вы меня так цените, серьёзно. Но, Миш, она справится, если вы ей сначала немного поможете. Другого выхода у вас нет.

— А я надеялся, что еще есть вариант вернуть тебя, — раздосадовано произнес парень.

Она искренне улыбнулась ему и покачала головой. Назад пути просто нет. Мари решила уйти раз и навсегда, чтобы не иметь проблем в семье...и с самой собой.

— Ну, я тогда тоже пошел, ждем в гости! Удачи тебе, Мариш.

Она тепло поблагодарила его и вернулась к своему занятию. Пришлось задержаться, чтобы подготовить бумаги для новенькой. На душе было тоскливо и как — то одиноко, что ли. Все уже давно ушли, её последний рабочий день в СТО закончился... Мари покончила с волокитой и, выключив компьютер, направилась гасить свет в помещениях. Даже не верилось, что придется делать это последний раз... Ключ как — то уныло лежал на тумбочке у входа. Его она должна была вернуть, когда придет за расчетом. Об этом вообще не хотелось думать...

Перед тем, как закрыть мастерскую, девушка остановилась в коридоре и окинула взглядом такое привычное рабочее место. Черт, когда она успела стать такой сентиментальной?..

Мари уже поворачивала ключ в замке, когда на неё со спины неожиданно навалилось достаточно крупное тело.

— Очкарик, ты еще здесь! Какая прелесть! — через какой — то дурацкий смешок произнес знакомый голос.

— Адам, что ты тут делаешь? — повернулась к нему Мари, удивленно разглядывая парня.

Он икнул и сделал шаг назад. И до неё, наконец, дошло, что он вновь пьян в стельку и собирается переночевать здесь. При мысли о том, что новый администратор в свой первый же рабочий день найдет шефа в таком состоянии, Мари содрогнулась.

— Эй, на этот раз твой номер не пройдет! Утром тебе уже некому приносить

минералку. Давай — давай, шагай к такси.

Видя, что Адам совершенно не реагирует на её пламенную речь, Мари прокрутила ключ в замке последний раз и, взяв парня под локоть, потащила к вызванному такси. Изначально она собиралась отправить его одного, но после того, как Адам смачно упал перед машиной, не в силах держаться на своих двух, её сердце сжалилось, и Мари решила довести его до дома, а потом уже поехать к себе. Кое — как с помощью водителя она устроила пьяницу на заднем сидении, а сама села вперед, продиктовав адрес, который запомнила еще со времен работы в караоке. Но Адам вдруг громко протянул:

— Нет — нет, нет же...неправильный адрес...

И замолчал. Девушке показалось, что он просто издевается, поэтому она не придала значения его словам. Но он вновь удивил её:

— Езжай на Гвардейский, 11/1, командир.

Ну что ж, возможно, там живет его новая пассия... Мари сжала зубы и молча уставилась перед собой. Не хило же! Центр города, престижный район...

Всю дорогу Адам проспал, точнее, просопел, действуя ей на нервы, и она считала минуты, когда наконец — то избавится от его общества.

Водитель доставил их по указанному адресу, остановившись во дворе элитной многоэтажки.

— Подождите, пожалуйста, я сейчас вернусь, и поедем дальше, заплачу вам в конце за две поездки, — попросила Мари, пытаясь вытащить Адама из машины.

Тот сначала сопротивлялся, но потом все же вышел, что — то бессвязно бормоча себе под нос.

— Куда идти дальше? — встряхнула его девушка, чтобы привлечь к себе внимание.

Он уставился на неё невидящим взглядом и несколько раз моргнул. Его глаза были полураскрыты, словно Адам собирается заснуть прямо на ходу. Мари скрипнула зубами.

— Адам, куда идти?! — сорвалась она.

Он, наконец, понял, что от него хотят, и торжественно объявил:

— Первый подъезд, девятнадцатый этаж...

Девушка, не теряя ни минуты, потащила его в здание и направилась к лифту, который через считанные секунды уже отворился. Она пропихнула Адама вперед, удивляясь, какой он тяжелый. Хорошо хоть, что пьяным ему не хочется болтать или приставать к кому — то. Единственный плюс этого парня. Они приехали на этаж, и Адам сам зашагал в нужном направлении. Но потом вдруг остановился в ступоре и уставился на дверь. Мари поняла, что он не уверен, туда попал или нет. Поэтому взяла дело в свои руки, надавив на кнопку дверного звонка. Никто не открыл. Она попробовала еще несколько раз, но вновь потерпела фиаско. Неожиданно Адам непослушной рукой, в которой был ключ, попытался открыть дверь. И, — о счастье, она все — таки открылась. Он довольно ухмыльнулся и вошел. Мари осталась за порогом, не зная, как правильно поступить. Может, его подружка была в душе, поэтому не слышала звонка, и будет не очень правильно, если они встретятся...

Но любопытство перевесило, и девушка сделала шаг вперед.

Это была совершенно новая квартира, в которой почти не было мебели. Прямо по коридору, видимо, находилась гостиная, дверь которой была открыта, и Мари смогла увидеть угол матраса на полу.

— Очкарик, ты идешь? — послышался голос Адама.

Девушка прошла прямо в эту комнату и застыла в ступоре. Он стоял к ней спиной, успев

снять одежду. И она впервые увидела его татуировку на лопатке в виде рычащего льва. Это было...завораживающе. Не хотелось отрывать взгляда. Даже появилось желание подойти ближе и рассмотреть её...потрогать, но Адам вдруг повернулся и, пошатнувшись, подошел к ней. Мари осталась стоять на месте, пытаясь не опускать глаза ниже его лица.

— Это твоя квартира? Ты живешь один? — попыталась она отвлечься от него.

— Нет...

Содержательный ответ, ничего не скажешь. Мари взглянула ему в глаза:

— Адам, почему ты не поехал домой?

— А мой дом теперь здесь... — он зажмурился, отгоняя сон. — Я поссорился с родителями.

— Почему? — искренне удивилась девушка.

Адам недовольно поморщился.

— Зачем столько вопросов? Если не собираешься раздеваться, что ты тут делаешь?

Её пробрало на смех. И, правда, что она тут делает? Наедине с парнем в пустой квартире. Другой девушки здесь явно нет, потому что в комнате не было следов пребывания женщины. Это чисто мужской стиль — матрас на полу, телевизор на стене и маленький столик у стены. Но всё с лихвой компенсировал дизайн в европейском стиле, включающий красивые колонны с ангелами у самого потолка. И еще панорамное остекление, которое обещало красивый вид на город с такой высоты...

— Ну, как хочешь, я пошел спать... — пробормотал Адам, отвернувшись.

На этот раз Мари всё же не сдержалась и рассмеялась от всей души. Какой же он странный, даже с учетом того, что пьян.

Она наблюдала за тем, как он плюхнулся на матрас и перевернулся на бок, лицом к окнам. Не прошло и минуты, как послышалось мирное сопение. Девушка позволила себе несколько минут насладиться видом любимого человека, рассмотреть его тату, наблюдая, как мощная спина медленно поднимается и опускается.

Внутри расцветало трепетное чувство. Хотелось наплевать на всё и просто лечь рядом с ним, обнять, прислушиваясь к его дыханию. Странные у неё понятия о любви. Она не ждала ничего взамен... А как, вообще, влюбляются люди? Что испытывают в то самое мгновение, когда понимают — вот с кем хочу прожить всю оставшуюся жизнь? Миллионы раз Мари задавала себе этот вопрос, не меньше. Ей 19 лет. Но такое ощущение, что пройден бесконечный путь. Почему у неё такое серьёзное отношение к жизни? Почему нельзя быть беспечной душой, голова которой забита только парнями и шмотками? Так хочется скинуть этот груз, освободиться. Быть проще, поддаться минутным слабостям...

Она тихо вздохнула. Затем подошла к Адаму и, наклонившись, укрыла его одеялом. И, не удержавшись, прижалась губами к его небритой щеке. Такой колючий, грубый...но родной. Мари окинула Адама прощальным взглядом и быстро зашагала к выходу. Еще чуть — чуть, и она бы не захотела уходить. Вообще. Но в голову пришла одна мысль. Надо было что — то делать, чтобы вытащить его из этого плачевного состояния... Кто знает, возможно, они даже больше никогда и не пересекутся.

* * *

«Хотя бы изредка нарушайте ваши дурацкие правила.

И убеждайтесь, что мир от этого не рушится»

Хэлена Бонем Картер

* * *

Марианна.

Сегодня на парах она была непривычно рассеянной и получила выговор от преподавателя. Её это мало заботило, но, Лилит, сидящая рядом, постоянно упрекала подругу, прося вернуться с небес на землю. Мысли Мари были заняты предстоящей встречей, о которой она договорилась неделю назад. С последней пары придется уйти, чтобы успеть к назначенному времени. Очень многое зависело от слов этого человека. Девушка надеялась, что её задумка будет иметь успех...

— Мхитар сказал, что вечером не придет, да? — обратилась она к подруге на перемене.

— Да, он будет завтра. Почему ты спрашиваешь?

Лилит прекрасно знала Мари, поэтому сразу заподозрила что — то неладное.

— Лило, мне надо будет уйти, отмажешь меня, если будут отмечать, хорошо? Я тебе потом всё расскажу. Может, даже задержусь сегодня.

— Мари! — застонала та, — только не говори, что ты идешь к Адаму! Прекрати это, пожалуйста...

— Не переживай, Лил! Всё будет хорошо! — она чмокнула подругу и быстро выбежала их университета.

Через полчаса Мари зашла в небольшое уютное кафе, которое находилось неподалеку от СТО. Она осмотрелась в поисках знакомого лица...и, отыскав его среди посетителей, направилась к столу.

— Привет, Авет.

Девушка села, поздоровавшись, и внимательно посмотрела на него. Парень немного похудел и осунулся. Сразу видно, что всё это время ему тоже было несладко.

— Привет, Мари, — тихо ответил он, опустив глаза.

— Тебе настолько противно меня видеть, что даже смотреть не хочется?

— Нет, совсем нет.

— Ты уверен, что готов выслушать?

— Я догадываюсь, о чем пойдет речь, — Авет иронично усмехнулся, продолжая смотреть в сторону.

— Нет, ты даже не представляешь, о чем я собираюсь с тобой поговорить, жестко произнесла Мари.

Кажется, это немного удивило и заинтересовало его, потому что он всё же взглянул на неё, приподняв бровь.

— Ты в курсе, что произошло в СТО после твоего ухода?

— Нет, меня не было в городе всё это время, я поэтому и отказал тебе во встрече неделю назад.

— Хорошо, тогда я тебе вкратце расскажу, что творится с твоим другом, а дальше решай сам.

Мари придвинулась ближе и, положив руки на стол, начала:

— Рахат обворовал Адама, заказывая китайские запчасти вместо оригинальных. Думаю, теперь и до тебя дойдет, почему у нас в последнее время было много повторных замен деталей.

Несколько мгновений она наблюдала за ним, отмечая, как стало меняться выражение его лица.

— Это случилось на следующий день после твоего ухода, Авет. Адам собирался меня уволить, и я рассказала ему про Рахата, думая, что другой возможности уже не представится. На самом деле, я уже давно подозревала, что ваш общий «друг» далеко не ангел.

Авет прикрыл лицо руками, а затем обхватил ими голову.

— Я тоже замечал странности в нем после того, как Адам ушел в армию. Но и не подумал бы, что он на такое способен...

— То есть, ты мне веришь? — немного удивилась Мари, приготовившаяся к нападению с его стороны.

Парень озадаченно взглянул на неё:

— Мари, почему я не должен тебе верить? Я знаю тебя столько времени и не помню, чтобы ты хоть раз соврала.

— Я рада, спасибо...

— Подожди, ты сказала, что Адам тебя уволил? Но почему? — вдруг нахмурился он.

— Вот теперь о самом главном, Авет. И постарайся понять то, о чем я говорю. У нас с Адамом ничего нет. То, что ты видел, — было случайностью. Я скажу тебе правду, о которой даже он ничего не знает, — Мари сделала паузу, — я влюблена в Дарбиняна лет с пяти, прямо с первого дня, как увидела его ещё малышкой. Об этом теперь знаешь и ты, но Адам, поверь, и не догадывается. Бывает, что человек не по своей воле влюбляется по — настоящему и на всю жизнь. Я не пытаюсь это отрицать, я действительно люблю его. Но иначе — не так, как все привыкли представлять себе любовь... я не мечтаю о том, что буду с ним. Понимаешь?

Она замолчала. Мари не привыкла делиться сокровенным, но другого выхода сейчас не было. Авет должен знать всю правду, чтобы потом решить, как поступить дальше. Да и потом, он этого просто заслуживает. Нет никакого смысла что — либо утаивать от него.

— Но и о том, чтобы быть с кем — то другим, — и речи не может идти. Я для себя давно это решила. И именно о нем, об Адаме, я говорила, отказав тебе. Но я и слова об отношениях не произнесла. Этот вывод ты сделал сам. Я просто не стала переубеждать тебя, потому что думала, тебе будет легче выбросить меня из головы. Знаешь, я даже представить не могу, как могла тебе понравиться. Ты ошибаешься на мой счет, Авет. Такая девушка тебе ни к чему. И, будь уверен, то, что ты ко мне чувствуешь, пройдет бесследно.

Он внимательно слушал, не пытаясь перебивать её. Мари перевела дух и продолжила:

— Авет, Адаму было очень стыдно перед тобой. А уволить он меня хотел, чтобы попросту больше не видеть. И чтобы ты не видел. Но так получилось, что после разоблачения Рахата я проработала ещё какое — то время, а потом ушла сама. Адам надеялся, что ты вскоре вернешься. Я могу по пальцам пересчитать те дни, в которые я видела его трезвым за всё это время. Слишком большой удар — потерять сразу двух близких друзей. Он, мне кажется, без тебя сломается. Авет, я тебя прошу, не оставляй его. Не надс ставить меня между вами. Это глупо, и ты сам это знаешь. Оно того не стоит.

Воцарилась тишина. Пару минут они молчали. Авет сидел, уставившись на скатерть,

время от времени шумно вздыхая. Мари с замиранием сердца ждала, что же он скажет...

— На самом деле, оно того стоит. Точнее, стоило бы, если бы у меня был шанс. Но я согласен с тобой — наша дружба слишком много для меня значит. А всё остальное я уже решу с Адамом, несколько вопросов к нему у меня всё же еще осталось...

Девушка мысленно пропела «Аллилуйя». Господи, как же она рада, что у Адама есть достойный друг!

— Спасибо тебе, Мари, — вдруг продолжил он, заставив девушку удивленно вскинуть брови, — я бы сам не решился поговорить с ним, тем более, не зная всего этого.

Она тепло улыбнулась ему, теперь уже точно зная, что Адам «спасен». Рядом с ним будет находиться человек, который никогда не предаст. Наверное, её миссию можно считать выполненной...

— Я бы всё отдала, чтобы посмотреть на лицо Адама, когда Авет придет мириться, — устало пробормотала Мари, сняв очки.

Она потерла глаза и посмотрела на подругу, которая хрустела сухариками, не отрывая от неё внимательного взгляда.

— Почему ты так смотришь, Лил?

— Просто удивляюсь, за что ты его любишь...

— Не начинай, я тебя прошу. Мы же говорили об этом...

— Нет, я сейчас немного о другом, — Лилит отложила пакет со снеками и под села ближе, — ты ради него готова на всё, а я думаю, он и половины не заслуживает.

— Ты его не знаешь, Лил.

— Зато знаю тебя. Ты в этом случае готова совершить ошибку...

— В смысле?

— Если бы он был настойчивее, ты бы с ним даже переспала бы.

— Что?! — задохнулась Мари от возмущения. — Ты думаешь, что говоришь!

Она была в шоке от слов подруги. Эту тему никто и никогда не обсуждал вслух. Как — то так заведено было всегда, что интимные отношения должны завязываться лишь после свадьбы, лишь с мужем... И почему она именно сейчас заговорила об этом? Неужели рассказ о том поцелуе натолкнул её на эти нелепые мысли?

Лилит выдержала её гневный взгляд и тихо добавила:

— Мари, просто будь осторожнее.

От этой реплики девушку начало колотить, она пришла в неопишемую ярость и, вскочив с места, кинулась в коридор. Если остаться с Лилит еще хотя бы на минуту, они точно поссорятся. Мари не позволит, чтобы с ней разговаривали как с маленькой девочкой!

Накинув куртку и быстро засунув ноги в сапоги, девушка вылетела из квартиры, сама не зная, куда идет...

Когда массивная дверь перед ней открылась после нажатия звонка, Мари была удивлена не меньше самого Адама. Она была уверена, что его не будет дома. Ей просто захотелось прийти сюда, ноги сами несли её в нужном направлении. Зачем? Хороший вопрос. Изначально девушка даже не планировала подниматься, но всё получилось как — то само по себе... По инерции.

И сейчас, когда Адам стоял перед ней в привычном для него, но не для неё, виде — в одних джинсах, демонстрируя всё своё величие, Мари хотела только одного: упасть и притвориться мертвой.

«Бежать» — дал команду мозг, и девушка кинулась её выполнять. Ни она, ни мозг не

ждали препятствия в виде сильных рук, сомкнувшихся на её талии.

— Не так быстро! А как же знаменитое армянское гостеприимство! Я не переживу, если ты не выпьешь чаю!

— Ты совсем дурак? Пропил остаток серого вещества? Отпусти, я ошиблась дверью!

Адам тащил её в квартиру, тихо посмеиваясь:

— Ну да, ошиблась домом...ошиблась районом города...

Мари вспыхнула, не зная, что ответить. Лучшим решением было бы просто уйти, но он никак не хотел её отпускать.

— Оставь меня, я и сама всё понимаю, но не смогу ответить ни на один твой вопрос! — взмолилась она.

Ему всё же удалось запихнуть её внутрь. Адам быстро закрыл дверь на ключ и засунул его в задний карман.

— Я подам на тебя в суд за домогательство! — пригрозила она, гневно топнув ногой.

— Но я еще даже не начал, — засмеялся он в голос.

Мари стало жарко от его многообещающего замечания.

Словно в подтверждение её догадки, Адам оттолкнулся от двери и стал приближаться. Ей не было страшно. Ей было очень страшно. И самое прискорбное состоит в том, что она боялась не его, а себя... Потому что Лилит была права. Всю дорогу Мари размышляла над её словами и пришла к выводу, что подруга говорит правду. Она испытывает к Адаму настолько сильные чувства, что, не раздумывая ни секунды, бросилась бы к нему в объятия, если бы и он был к ней равнодушен. И её пугало это решение... Оно шло вразрез с тем воспитанием, с теми устоями, которые в неё вкладывали. Хотя, кого Мари пытается обмануть? Своенравный характер всегда требовал обходить всё, чему её учили...

— Эй, успокойся... Давай немного поговорим, а потом я отвезу тебя домой. Я и сам хотел тебя завтра найти в универе. Пойдем, я реально принесу тебе чай. Если, конечно, найду его на кухне... И даже не задам вопроса, зачем ты сюда пришла.

— Не надо, я не пью чай! — соврала Мари, нервно дернувшись.

— Ладно, тогда просто поговорим.

Он примирительно улыбнулся, пропуская её вперед.

«Чего мне бояться», подумала девушка, и смело прошагала в ту самую комнату, в которой тогда оставила его спящим. Она сняла куртку и стянула шапку. Здесь все же было жарко, а огонь внутри неё вместе с температурой помещения заставлял сердце учащенно биться.

Адам прошел мимо и уселся на матрас. С их последней встречи ничего в интерьере не изменилось: матрас, телевизор и столик.

— Так ты купил эту квартиру? — поинтересовалась она, чтобы снять напряжение.

— Нет, я её снял. На покупку у меня сейчас нет денег, — честно признался он.

— Почему ты поссорился с родителями?

— По той же причине.

Естественно, Мари ничего не поняла, поэтому уставилась на него с неммым вопросом.

— Всё тебе надо, — проворчал он, — они просто не одобрили мою идею с клубом, и мы крупно поссорились на почве разногласия в интересах.

— Я даже не знала, что ты умеешь красиво говорить о грустном.

Адам рассмеялся, разведя в руки в стороны, как бы говоря, что в нем много скрытых талантов. Она сочувственно улыбнулась ему, немного расслабившись. Даже отошла от стены

и присела на другой краешек матраса. Он оказался очень мягким.

— Девушки, наверное, в восторге, — издевательски произнесла Мари, устраиваясь.

— Ты и скажи, ты здесь первая девушка.

— Сдаешь позиции, Дарбинян! — подколола его она, не обращая внимания на ликование где — то внутри себя.

— Марианна, — вдруг серьёзно позвал он. — Авет сегодня приходил ко мне. Это ты ему сказала мой новый адрес?

— Господи, зачем так резко переводить тему! — попыталась увильнуть девушка.

Он понял её тактику, поэтому просто молча приподнял бровь в ожидании ответа.

— Ладно — ладно, сдаюсь. Да, сказала. Рассказала ему, что происходило всё это время. Намекнула, что поцелуй был, скорее, моей инициативой...

Находиться рядом с ним становилось для неё всё труднее и труднее. Ситуация казалась абсурдной, какой — то неестественной. И тема, которую они выбрали, была очень скользкой.

Он перевел взгляд на её губы и задержался там дольше положенного, вызывая в ней трепет.

— Зря ты ему солгала, Марианна.

Её бросило в дрожь от этого заявления.

— Я никогда не лгу, — попыталась оправдаться девушка.

— Всё когда — то случается впервые.

Она взорвалась после этой фразы и вскочила. Ей всё казалось двусмысленным, на что он намекает!

— Если ты закончил, я хочу уйти! Открой дверь!

Мари понимала, как глупо выглядит сейчас в его глазах: пришла сама, а ведет себя так, будто это он виноват во всем происходящем.

— Я просто хотел сказать тебе спасибо. Искренне. А ты ведешь себя как истеричка. Очкарик, ты уверена, что тебе стоило уходить с работы? Ты стала какой — то психованной. Даже больше, чем раньше.

— Сам ты психованный. Запер меня тут и еще переводит стрелки в мою сторону! — схватив куртку со столика, Мари решительно двинулась к двери.

Он пошел следом и достал ключ.

— Знаешь, ты не первый раз убегаешь от меня. Я даже подозреваю, что небезразличен тебе. Вдруг ты меня любишь?

Может, он и шутил, но его слова ранили её прямо в цель. Она растерянно уставилась на него, выдавая себя с головой.

— Не смотри на меня так, я могу и не сдержаться... — только и сказал он, накрывая её губы.

Мари выронила вещи и прижалась к нему, обвив руками талию Адама. Его слова явно не вязались с действиями... Он и вовсе не пытался сдержать себя. Их поцелуй обрел нотки странности, доводя девушку до иступления. Всё опять смешалось, казалось волшебным. Её пальцы ощущали тепло его кожи, заставляя сердце подпрыгивать от какого — то нового чувства.

Адам своим весом придавил Мари к двери. Затем оторвался от неё и осторожно снял очки с её лица.

— Линзы...тебе нужны линзы.

У девушки не было возможности ему ответить. Он вновь приник к ней, но на этот раз с жадностью, с какой — то ненасытностью. Между ними проходили один заряд за другим, напряжение достигло своего предела, и когда Адам вдруг резко отстранился, Мари даже не поняла, что происходит.

— Лучше уходи, как бы нам потом не пожалеть...

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — непонимающе переспросила она.

Он удивился её вопросу.

— Не имеет значения, чего хочу я. То, что мы сейчас делаем, тебя далеко не красит.

Сначала она обиделась и с яростью оттолкнула его от себя, а потом поняла, что он пытался её не оскорбить, а защитить, чтобы потом не было сожалений.

Мари облизала пересохшие губы. Реакция Адама на это простое движение заставила её вздрогнуть от некоего возбуждения.

Она, наверное, всё решила для себя уже давно... Еще раньше, чем Лилит высказала эту мысль вслух...

— Мне не хочется уходить...не сейчас, Адам. Я хочу остаться здесь...с тобой.

Это было даже больше, чем «я люблю тебя». И если он сейчас возьмет на себя эту ответственность, Мари поймет, что тоже небезразлична ему...

Он не колебался ни секунды. Одним сильным движением руки притянул её к себе. Все мысли вылетели из головы. Назад пути уже нет. Да и другого исхода не могло быть. Это человек, которого она любит. Никому, кроме него, она принадлежать не хотела.

Осыпая её поцелуями, Адам довел Мари до гостиной и осторожно опустился вместе с ней на матрас. Его руки оказались очень нежными, и девушка приходила в восторг от каждого его прикосновения... Она даже не поняла, как он смог раздеть её, не отрываясь от поцелуя. Сказывается опыт, видимо.

— Господи, какая же ты вкусная... — простонал он.

Мари мало понимала, о чем он говорит. Она не была способна что — либо соображать. Он приподнялся и стал снимать джинсы. Девушка непроизвольно зажмурилась. Кажется, Адам истолковал это по — своему, потому что через мгновение яркий свет погас, вместо него комната наполнилась мягким сиянием мелких лампочек на ближайшей стене. Воцарившийся полумрак ей очень нравился. Обстановка стала более...чувственной.

— Ты же понимаешь, что потом будет поздно жалеть... — вдруг прошептал он ей в самые губы.

Нотки его низкого голоса пробирали её до самой дрожи. Мари обняла его и тихо произнесла:

— Адам...не надо всего этого, не надо лишних слов...

И он повиновался. Исследовал её тело миллионами прикосновений и поцелуев, дарил наслаждение, о котором она и подумать бы не могла. Заставлял раскрыться с какой — то новой стороны, познавать себя изнутри, не боясь никаких желаний. Мари и представить себе не могла бы, что в ней столько страсти... Она просто обезумела в его руках, извиваясь и шепча какие — то слова, идущие из самых глубин души.

Девушка не оставалась перед ним в долгу, осыпая поцелуями плечи и лицо любимого... Каждый раз, прикасаясь к нему, она чувствовала, как рассыпается на тысячи осколков. Щемящее чувство нежности охватило всё её существо. Кто бы знал, что они способны быть единым целым...что могут так чувствовать друг друга...

Когда Адам навис над ней и приблизился к её губам, пробормотав что — то, Мари

крепко прижалась к нему, словно давая понять, что готова...

Но в следующее мгновение зажмурилась от резкой боли и вся напряглась. Это было настолько невыносимо, что она неосознанно начала колотить его кулаками:

— Мне больно! Оставь меня!

Это чудовищное ощущение, что её разрезают изнутри, приводило в ужас. Она продолжала бить Адама. И с каждым ударом становилось всё труднее дышать.

— Тише — тише...

— Ты идиот! Слезь с меня!

Мари перешла на крик, сама не понимая, что своими необдуманными действиями делает только хуже. Слезы сами собой катились по щекам, хотелось быстрее убрать его из себя, зажаться куда — нибудь, чтобы эта режущая боль ушла... Она и предположить не могла, что всё будет так.

— Слезь с меня, я сказала! Ты специально это делаешь?! — Мари врезала ему по щеке.

Адам одним жестким движением пресек её дикие вопли и заставил посмотреть себе в глаза:

— Успокойся! Ты делаешь только хуже! Потерпи несколько минут! Станет легче! Если сейчас всё прекратить — будет еще больнее. Пожалуйста, Мари...

Она не хотела слушать, не могла терпеть, хотела прекратить эту пытку, поэтому снова попыталась оттолкнуть его.

— Ты врешь, Дарбинян! — прокричала она, срываясь на рыдания.

— Пожалуйста, поверь... — он прижал её к себе и начал шептать ласковые слова, деликатно пытаясь помочь.

Ещё какое — то время она сопротивлялась, но вскоре сдалась и прижалась к нему, обхватит его шею руками. Её голова покоилась на плече Адама, и слезы стали капать ему на кожу. Мари продолжала плакать, не в силах терпеть эту боль.

— Почему так плохо?.. Почему ты не сказал, что всё будет так?

Время от времени она спрашивала его об этом обиженным голосом. Адам не отвечал, продолжая молча гладить её волосы. Он не отпускал Мари, хотя она предприняла еще несколько попыток вырваться. Осыпал её лоб поцелуями и просил успокоиться, потерпеть. А она выла от этой пытки, обвиняя его во всех смертных грехах.

Спустя какое — то время, как ни странно, боль действительно стала утихать. То ли его монотонные движения, когда он гладил её волосы, то ли эти слова, что Адам шептал на ухо, но ей становилось легче... Они еще долго так просидели, пока девушка, наконец, смогла вдохнуть полной грудью и обмякнуть в объятиях любимого.

Теперь она чувствовала себя очень глупо, потому что вела себя как ребенок, а не как взрослая здравомыслящая девушка. Можно было предположить, что в первый раз не всё будет гладко...

— Извини меня, — виновато заговорила она, продолжая обнимать его. — И спасибо.

Мари прикрыла глаза, наслаждаясь моментом. Кто — то говорил, что иногда счастье — когда ничего не болит. Как же был прав этот «кто — то»...

Девушка всё же решилась приподнять голову и отблагодарила Адама за терпение крепким поцелуем. Он, воспользовавшись ситуацией, снова стал расплять её... Страх, что будет больно, улетучился, когда Мари почувствовала, как в ней раскрывается что — то невесомое, стоило ему только задвигаться...

Это что — то заставляло её кричать, но уже от наслаждения.

— Пожалуйста... — неосознанно молила она его о чем — то.

Адам одаривал её мелкими поцелуями и тихо посмеивался. Хотя Мари и лежала с закрытыми глазами, но была уверена, что он всё время улыбается, глядя на неё...

А потом её перестало волновать всё вокруг. Мари словно отбросило неведомой волной, и она полностью отдалась во власть этому потрясающему чувству... Оно ошеломило девушку. И если бы она была способна открыть глаза, то увидела бы, что и Адам испытывает то же самое...

Мари лежала на его широкой груди и с умиротворением прислушивалась к стукам сердца любимого человека. Ничего не хотелось. Вот просто лежать и ни о чем не думать.

Они еще долго занимались любовью, открывая себя друг другу. И сейчас она была не в силах что — то говорить или делать.

— Мари...

Адам вывел её из этого волшебного состояния. Она приподняла голову и посмотрела на него:

— Мм?..

— Останься сегодня со мной.

В груди разлилось что — то теплое, чего Мари никогда раньше не испытывала по отношению к нему. Это как — то странно — одновременно любить и не ждать ничего хорошего взамен. Поэтому любое проявление чувств с его стороны для неё было чем — то неожиданным и...потрясающим.

— Если я не вернусь домой, Лилит потом закатит истерику. Боюсь, она даже может проболтаться брату. Ты же знаешь, он теперь часто бывает у нас.

— Плевать на всё... Останься...нам ведь обоим это нужно.

Адам взял прядь её волос и поднес к лицу, вдыхая исходящий от неё запах. Затем резко приподнял Мари к себе так, что их глаза были на одном уровне. Оба продолжали лежать обнаженными, сплетаясь друг с другом. Он медленно приблизил её голову к себе и прикоснулся к губам в мимолетном поцелуе. Было в этом жесте что — то мучительно нежное. Настолько, что сердце Мари забилось с удвоенной частотой.

— Вкусная...ни с чем несравнимая. Как так?.. — казалось, Адам немало озадачен, и это рассмешило девушку.

— Не знаю, объясни мне, что это значит. Из нас двоих именно у тебя достаточно опыта, чтобы это сделать.

— Дело как раз в том, что весь мой опыт летит к чертям, когда дело касается тебя. Я бы и сам хотел узнать, что со мной сегодня произошло...

Его карие глаза были наполнены чем — то таинственным и недостижимым. Мари ликовала от мысли, что хоть на какое — то время смогла стать частью всего этого.

Что дальше?

Один Господь знает.

Но сейчас она не станет портить волшебный момент какими — то риторическими вопросами...

Это были самые прекрасные минуты, которые ей довелось пережить в этой жизни.

* * *

«— Любовь? — говорю я ей. — Что такое любовь?

— Вы не знаете, что это такое? Когда —нибудь узнаете. Когда —нибудь и вас скрутит»

Андре Моруа «Превратности любви»

* * *

Адам.

Наблюдая за тем, как смешно она спит, развалившись на нем, Адам невольно улыбался. Мари была похожа на ребенка, который настолько устал, что уснул с открытым ртом, забыв, как надо дышать. Её ресницы время от времени подрагивали, отбрасывая тени на щеки. Он не хотел будить девушку, поэтому старался не двигаться. Но не мог себе отказать в удовольствии гладить её длинные и невероятно мягкие волосы, которые сейчас покрывалом были рассыпаны по её спине.

Кто она? Откуда свалилась на его голову? Адам явно не был готов к таким переменам. Возможно, именно поэтому отчаянно сопротивлялся возникшим к ней чувствам?

Мари — это совершенно другой уровень. Она не какая — то обычная незнакомка с улицы, о которой можно забыть спустя неделю. Это большая ответственность, которую он, однако, принял с не менее большим удовольствием. Как поступить дальше? Как объяснить, что между ними произошло? И как они, вообще, к этому пришли?

Она вдруг шумно вдохнула, а потом медленно открыла глаза:

— Я всё же отключилась, да? Сколько я проспала?

Адам отбросил пряди её волос, упавшие на лицо. Сейчас она казалась ему такой красивой, что даже дыхание перехватило.

— Не знаю, но скоро уже рассвет.

— Ты, что, совсем не спал? — удивилась Мари, приподнявшись на локтях.

— Нет. Наблюдал за тобой.

Улыбка озарила её лицо.

— Кажется, ты становишься романтичным. Приятно осознавать, что я на тебя так действую.

Адам резко притянул её к себе, внимательно глядя ей в глаза, и чувственно прошептал:

— А мне приятно осознавать, что я действую на тебя иначе... в другом плане. Будто я всё же нашел способ справиться с тобой, даже заставить молчать... Хотя, при этом чувствую себя так, словно это ты меня приручила.

Мари перестала улыбаться, её взгляд стал очень серьёзным.

— Нет, я даже не пыталась.

— Вот это меня и пугает.

Адам перевел взгляд на её губы, когда она заговорила. А потом прикоснулся к ним в неспешном поцелуе. Мари с готовностью отвечала ему, и это раззадорило его... Но девушка вдруг отстранилась, ладошками отталкиваясь от груди Адама.

— Остановись. Мне надо домой. Я даже не взяла телефон с собой, представь состояние Лилит.

— Зачем ты вспоминаешь о своей ненормальной подруге в такой момент? — недовольно произнес Адам.

— Затем, что у меня будут неприятности! — огрызнулась девушка.

Она попыталась встать, обвернувшись в тонкое одеяло, но у неё не получилось, потому что часть находилась под Адамом. Он с усмешкой наблюдал за её бесполезными попытками, сложив руки на животе. Было заметно, что Мари безумно нервничает. Кажется, девушка сама не знает, куда себя деть.

— Может, поднимешь свою задницу? Будь любезен! — не выдержала она.

Он тут же повиновался, резко переместившись. Мари, не ожидавшая такой быстрой реакции, не удержала равновесия и плюхнулась на постель у его ног, причем лицом вниз. Адам разразился диким хохотом, не в силах устоять перед такой картиной. Она была такой смешной, разгневанной и... так нравилась ему.

— Не смешно, Дарбинян!

Когда Мари попыталась встать и уйти, Адам одним движением притянул её к себе, лишив возможности двигаться.

— Ты немного успокойшься, мы поговорим, а потом я отвезу тебя домой.

— Я спокойна. С чего бы мне беспокоиться? Я всего лишь переспала с тобой, и меня всю ночь не было дома. Вполне возможно, что вся моя семья уже в курсе, что я пропала. А когда я вернусь, мне нечего будет им сказать. Я спокойна. Вполне.

— Кажется, ты уже жалеешь? — сухо спросил он, неприятно удивленный её речью.

Адам отпустил Мари и откинулся на подушку, ожидая ответа. Девушка несколько мгновений молча смотрела ему в глаза, и этот сканирующий взгляд вновь и вновь приводил его в какое — то странное состояние.

— О таком, вообще, можно жалеть? — наконец, произнесла она.

— Нет, — честно ответил он, одновременно признаваясь самому себе, что никогда такого не испытывал ранее.

— Пожалуйста, давай сейчас обойдемся без вопросов, мне надо домой.

Видя, что она настроена решительно, он сдался:

— Хорошо. Оденься, я отвезу тебя.

Она подняла свои вещи с пола и вышла из комнаты. Адам тоже начал собираться. По — хорошему, надо бы принять душ, но вряд ли Мари согласится подождать.

До самой парковки они шли молча, каждый думал о своем. На улице только — только начинало светать, и было странно быть в это время не в постели.

— Где твоя машина? — удивилась Мари, когда он подошел к старенькому БМВ прошлых поколений.

— Продал, чтобы вложить в клуб, — ответил он, открывая дверь.

— Кажется, ты серьезно настроен?

— Как никогда.

— В таком случае, я уверена, что у тебя получится.

Он уставился на неё, пытаясь понять, это было издевательство или искренняя вера в него? Но Мари не смотрела на него. Её взгляд был направлен куда — то в окно, будто мысли были совсем далеко от этого места.

Адам завел машину, и они тронулись.

— И почему ты всегда так уверена во мне? — вопрос был задан, скорее, самому себе.

Он вдруг вспомнил, как она поддержала его в ситуации с Рахатом, как помогла вновь наладить отношения с Аветом, с которым у них вчера состоялся долгий примирительный разговор, как внимательна была к нему, когда находила пьяным по утрам, как усердно

пыталась помочь во всем, в чем могла. А ему хотелось делать вид, что ничего такого в этом нет. Но Мари, надо признаться, единственная девушка, которая что — то для него делала бескорыстно, и даже не пыталась просить ничего взамен. Это о многом говорит. Да и, вообще, эта ночь помогла открыть глаза на некоторые вещи...

Странная нежность разливалась по венам. На самом деле, Адам не привык, чтобы его подбадривали, но это оказалось чертовски приятным, когда в тебя искренне верят.

— Может, потому что я хорошо знаю тебя? — Мари повернула голову к нему, отвечая на вопрос.

— И это еще одна вещь, которая меня в тебе пугает.

Она ничего не сказала, удостоив его лишь внимательного взгляда.

Всю оставшуюся дорогу они молчали. Было что — то достаточно интимное в ситуации — ехать с кем — то куда — то на рассвете.

Когда Адам остановился перед её подъездом, девушка быстро выскочила, кинув на прощание короткое «Пока». Он на мгновение застыл, не веря своим ушам. «Пока»? И всё? Нет, эта девушка его точно доведет до шизофрении. После такой ночи взять и вот так уйти?..

Он гневно ударил кулаком по колену. В такой абсурдной ситуации Адам еще никогда не оказывался. Теперь стало примерно ясно, что чувствуют девушки, когда говоришь им, что как —нибудь позвонишь, и бросаешь вот такое короткое «Пока». Обычно это именно его привилегия, но сейчас он оказался по ту сторону, и это было, мягко говоря, неприятно.

Наверное, пора привыкнуть, что эта Мари никогда не даст ему чувствовать себя нормальным человеком...

Больше трех часов Адам прождал её перед университетом, размышляя обо всем. Было непривычно думать о ком — то, переживать, всё ли хорошо. Но в нем вдруг появилась такая жгучая потребность в Мари, что он сдался перед этими чувствами.

Когда она вышла из здания, поправляя шапку, Адам радостно улыбнулся. Ещё одна перемена в нём, кстати. Какое — то дурацкое чувство окрылённости.

— Мари! — позвал он, направившись к ней навстречу.

Она подняла на него глаза и замедлила шаг.

— Привет.

— Привет, Адам.

— Пойдем, здесь холодно.

— Куда? — встрепенулась девушка, словно испугалась чего — то.

— Для начала сядем в машину.

Адам был слишком решительно настроен, поэтому тон его был железным. На этот раз ей не удастся улизнуть.

Мари нехотя поплелась следом за ним и устроилась на переднем сидении.

— Что было дома? Я звонил, ты не брала трубку. Что — то не так?

Девушка сняла очки и стала вытирать запотевшие стекла, задумчиво глядя перед собой.

— Мне повезло, Лилит была одна. Но в таком состоянии, что я никогда не забуду её слез. Она испугалась за меня.

Почему Мари выглядит такой отрешенной, он никак не мог понять. Всё было хорошо, Адам даже сказал бы, — потрясающе.

— Посмотри на меня, — тихо, но твердо проговорил он.

Она повиновалась и подняла на него глаза.

— Ты поэтому такая поникшая, или есть еще что — то? Может, ты себя плохо

чувствуешь?

Намек на деликатные обстоятельства немного обескуражил её, и Мари приоткрыла рот от неожиданности, растерянно хлопая ресницами.

— Нет. В этом плане всё хорошо.

— Тогда, что? — начал злиться Адам, чувствуя какое — то безразличие с её стороны.

Ему так хотелось прижаться к ней, крепко обнять и просто наслаждаться этим новым ощущением обладания кем — то по — настоящему. Но Мари была такой холодной, что он не решался к ней прикоснуться. А ведь так хотелось честно признаться, что её вкус до сих пор запечатлен на его губах...

— Мне просто страшно... — вдруг призналась она, застав врасплох Адама этим тихим заявлением.

— Но почему?!

— Тебе не понять, что значит для девушки такой серьёзный шаг...

— Ошибаешься, я прекрасно это понимаю, поэтому и не хочу оставлять тебя одну. Мари, для меня это тоже очень серьёзно. Хотя, если честно, я даже не знаю, что делать дальше. Мы всегда так успешно боролись друг с другом, что «мир» между нами меня напрягает.

Улыбка тронула её губы, и ему показалось, что Мари, наконец, немного расслабилась. И Адам продолжил:

— Очкарик, я не такой плохой, каким кажусь тебе. И пользоваться ситуацией не собираюсь.

— Я знаю.

Господи, и как ей удастся каждый раз ввергать его в неопишное состояние такими односложными фразами? Она верит ему и в него даже больше, чем он сам. Это чертовски цепляет.

— Адам, — начала она медленно, — поверь, я тоже не знаю, что с этим всем делать. Потому что мы с тобой в обычной жизни совсем не подходим друг другу... Не могут два отрицательных заряда «минус» и «минус» дать контакт.

— О, боже, ты мне сейчас напомнила мою физичку в школе.

Несмотря на шутку, он всё же оставался серьёзным. Не хотелось ничего анализировать, но сейчас было важно понять, как они поступят дальше.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, придвинувшись ближе

В этот момент девушка показалась ему такой незащищенной и потерянной, что Адам почувствовал себя каким — то злодеем, хотя и сам не знал, в чем его вина.

— Этим я хочу сказать, что люблю тебя, Адам... — её голос сорвался, — но мы не пара.

На секунду его сердце замерло. Не то, чтоб он слышал эти слова впервые. Но мог поклясться, что впервые они произнесены с глубоким осознанием и наполнены искренностью. О её чувствах нетрудно было догадаться. Девушка просто так не отдастся парню. Особенно если эта девушка воспитана иначе, не так, как сейчас принято. Ведь Адам прекрасно знал её семью. Но раз она пошла на такой шаг, то... Но прийти к такому выводу мысленно и слышать это от неё — разные вещи. Одновременно с какой — то ноткой растерянности он испытывал ликование... Эти бешеные эмоции стали для него своего рода новинкой.

— Но ведь ничто не мешает нам попробовать? — осторожно спросил он. — Если ты

этого хочешь.

Что за черт, Адам впервые словно клянчил у девушки согласие на отношения! И с нетерпением ждал её положительного ответа. А Мари, не отрывая от него своих шоколадных глаз, продолжала держать его в напряжении.

— В конце концов, мы могли бы забыть, что ты физик, и вспомнить простое правило из математики: «минус» на «минус» дает... — протянул он, ожидая, что она закончит за него.

И Мари, рассмеявшись, ответила:

— Плюс!

— И это?..

— И это, Дарбинян, моё скромное «да».

Адам не удержался и прижал её к себе, сам не понимая, почему ему было так важно услышать от этой сумасшедшей эти слова. Ну, или стоит признаться себе, что мир стал меняться после пережитой ночью бури эмоций.

— Если поторопимся, через месяц можно будет объявлять открытие, — возбужденно проговорила Полина, оглядываясь по сторонам.

Адам удовлетворенно кивнул. Большая часть работы уже была выполнена, но многое еще предстояло сделать. Сейчас он остро ощущал нехватку в Рахате, который прекрасно разбирался в некоторых вопросах. В частности, он мог бы организовать хорошую рекламу. Но, этого человека уже нет в его жизни, и Адам не намерен прощать его, как бы на этом не настаивал Авет.

— Ты говорил, у тебя на примете есть хороший администратор. Ты говорил с ним? Уже пора бы подыскивать персонал, разработать какую — то политику обслуживания. Тебе так не кажется? — оторвала его от неприятных мыслей девушка.

Адам вытащил сигарету из пачки и с наслаждением закурил.

— Не получилось с ней. Она работает в элитном ресторане, сказала, что не собирается пока уходить, какие бы деньги я не предлагал. Как мне показалось, у неё очень тесные отношения с владельцем.

— А, в этом плане... Ну хорошо, тогда что ты будешь делать?

— У меня много знакомых, не думаю, что это проблема, — он пожал плечами, — в течение недели найму кого —нибудь.

Адам не заметил, как странно она на него посмотрела. Полина была немного озадачена его рассеянностью и каким — то пофигистическим настроем. Это сильно отличалось от того, что было в самом начале работ.

А он действительно был где — то далеко, и его мысли были заняты определенной проблемой. Проблемой по имени Марианна. Черт возьми, ему не хватало её... Адам не мог удовлетвориться теми несчастными двумя — тремя разами, что они виделись за всё это время. Мари продолжала держать его на расстоянии, и он был вынужден с этим мириться, хотя и неохотно.

В течение недели Адам несколько раз приезжал за ней в университет, и они ездили куда —нибудь обедать, не в силах наговориться друг с другом за такое короткое время, отведенное им в силу обстоятельств. Во —первых, брат Мари, который в последнее время стал усерднее контролировать сестру. Во —вторых, клуб, который требовал большого внимания. Ну, и, в —третьих, решение пока не трогать её, хотя безумно хотелось затащить в какой —нибудь укромный уголок и зацеловать до смерти эти манящие губы.

Адам чувствовал себя малолеткой, словно впервые вступившей в отношения. Он так

трепетно стал относиться к Мари, что сам себе удивлялся. Откуда такая нежность?.. Но приходилось в очередной раз напоминать себе, что это не просто девушка с улицы.

Это бестия, которая, не жалея, подарила ему себя без остатка. Такой бесценный подарок Адам получал впервые — быть первым и единственным мужчиной, да еще и любимым. Мысль об этом переворачивала его сознание, заставляя лихорадочно соображать о будущем. Нет, однозначно, он пока не готов ей дать что — то большее. Но он готов попробовать быть рядом. И это желание тоже возникло у него впервые.

«Мари, Мари... Маленькая бестия, исчадие ада... Кажется, я становлюсь зависимым», — часто мелькало у него в голове.

И он улыбался, думая о ней. Вспоминал все смешные моменты, ссоры и, конечно, её вкус. Невероятный и неповторимый. Такой сладкий и чистый, что хотелось зажмурить глаза и наслаждаться им. Девушка, похоже, и понятия не имела, какое наслаждение может подарить. И хорошо, что об этом знает только Адам...

— Адам... — вторгся в мысли голос Полины.

Он поднял голову и увидел, что она растерянно смотрит на него. Видимо, не первый раз пыталась привлечь внимание.

— Извини, что ты сказала?

— Адам, ты, часом, не влюбился? — вдруг выдала она с улыбкой.

Этот простой вопрос вогнал его в ступор.

— Не знаю, — честно ответил Адам.

И тут Полина не выдержала и заразительно рассмеялась.

— Скрутило, значит, и заядлого брутала?

Ему не понравилось то, что она сказала, поэтому он лишь пожал плечами, оставив её вопрос без ответа.

— Ладно, вернемся к вопросу о сроках...

Они вновь заговорили о работе, обходя помещения, в которых интенсивно шел завершающий этап задуманного ремонта. Адаму все же удалось отвлечься от мыслей о Мари, и он полностью переключился на своё детище...

— Ты мне покажешь его? — в восторге спросила Мари, когда он рассказал ей о делах в клубе.

— Покажу, но после того, как интерьер будет готов. Через пару недель нам привезут заказанную мебель и всякие декорации. Полина всё обустроит, и я отвезу тебя.

— Это блондинка, которая приходила в СТО?

— Мари, она замужем, — предугадав ход её мыслей, сразу выдал он.

— Дарбинян, ты слишком много о себе возомнил. Я тебя не собираюсь ревновать. Делай, что хочешь! — вспылила она, отстраняясь.

Девушка подошла к окнам и стала рассматривать проспект Сиверса, на который и выходило панорамное остекление. Вид был потрясающий, и Адам сам часто заглядывался на него.

Он бесшумно подошел к ней сзади и прижал к себе, наклонившись к уху, и попытался немного разрядить накалившуюся из — за её взрыва обстановку:

— Если бы я мог делать всё, что хочу, ты бы сейчас была в другом месте.

Она затаила дыхание, и Адам почувствовал, как в нем закипает кровь.

— Мне кажется, ты меня с кем — то путаешь. Я...не хочу удовлетворять твои потребности.

— Если ты еще раз так выскажешься, я оторву тебе язык, — жестко проговорил он, развернув её к себе лицом, — может, хватит уже постоянно нарываться на ссоры? Что с тобой?

— Да откуда я знаю? — раздраженно проговорила она, пытаясь оттолкнуть его.

— Эй, Мари, ну — ка, посмотри мне в глаза!

Девушка отрицательно покачала головой. С ней творилось что — то странное, она совсем перестала быть похожей на ту сильную, жизнерадостную девочку, которой была всегда.

Адам приподнял её подбородок и попытался взглянуть ей в лицо.

— Всё же было хорошо, всю неделю ты была веселой. Сейчас что не так?

Мари обглядела комнату и указала ему взглядом на матрас у их ног. Впервые с той ночи она была у него в квартире, воспользовавшись тем, что брат уехал к родителям в Волгодонск.

— Это всё из — за того, что здесь я постоянно думаю о том, что мы...делали. И меня пугают мои ощущения, потому что я похожа на маньяка, который снова и снова хочет испытать это всё.

Она даже сама не понимала, что делает с ним этими словами. Чистосердечное признание говорило лишь о страстности её натуры, которой она сопротивлялась. Адама пробрало до адской дрожи. Вряд ли он когда — либо еще слышал, чтобы кто — то так невинно говорил, что хочет кого — то.

— Мари... — Адам тихо рассмеялся и наклонился к её макушке, целуя волосы девушки. — Я тебя люблю.

Это получилось как — то само собой. Он даже сам не ожидал, что всё произойдет так скоро. Но смысл было отрицать очевидное?

Девушка на мгновение застыла, а потом Адам с упоением ощутил, как её руки сомкнулись на его шее, а она потянулась к нему всем телом, плотно прижавшись к нему.

— Мой очкастый «минус», — со смешком добавил Адам.

— Хорошая из нас парочка: «физичка» и будущий владелец порочного клуба, — подхватила Мари, рассмеявшись ему в плечо.

— Невероятно, но факт...

Они присели на матрас, обнявшись. Один из редких моментов полной капитуляции друг перед другом.

— Я тебе даже немного завидую, знаешь? — вдруг прошептала Мари.

— Почему это? — удивился он, продолжая поглаживать её волосы.

— Тебе повезло влюбиться в человека, который уже любит тебя.

Адам самодовольно улыбнулся. Но эта улыбка сползла, когда Мари продолжила:

— Мне было намного сложнее — пришлось завоевывать сердце человека, в которого я сама влюблена много лет. И я не знала, на что иду, когда осталась с тобой ночью... Я просто хотела быть твоей.

— И у тебя это получилось... — протянул он, улыбаясь одними уголками губ.

— Я сама не знаю, как. Ведь ты все время заявлял, что я и вовсе не девушка.

Адам почувствовал стыд перед ней за свои злобные усмешки в её сторону.

— Я не знаю, возможно, что я раньше неправильно понимал смысл красоты. Может, твоя — именно в том, что ты всегда остаешься собой и не пытаешься играть чужие роли? Иногда меня, конечно, ужасно злит твоя прямота, твой острый язык, но, черт...то, что действительно цепляет, — искренность. И когда я о тебе думаю, у меня внутри что — то

переворачивается. Потом возникает острая необходимость ощущать тебя, быть с тобой.

— Ты уверен, что тебе потом не захочется старой жизни? Потому что я не буду терпеть других. Никогда. — Серьёзно произнесла Мари, подняв на него свои глаза.

Он и сам задавался этим вопросом. Не слишком ли быстро всё произошло, не обманываются ли они, решив быть вместе? Но сейчас Адам знал ответ.

— Когда находишь своё, чужое становится неинтересным.

Её глаза засверкали от этого заявления, и она потянулась к нему, одаривая чувственными поцелуями.

Его слова были чистой правдой. Кто, если не Мари, будет рядом с ним, разделяя все его сумасшедшие выходки? Кто будет верить в него так, как она? Да и кто похож на него настолько, насколько эта девочка из давнего детства?.. Больше никто.

* * *

«— Я не знаю, что делать, Эдди. По — моему, я в него влюблена, но у нас все как — то не в лад.

— Так прибери его к рукам.

— Именно этого я и не хочу. Хочу, чтобы меня саму прибрали к рукам»

Фрэнсис Скотт Фицджеральд «Сама по себе»

* * *

Марианна.

Так выглядит счастье — просто быть с ним, прикасаясь к его небритой щеке, ощущать, как чувства обжигают тебя изнутри, и ты не имеешь желания противостоять этому. Он — твой. Что тебе еще нужно? И пусть летят к черту все плохие мысли и переживания о том, что будет дальше.

Мари просто наслаждалась любимым человеком, иногда с удивлением задумываясь о том, что в какой — то момент готова была отказаться от него, считая, что у них не может быть совместного будущего... Страх перед обстоятельствами на какой — то миг затуманил сознание, но теперь всё было прекрасно, и эти переживания не мучили её.

Вопрос оставался открытым только перед Лилит, которая категорически отказывалась принять поступок Мари. Девушка никогда не забудет её состояния, когда она вернулась домой после проведенной с Адамом ночи. Подруга встретила её у самого порога с опухшими глазами и дрожащим голосом спросила:

— Ты была с ним, правда? Ты это всё — таки сделала?..

Мари была шокирована видом Лилит. Она была болезненно бледной, напуганной до смерти.

— Лил, милая, что с тобой?

— Ты была с ним! — вскрикнула девушка, и по её щеке покатила одинокая слеза. — Мари, что ты наделала?

Она не знала, что ответить подруге, в голосе которой стоял невыносимый упрек, отчего стало не по себе.

— Как ты будешь с этим жить, скажи? Как будешь смотреть в глаза родителям, которые уверены, что их дочь — ангел?!

Эти слова тогда словно резали изнутри, настолько схожи были с её собственными мыслями и страхами. Не то, что родителям, — даже Лилит в глаза было стыдно смотреть. Она настолько хорошо знала Мари, что даже не сомневалась, где и с кем та провела ночь. Что можно было на это сказать в тот момент, когда девушку и так обуревали сомнения? После потрясения от пережитых эмоций в объятиях любимого человека Мари вдруг почувствовала тревогу, и эта тревога усилилась от слов Лилит.

— Лил, прости, что тебя так напугала. Я не хотела, честно... Всё получилось само собой. Значит, так должно было случиться.

— Господи, ты хоть слышишь себя? Неужели тебе совсем не жалко, что ты подарила свою честь этому...этому... — она замолкла под угрожающим взглядом Мари.

— Лилит, я тебя люблю больше, чем любила бы родную сестру, — начала девушка, потирая виски, — и сейчас мне нужна твоя поддержка, а не выяснение отношений и разнос

меня самой. Я понимаю всё, что ты говоришь. Но я такая, какая есть. Мне не стыдно за свои поступки. Адам для меня нечто большее, чем просто детская любовь. Я устала с тобой спорить, понимаешь? Или прими это, или больше не поднимай эту тему. Мне и так несладко.

— Вот так, значит? Теперь из — за него ты ставишь мне ультиматумы? — застыла подруга, еле сдерживая слезы.

Пусть из них двоих Лилит и была более бойкой, но вместе тем она была и более эмоциональной. Мари было трудно видеть её слезы, причем, являясь их причиной. Но так не могло продолжаться дальше. Разве лучшая подруга не должна поддерживать тебя во всем?

— Нет, Лилит, не из — за него. А для себя. Ты даже не представляешь, как мне хреново от того, что единственный близкий человек меня не хочет понять. И если ты даже после всего этого не пытаешься изменить своё мнение, то мне больше нечего сказать.

И с этими словами Мари тогда отправилась в ванную, оставив Лилит наедине со своими горькими размышлениями.

Спустя почти две недели ничего между ними не изменилось. Подруга продолжала свой молчаливый протест. Более того, когда Мари сообщила ей, что они с Адамом теперь вместе, Лилит оставила этот свершившийся факт без комментариев. Было сложно без неё, точнее, с ней, но без её непосредственно участия во всем. Это была их первая ссора за всё время дружбы. Но Мари надеялась, что в скором времени Лилит поймет её. Поймет, что это её выбор и это её путь.

Ведь она счастлива. Трудно не заметить эти перемены. Девушка постоянно улыбалась, была в приподнятом настроении и с охотой бралась за учебу, как это ни странно. Адам стал глотком воздуха, безумной стихией, с появлением которой Мари наконец — то обрела себя настоящую. Если раньше в ней было полно энергии, то сейчас это была целая атомная бомба. Всё давалось легко и с большим рвением... И мысли упорядочились после признаний самого Адама. Теперь уже она спокойно могла говорить о том, как сильно его любит, как жаждет прикоснуться к нему каждую минуту, как не хочет отпускать от себя. Кто бы мог подумать, что Мари такая собственница?.. Они редко виделись, но постоянно были на связи. Он не упускал ни единой возможности позвонить или написать. Это было так непривычно и так приятно одновременно, что кружило голову.

«Я люблю и любима! И плевать на всё остальное!» — хотелось кричать всем и каждому...

— Мхитар уезжает в Москву на целую неделю. А когда приедет, у нас официальный переезд в квартиру. И тогда мы будем видеться еще реже, — пытаюсь смягчить сказанное, Мари прижалась к его губам в крепком поцелуе.

— Что — nibудь придумаем, — промямлил он в ответ, оставаясь под впечатлением от её порыва.

Сегодня они решили поехать к нему, чтобы в тишине насладиться отведенными часами. Как странно, что два взрослых человека, которые любят друг друга, пытаются избегать огласки... Но это счастье было таким хрупким и таким новым для обоих, что они не спешили распространяться. Знали только Лилит и Авет. Последний, кстати, принял эту новость более радостно, чем первая. По рассказу Адама, он искренне поздравил их. Что ж. Мари никогда не сомневалась в его порядочности. В отличие от Рахата, который, кстати, пару раз пытался помириться с Адамом.

— Ты не думал дать ему шанс? — спрашивала Мари.

— Я не умею прощать, — жестко ответил он, пресекая дальнейшие расспросы.

Иногда она поражалась степени его жестокости, но ничего поделать не могла. У Адама было много темных сторон, и он никогда этого не скрывал. За это время Мари узнала много чего нового о нем, что её неприятно удивило, но никак не уменьшило любовь. Оказывается, у него достаточно недоброжелателей, которым он любил «отдавать долги». Один раз девушка стала свидетельницей того, как Адам договаривался об угоне машины. Но не с целью продать, а просто поиздеваться над владельцем и вернуть через пару часов. У него были свои предпочтения в таких вопросах... Он не посвящал её в подробности и не называл причин, просто констатировал факты, мол, я вот так живу.

Мари и сама не считала себя святой, поэтому старалась прикусить язык и не лезть к нему с наставлениями. Либо принимаешь любимого человека таким, какой он есть, либо ты его не любишь так сильно, как оно того требует. Так вот, она любила его достаточно сильно, и даже больше.

— Ты, кстати, так и не сказала, чего хочешь на свой день рождения, — оторвал он её от непрошенных мыслей о превратностях его характера.

— У меня есть всё — личный злодей, которого я обожаю, и маленькое королевство с видом на проспект Сиверса.

— Личный злодей? — рассмеялся он.

Мари кивнула, наслаждаясь его улыбкой.

— Видишь ли, будучи неправильной принцессой, я всегда хотела быть со злодеем. Мультки, где златовласые принцессы оставались в конце с красивыми принцами, мне никогда не нравились. И, кстати, я была на грани нервного срыва, когда в «Красавице и чудовище» это симпатичное чудовище превратилось в противного блондина. Мне было лет семь, и с тех пор я больше не смотрю мультфильмы.

— В принципе, ничего другого я и не ожидал от девочки, которая на шестилетие попросила в подарок дрель, — сквозь дикий приступ смеха проговорил он.

— Ты помнишь?... — теперь уже Мари заразительно рассмеялась, откинув голову назад.

— Я не забуду это до конца жизни. Мне было 11 лет, но даже тогда я понял, что именно о таком сыне, как ты, мечтает каждый отец — и твой, и мой. Единственная проблема была в том, что ты дочь.

— Боже... — девушка сняла очки, вытирая выступившие от смеха слезы.

— А если серьёзно, я действительно не знаю, что тебе подарить. На самом деле, я бы хотел купить тебе огромный шкаф нормальной одежды вместо этих балахонов, которые ты носишь. Под ними я не имею возможности смотреть на твою фигуру.

— Эй! — Мари с притворной обидой ткнула его в плечо и отсела на другой краешек матраса.

— Но это правда. И твои волосы — зачем их постоянно стягивать в хвост, если я люблю, когда они распущены?

— Дарбинян, не слишком ли много претензий? Я представляю, что было бы, если бы ты стал моим мужем. Дома я ходила бы в одном нижнем белье, не сомневаюсь.

— Это отличная идея, знаешь? И, признаюсь, у тебя очень эротичный вкус.

От этого замечания её пробрало до дрожи. Он видел её белье единственный раз в ту ночь, но запомнил... Что греха таить, это была маленькая слабость Мари — качественное красивое белье. Если уж верхняя одежда должна быть просто практичной и удобной, то комплект, скрывающийся под ней, должен быть безупречным.

Эта тема вызвала в обоих общие воспоминания о проведенных минутах наслаждения. Мари тяжело задышала, видя огонь в его глазах. А когда Адам стал медленно наступать, и вовсе забыла, что такое кислород. Он осторожно повалил её на постель, на ходу стягивая резинку с волос.

— Когда — нибудь ты будешь ходить именно так, как нравится мне. Когда — нибудь... когда я тебя приручу.

И не дал ей возможности возразить, закрыв рот страстным поцелуем...

Домой Мари возвращалась в нервном возбуждении, отказавшись, чтобы её подвозил Адам. Она всерьёз опасалась, что в какой — то момент может не выдержать и наброситься на него, изнасиловав прямо в машине. Какой только бред не лезет в голову девушке, жаждущей обладать любимым человеком каждое мгновение...целиком и без остатка.

Но что — то сдерживало её, и она сама не подпускала его к себе слишком близко. Может, это и глупо, потому что первый шаг сделан уже давно. Но осознание того, что это потрясающее таинство может стать чем — то пошлым, повторяясь слишком часто, останавливало девушку. Нет, пусть та ночь останется в их памяти волшебной...до некоторого времени, когда она сама захочет, чтобы это повторилось. Самое главное, что Адам на неё не давит.

Дома Лилит встретила её неизменным молчанием. Мари так хотелось броситься к ней, обнять, рассмеяться и рассказать, как счастлива. Как её день ото дня пожирают эти эмоции. Как она привязывается к Адаму всем сердцем. Но холодность подруги всегда отрезвляла. На этот раз Мари не хотела уступать. Пусть будет, как будет...

До приезда брата оставались считанные часы. Девушки уже собрали свои вещи, и сейчас каждая сидела на своей кровати, размышляя о прожитых в этой однушке месяцах. Было здорово ощутить этот вкус взрослой жизни, которая продлилась так мало. Теперь Мхитар за старшего, и он со своим строгим характером вряд ли даст им обоим свободно передвигаться и делать то, что им хочется. Раньше Мари и Лилит могли провести не один час в экскурсиях по городу в вечернее время. Сейчас у них это вряд ли получится, брат не отпустит двух молодых девушек «шляться в темноте по переулкам». Мари была уверена, что именно эту фразу он произнес бы, попроси она его о прогулке.

Очень сложно после самостоятельной жизни возвращаться к домострою, но иного выхода нет. В их семье всегда главой был мужчина, какое бы уважение и почет не оказывались женщине. Да, отец обожал Мари, баловал, не отказывал ни в чем. Но одновременно давал понять, что слово брата и его собственное слово — своего рода канон. На этой почве у неё всегда возникали стычки с Мхитаром, которому она отказывалась подчиняться, но той маленькой девочки уже давно нет, а взрослая девушка прекрасно понимает, что это противостояние не приведет ни к чему хорошему. Ей все равно не дадут жить отдельно. Единственный возможный вариант — женитьба Мхитара, но об этом пока никто и не заикался даже. Родители доверяли сыну во всем, и были уверены, что, когда настанет время, он сам приведет хорошую невестку.

Представив его будущую жену, Мари не удержала смешка. Это будет традиционная девушка с длинной толстой косой и в национальном костюме. Когда Мхитар будет с ней разговаривать, она будет опускать глаза и скромно молчать. Она нарожает ему футбольную команду, а он будет содержать семью своей огромной зарплатой, вкалывая день и ночь на престижной должности. Именно таким ей и виделось будущее Мхитара. А когда Мари будет приходить к ним в гости, он будет упрекать её тем, что она так и не стала хорошей женой и

матерью, отдав всё своё время физике. Брат всегда говорил, что Мари — противоположность того, что нужно настоящему мужчине.

Однако же, этот мужчина в её жизни появился, с мечтательной улыбкой подумала девушка. Именно тот, кого она и видела в роли своей половинки, дополнения, частички — пусть каждый назовет это так, как ему нравится. Адам — воплощение той силы, в которой Мари нуждалась. От него исходит мощь, непреклонность и даже дикий нрав, способные вкупе совладать с её характером. Ей нравилось, что сейчас он пытается встать на ноги самостоятельно, что не ищет поддержки от отца и продолжает гнуть свою линию, доказывая, что может добиться намеченной цели. Господи, надо только видеть его властный тон, когда Адам разговаривает с кем — то из рабочих по телефону, пытаюсь решить какие — то проблемы. И его сосредоточенный взгляд жгучих карих глаз, из которых так и сочиться необузданность... Наблюдая за ним, Мари получала неопишное удовольствие. Всё время хотелось подойти и нагло отключить мобильный, чтобы складки на его лбу разгладились, а лицо озарила чувственная улыбка, за которую она готова очень многое отдать. Но девушка не решалась вмешиваться в его рабочие разговоры. Зато, когда он заканчивал, Мари получала заслуженную порцию горячих поцелуев за терпение...

Сейчас ей казалось, что жизнь не может быть прекраснее. И что эти счастливые дни буду длиться вечно... И совсем не подозревала, что её ждет впереди...

Пожалуй, главная ошибка Мари заключалась в том, что она всегда недооценивала превратности судьбы. А также верила, что в жизни нет ничего важнее счастья родных и близких.

За несколько дней до дня её рождения каким — то непостижимым образом Мхитару стало известно об Адаме... И после грандиозного скандала он поклялся, что об этом узнают родители.

— Я тебя уже предупреждал один раз, верно?! — кричал он в гневе.

Когда брат замахнулся, чтобы ударить её, перед ним вдруг встала Лилит, резонно заметив, что эта воспитательная часть лежит на их отце. Мхитар с горящими от ярости глазами испепелил подругу взглядом, но руку всё же убрал. Затем он ушел, громко хлопнув дверью, а Мари не выдержала и сползла на мягкий ковер, мелко дрожа. Она была настолько взвинчена, что потеряла дар речи, не сумев поблагодарить Лилит за поддержку.

Нежные руки вдруг коснулись её плеч.

— Мари, успокойся, он остынет и поймет, что так нельзя.

Девушка усиленно завертела головой из стороны в сторону.

— Нет, ничего подобного. Тебе повезло не иметь чести быть знакомой с характером моего брата. И плюс он ненавидит Адама. Но меня волнует не это всё. Мне не по себе, потому что папа должен был узнать не так! Лилит, я сама должна была сказать! Всё пропало! — завопила Мари в исступлении, обретя голос.

— Мар, ты преувеличиваешь. Мхитар взрослый мужчина, не будет же он на горячую голову разговаривать с отцом! Ну, ненавидел он Адама в детстве, сейчас — то не так...

Мари разразилась горьким смехом, воскрешая воспоминания в памяти.

— Вряд ли мальчик, которого несколько раз избивали на глазах его собственной сестры, простит это и перестанет ненавидеть.

Лилит нахмурила брови, присаживаясь напротив в ожидании пояснений.

— Адам в школе несколько раз избивал его при мне, последний раз где — то в классе восьмом, за пару недель до того, как они переехали в Ростов. Ты можешь себе представить,

что такое для подростка быть униженным перед младшей сестрой?..

— Нет, не могу, но звучит очень страшно, — с придыханием ответила Лилит.

— Лилит, сейчас Мхитар в таких красках расскажет папе обо всем, что, вполне возможно, я стану «врагом народа». Во — первых, я от них утаила, что работаю на Дарбиняна, во — вторых, мой брат однажды видел, как мы чуть не поцеловались, и готов был оторвать мне голову за это...ну, а, в — третьих, мне был поставлен ультиматум: либо я не имею никаких дел с Адамом, либо всё становится известно папе, который недолюбливает их семью. Если бы у меня была возможность рассказать самой...всё сложилось бы иначе. А теперь я буду выглядеть в их глазах лгуньей и, наверное, предательницей.

Со стороны эта сбивчивая речь была похожа на бред сумасшедшего. Потрясенный вид подруги при иных обстоятельствах обязательно вызвал бы смех Мари, но не в этот раз. Она лихорадочно соображала, что можно сделать. Но накрывшая её с головой паника очень сильно мешала всем мыслительным процессам.

— Мари, тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Да, я тоже не в восторге от Адама, но я же не собираюсь из — за этого кидать в тебя камни... Почему твой отец спустя столько лет должен быть против? Ну, если Адам предстанет перед ним в ином свете? — пояснила Лилит прагматично, но потом поникла. — В чем я сильно сомневаюсь.

— Вот и я тоже. Если он тогда был невыносим, то после почти девяти лет эта несносность и высокомерие в нем усилились стократ. Проблема в том, что, зная отношение моей семьи к нему, я всё же не хочу от него отказываться. И никогда не хотела.

Лилит задумчиво закусила губу, наблюдая за переживаниями подруги. Тишину вдруг прервала вибрация телефона. Мари бросилась к столу и ответила на звонок:

— Кажется, у нас намечаются похороны, Адам...

* * *

«— Почему вы так добры ко мне?

— Я уже говорил вам: я вовсе не добрый.

Я большой эгоист. Дело в том, что вы — кусочек меня самого»

Симона де Бовуар «Мандарины»

* * *

Адам.

В его голове даже не возникало вопроса, как нужно поступить. В ответ на «трагический» рассказ Мари он спокойно выдал:

— Нет, кажется, у нас намечается свадьба, Мари.

Адам потом долго не мог прийти в себя от сказанного. Неужели это его губы произнесли что — то про свадьбу?..

Они договорились встретиться с Мари в СТО, чтобы хотя бы немного обсудить случившееся. Первым делом она бросилась к нему на шею, обняв так крепко, словно боялась, что её могут оторвать от него насильно. Адама тронул этот детский жест. Он прижал любимую к себе и, посмеиваясь, прошептал ей на ушко:

— Ну — ну, древнюю традицию с кражей невест никто не отменял.

Мари пнула его, призывая к строгости.

— Адам, ты же это несерьёзно про свадьбу? — вдруг спросила она.

— Почему?

— Ты сошел с ума? Посмотри на нас — мы только — только начинаем делать шаги друг к другу.

Он удивленно отстранился и ошалело посмотрел ей в глаза:

— Я думал, что сделанное мною предложение — это верх тех невероятных вещей, которые могли со мной произойти. Но ты, очкарик, как всегда, переплюнула все мои ожидания. Отказ — это то, что я вообще не рассматривал.

Мари нахмурилась и цокнула язычком.

— Ты всё шутишь, Адам.

Теперь пришла его очередь хмуриться.

— Мари, я так и не понял, почему идея со свадьбой кажется тебе абсурдной.

Девушка закусил губу и нервно сцепила пальцы, держа руки перед собой. Спустя пару мгновений в такой позиции, она внезапно кинулась к дивану и просто рухнула на него без сил. Адам с большим интересом наблюдал за её спонтанными действиями, ожидая очередной порции чего — то подобного.

— Адам, мне через пару дней 20 лет. Я учусь на втором курсе. Я умею проводить различные эксперименты, решать одни из самых сложных задач в физике. Но вместе с тем я совершенно не умею следить за домом, за животными, готовить и...боже, да этот список будет вечным. Замужество — это та тема, которая меня вообще никогда не интересовала, понимаешь? Даже в случае с тобой! — отчаянно воскликнула она.

Адам не знал — смеяться ему или плакать. Во — первых, кажется, Мари сравнила его с животными, говоря, что не умеет за ними следить. Во — вторых, она призналась, что не собирается за него замуж.

— Мм...я как бы тоже не особо стремлюсь жениться. И если говорить в той же последовательности, то...мне 25 лет, я окончил университет, но не собираюсь браться за серьёзную работу. Я знаю всё о машинах, о клубах и...сексе. И больше мне нечего добавить о себе. Как думаешь, я гожусь на роль мужа?

— Если бы не возникшая проблема, я бы сейчас запустила в тебя чем — нибудь тяжелым за последний пункт твоего списка! — предостерегающе вскинула она бровь, вызвав этим жестом его смех.

Адам примирительно выставил руки перед собой и направился к ней, присев на диван.

— Если у тебя есть идеи получше, я тебя внимательно слушаю.

— Нет, у меня их нет, — тут же выдала Мари, — но свадьба это слишком. И, вообще, с чего вдруг такие романтические решения с твоей стороны?! Меня пугают эти перемены — твоя доброта и всё прочее.

— Доброта? Желание быть с любимым человеком ты называешь добротой?

— Я не хочу замуж! — истерично завопила девушка в ответ на его резонное замечание.

В таком нервном возбуждении она не была даже после той заветной ночи. Адам, понимая, как она напугала сейчас из — за предстоящего гнева отца, пропускал мимо ушей неприятные замечания об отказе выходить замуж. Он и сам не особо хотел на данном этапе своей жизни делать такой шаг. Более того, еще полгода назад эта мысль вообще казалась ему смехотворной.

Ну а потом в его будни тайфуном ворвались непрошенные чувства к Мари.

— Я тебе не предлагаю выходить замуж завтра. Мы можем растянуть это, пока сами не поймем, чего хотим.

— То есть? — заинтересованно встрепенулась Мари.

— Мало, что ли, людей, которые по пять лет ходят помолвленными? — пояснил Адам. — Просто приду просить твоей руки, расскажу, как внезапная любовь к тебе исправила заядлого злодея...

Мари снова попыталась пнуть его, но он пресек её действия, рывком придвинув к себе и не оставляя между ними и миллиметра.

— Ты можешь хотя бы минутку оставаться серьёзным? — взревела Мари.

— Хорошо — хорошо. Тогда я скажу им правду.

Это двусмысленное замечание заставило девушку вытянуть лицо от шока.

— Только посмей... — её шоколадные глаза метали гром и молнии.

Адам самодовольно улыбнулся, сдерживаясь из последних сил, чтобы не поцеловать Мари в такой ответственный момент.

— На самом деле я имел в виду вот что: скажу им, что подчинить тебя себе — моя главная цель.

— Отпусти мои руки — и я покажу, какие у тебя шансы! — с притворной улыбкой пропела она.

Как ему нравилось выводить эту бестию из себя, кто б знал. Огонь в её взгляде приводил Адама в восторг. Мари была так похожа на него, что каждый шаг он заранее предугадывал. Именно! Эта девушка — его частичка. Что тут еще добавишь?

— Спокойно! И ты только на секунду задумайся, на что я иду ради тебя, если добровольно соглашаюсь на эшафот... Роба твоего брата и убийственное презрение во взгляде твоего отца... Мм... Вместо тысячи слов!

И тут она наконец — то не выдержала и рассмеялась, прижавшись щекой к его плечу.

— Я тебя ненавижу, Дарбинян.

— Я знаю, взаимно, Марианна.

— Всегда ненавидишь того, кто похож на тебя... — со вздохом подметила девушка.

Пару минут они сидели в абсолютной тишине. Наверное, обоих мучила мысль о том, что всё закрутилось слишком быстро. Это немного пугало, но Адам был готов принять ситуацию с достоинством. В конце концов, не всегда жизнь идет по твоему собственному плану. Пока что он получал от отношений с Мари только море позитива и кучу неопишуемых эмоций... и постоянное желание раздевать, обладать, подчинять. Последнее не удавалось осуществить в полной мере, но ведь и это исправимо? Так в чем проблема? Свадьба же не смертный приговор?

— Мы договорились? Прихожу к вашим? — тихо спросил он, до сих пор не выпуская её из объятий.

— Ты уверен в том, что потом не пожалеешь? Это уж чересчур всё грандиозно...

Черт, когда человек вот так отказывается от предложенного и ничего не просит, появляется такая жгучая потребность взять и отдать ему разом всё, что имеешь... По сути, она предоставляла ему свободу действий, и это то, чего не встретишь в современных девушках. Адама восхищала эта её черта.

— Марианна, ты забыла ответить на моё предложение, — шутливо напомнил он, оставив её фразу без ответа.

Она колебалась всего пару секунд, а потом потерлась о его колючую щеку, словно дразня. Он готов был поклясться, что у неё на лице играет заигрывающая улыбка — одна из тех, что всегда мгновенно распалили...

— Дарбинян, мне кажется, это лишнее. Злодеи никогда не дают права выбора... — её теплое дыхание обжигало изгиб шеи Адама.

— И то, правда... — прошептал он ей в губы и в следующую секунду впился в них, заставляя Мари убедиться в том, насколько он плох...

Если до этого момента он ещё верил в успех своей задумки, то после наступившей гробовой тишины его энтузиазм поугас. На него были направлены три пары ошарашенных глаз. Единственным человеком в комнате, сохранившим самообладание после сказанного, оставалась Мари, которая с волнением следила за действиями родных. Они с Адамом время от времени переглядывались, пытаясь подбодрить друг друга. Но обстановка не располагала к хорошему настроению.

— Можешь мне честно сказать, на что ты рассчитывал? — молчание нарушил глава семейства Асриян.

— На руку Вашей дочери. — Коротко ответил Адам.

Мхитар вскочил с места и кинулся к нему, но отец преградил ему путь и велел вернуться на место. Тот пытался быковать, но потом всё же подчинился.

— Без соблюдения элементарных правил приличия и традиций? Таким образом ты выказываешь ей и нам своё уважение? — вновь последовал вопрос от мужчины.

— Если Вы намекаете на моих родителей и всякие там подарки, то извините — я не в курсе, как это делается. А с родителями у меня временные трудности.

Это заявление только ухудшило ситуацию, поскольку глаза его наполнились яростью, а тон стал презрительным:

— Человек, у которого нет приличной работы, плохие отношения с родителями и, возможно, с законом — судя по слухам, которые о тебе ходят, вряд ли может для кого — то

стать достойным мужем. Особенно для моей дочери, которую я воспитал вразрез представлениям, вложенным в тебя твоим отцом.

А вот это заявление уже заставило вспыхнуть от ярости Адама. В воздухе теперь отчетливо ощущалось напряжение, готовое вот — вот перерасти в нечто катастрофически непоправимое.

— То есть? — процедил он, сдвинув брови.

— Тебе и это нужно объяснять?

— Уж потрудитесь. Я, кажется, не дорос до уровня Вашего интеллекта...

— Ты бы хоть для начала до какого — то уровня воспитания дорос, щенок! — взорвался мужчина. — О чем ты только думал, когда шел сюда?!

Сейчас Адам был не в состоянии ответить на этот вопрос. Внутри всё пылало от нанесенных оскорблений. Только побледневшее лицо Мари как — то сдерживало язвительные ответы, готовые сорваться с языка.

— Разговор считаю оконченным! Никогда не бывать этому, ты меня понял? — закричал он.

— Артур, успокойся! — вмешалась его жена.

— Ты ещё не понял, что тебе пора проваливать отсюда? — высокомерно вздернув подбородок, спросил его Мхитар.

Адам обвел присутствующих снисходительным надменным взглядом. Сборище деревенских выскочек. Ему явно здесь делать больше нечего. Какие бы чувства он ни испытывал к Мари, а терпеть унижения — это не в его духе.

Он круто повернулся и направился к выходу. Её брат пошел следом, словно пытаясь убедиться, что Адам действительно уходит, а не собирается где — то притаиться.

— И чтобы я тебя больше рядом с ней не видел, иначе ты рискуешь здоровьем.

Через мгновение послышался сдавленный женский крик. Семейство Арсиян, посылая в сторону Адама проклятия, кинулось к своему чаду, распластанному на полу в коридоре от мощного удара.

Он последний раз поднял глаза на Мари и, иронично усмехнувшись, мол, прости, я сделал всё, что мог, вышел из ненавистой квартиры.

Теперь его шансы быть с ней практически сведены к нулю.

* * *

«И встретились их глаза, а не губы: так они и расстались»

Брэм Стокер «Дракула»

* * *

Марианна.

Возможно ли разом лишит свету весь мир? Её собственный теперь казался именно таким — безликим, серым и абсолютно никчемным.

После такого фиаско Мари не в силах была даже думать об Адаме... Он испортил то немного, что у них было. Что мешало ему быть вежливее и немного подготовиться? А его поступок в конце? Зачем надо было бить Мхитара?..

Необдуманное поведение Адама привело к тому, что вся семья настроилась против Мари. Мхитар вообще не разговаривал с ней, мама время от времени бросала неодобрительные взгляды, цокая языком, а отец...отец просто резал по живому:

— Я разочарован, очень глубоко разочарован, — сказал он в итоге, — моя дочь и этот... негодяй!

Было видно, что ему трудно держать себя в руках. Сомкнутые в напряжении губы и сжатые кулаки свидетельствовали об этом. Отец и рад бы накричать на неё, наверное, но он никогда не умел причинять ей боль.

Мари закрылась в своей комнате и легла на кровать, направив взгляд на белый потолок. И что теперь? Желание придушить Адама перекрывало все остальные чувства. Как он мог так беспечно подвергнуть их отношения риску? Как посмел прийти сюда навеселе, словно здесь собрались его друзья, а не семья невесты, чью руку он просит?

Наоборот, своим поведением он добился того, что отец даже рассматривать не будет такую сомнительную кандидатуру... Кретин! Зачем было это затевать, если не знаешь, как себя вести? Мог бы попросить помощи у мамы...это ведь уважительный повод помириться! Но нет! Господин Дарбинян слишком горд! И плевать, что из — за его принципов они теперь отдалились...

«Боже, дай мне сил», только и молила Мари.

Под свои невеселые мысли она вскоре незаметно заснула. Снилось что — то неприятное, даже кошмарное. Неспokoйный сон прервал громкий стук в дверь. Мари вскочила и ошалело уставилась по сторонам, не в силах открыть глаза до конца. В следующую секунду зашел отец, чье лицо заметно осунулось.

— Извини, что разбудил.

Она лишь качнула головой и попыталась приличнее устроиться на кровати. Он взял ближайший стул и сел напротив.

— Я хочу, чтобы ты пообещала мне кое — что.

Его спокойный тон не предвещал ничего хорошего. Да и Мари уже догадалась, о чем пойдет речь. Сердце её обреченно наполнилось мукой. Что бы ни было, она не откажет отцу в его просьбе.

— Ты больше не будешь видеться с этим парнем.

Словно приговор, эти слова эхом отдавались в сознании. Вот и конец.

Она не могла вымолвить и слова. Просто смотрела на отца беспомощным взглядом. Его

глубокие янтарные глаза, в которые она так любила заглядывать раньше в поисках ответов, теперь стали для неё виселицей. Ему неинтересно, как сильно Мари любит Адама. Неинтересно, что творится у неё внутри. Он сказал то, что хотел. И у неё не хватит смелости не подчиниться. Папа — единственный человек, чьи слова она никогда не осмелится отвергнуть.

Не выдержав долгого молчания, он вдруг взволнованно заговорил:

— Ты потом поймешь, что я прав. Сейчас, может, ты вбила себе в голову, что у вас ним «любовь», — он особо выделил последнее слово, вложив в него ядовитый сарказм, — но потом убедишься, что с пропащим человеком у тебя нет будущего. Ты же сама видела, что он не умеет себя вести. А это только начало...

Горечь разливалась по венам Мари. Она прекрасно понимала, что по большей части папа прав. Адам не изменится. Даже ради неё. Он сегодня это наглядно показал. Да ей и не нужны были какие — то изменения. Ей хватило бы и толики уважения к её семье... Чего он не в состоянии был сделать.

— Мари, ты меня поняла?

— Да. — Охрипшим от волнения голосом произнесла она.

Отец удовлетворенно кивнул. Встав, он убрал стул и направился к двери. Мари молча наблюдала за его гордой походкой. Как хотелось ей всегда быть похожей на него и ни при каких обстоятельствах не терять стойкости духа...

Вдруг, взявшись за ручку, он застыл, а потом медленно повернулся и направил на неё смущенный взгляд:

— Ты и Мхитар... Вы — моя единственная слабость. Кем бы человек ни был в жизни, если у него есть дети, — он очень уязвим. Только они способны поставить его на колени, уничтожить своими словами или поступками. Понимаешь меня? Если бы ты пошла против меня, Мари, я бы не пережил этого удара. Не пережил бы.

А потом он тихо вышел, оставив её наедине с этими громкими словами. Как после такого можно пойти против человека, который вложил в тебя душу?..

Увидев на следующий день Адама перед университетом, Мари ничуть не удивилась. У него в руках был шикарный букет красных роз. Она бы улыбнулась. Если бы могла.

Когда он потянулся к ней, чтобы обнять, девушка резко отстранилась. В его глазах она заметила промелькнувшее понимание. Мол, ничего другого от тебя я и не ожидал.

— Ну, хотя бы цветы примешь? День рождения всё же.

Его насмешливый тон ранил её. Такое ощущение, что Адам пришел добить остатки самообладания, которые кое — как сохранились у Мари после вчерашнего происшествия.

— Ты смешон.

— Стараюсь соответствовать, — съязвил он в ответ.

— Нам не стоит больше видеться, Адам.

Она с трудом произнесла эти слова. Они, словно змеи, сдавили её горло.

— Что ж, я ни капли не удивлен этому заявлению. Тебе хорошо промыли мозги.

— Ты себя слышишь? — не выдержала Мари, и её голос сорвался. — Ты сам всё испортил, и не надо перекидывать вину на остальных!

Адам неожиданно выкинул цветы на белый снег, абсолютно не жалея их. Этот демонстративный жест ещё больше распалил Мари.

— Вот! Лишь бы показать свой характер! Если бы ты включил голову и был уважительнее, всё пошло бы хорошо!

Его неприятный металлический смех будто оглушил её.

— А ко мне уважение, значит, проявлять не надо было?

— Ты его не заслужил!

— Полегче, девочка, — прорычал Адам, надвигаясь, — ты уже нарываешься на грубости.

— Не надо меня пугать. Думаешь, после вчерашнего я в состоянии чего — то бояться? Ты не то, что себя, — ты меня опозорил и подвел перед родителями. Теперь они думают, что человек, которого я люблю, полное ничтожество.

— Мари! — угрожающе прошипел он.

Но она не могла остановиться:

— Ты мог бы постараться быть немного другим ради того, чтобы у нас был шанс на нормальные отношения! Но ты этого не сделал!

— Быть другим? Перед кем? Твоим отцом и братом, которые с самого моего первого шага смотрели так, будто я какой — то слизняк? Ради чего?

— Ради меня! — застонала в отчаянии Мари.

— Даже ради тебя я не стану прогибаться перед кем — то.

Было очень больно слышать это. Её глаза моментально потухли. Она как — то разом взяла себя в руки и теперь уже спокойно произнесла:

— Хотела бы я сказать, что ненавижу тебя. Но это ложь. На самом деле мне тебя просто жаль. А это хуже ненависти или презрения. Ты неспособен на настоящие мужские поступки...

Он не дал ей договорить. Звук звонкой пощечины разорвал воздух. От удара его ладони корпус Мари невольно крутануло. Она понимала, что ему невыносимо это слушать, поэтому Адам и делает ей больно, чтобы заставить замолчать. Глаза её наполнились жгучими слезами. Гордыми слезами. Но она не дала им пролиться. Мари окинула его изучающим взглядом. В глазах Адама горела испепеляющая ненависть. Челюсть была сжата так, что на шее отчетливо пульсировали вены, не выдерживая этого напряжения. «Убью» — так и читалось во всем его виде.

— Да пошла ты... — процедил он сквозь зубы.

Есть выражение «убить взглядом». А здесь человек просто убил интонацией голоса — режущей, стальной, острой.

Мари сделала пару шагов и растворилась в сумерках, оставляя человека, которого любит больше жизни, потому что потеряла желание бороться за него. Та короткая пара месяцев, что наполнили её существование каким — то особым смыслом, подошла к концу.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось.

С днем рождения тебя, Марианна.

* * *

«...Мягкие знаки мы путаем с твердыми —

И не прощаем ошибок любимым.

Тайно страдаем от собственной гордости,

Веря, что сами мы непогрешимы...»

Неизвестный автор

* * *

Наши дни, год 2014

Адам.

Даже кусок не лез в горло, настолько он был зол. Естественно, рано или поздно эта встреча должна была состояться, но Адам не ожидал увидеть Марианну сегодня. Признаться, ему и в голову не могло прийти, что бывший сосед мог жениться на Лилит. Саркис еще неделю назад пригласил Адама на день рождения сына, когда они случайно встретились у входа в банк. Было приятно увидеть старого приятеля, хотелось поговорить подольше, но времени не было. А праздник стал отличным поводом.

Да, стал отличным поводом разворошить прошлое, почувствовать болезненные импульсы старых ран, это бессилие перед чувствами.

Его потрясло её присутствие. На какой — то миг показалось, что он бредит. Мари была так близко, но одновременно — запредельно отдалена от него.

Она до сих пор носит очки. Глаза, как и прежде, кажутся огромными сканирующими устройствами, от которых раньше хотелось спрятаться подальше. А теперь хочется смотреть и смотреть в них в поисках ответов на многочисленные вопросы.

Кто она теперь?

Замужем ли?..

Помнит о нем?

Или её уже не интересует то время, когда они были вместе?..

При этой мысли Адам насмешливо хмыкнул. Даже если не помнит, он обязательно поможет ей вспомнить.

— Ну, рассказывай! Наконец — то я смог вырваться к тебе. — Саркис перевел дух и присел рядом.

— Я — то что, всё слишком скучно. Давай начнем с тебя, когда ты успел жениться?

— Два года назад, тебя уже точно не было в городе, я видел твою маму, она сказала, что ты пробуешь силы в столице. Почему же вернулся? Соскучился по Ростову?

— Вроде того... — Адам улыбнулся. — А твоя жена, как вы познакомились? Мне кажется, вы очень разные.

Он не стал упоминать о том, что прекрасно знает Лилит. И именно по этой причине задал последний вопрос. Лилит и Саркис были настолько разными, что их брак казался Адаму невероятным.

— Так и есть, ты отличный психолог! — улыбнулся Саркис. — Мы познакомились через Марианну, её подругу. Она моя коллега в университете.

— То есть?

— Мы с Мари работаем на разных кафедрах в университете. Она ассистент на кафедре

физики, собирается поступать в аспирантуру, но уже в Москве. А я уже несколько лет работаю на кафедре социологии.

Адам просто не поверил своим ушам. Марианна...преподаватель? О, Боже, сколько же изменений прошло за это время? Она, такая взбалмошная, неконтролируемая, нетерпеливая...и преподаватель?

Хотя, с другой стороны, что он знал об этой стороне её жизни? Два коротких месяца отношений прошли так бурно, что им даже не довелось поговорить о планах на будущее. Может, это всегда было целью Мари?

— Как — то я заскочил к Мари на кафедру — как раз помочь в каком — то вопросе насчет поступления. И там сидела Лилит. Мы разговорились, и, наверное, именно с тех пор вместе. Марку сегодня исполнился уже год.

— И ты счастлив? — неожиданно для самого себя спросил Адам.

Надо было видеть, как заблестели глаза Саркиса. Странно, но в душе появилась некая доля зависти. Они ровесники, обоим по 28, но у одного уже есть семья, ребенок и любимая работа. А у него самого нет даже и малейшего представления, чего хочется от жизни.

На ум моментально пришло одно прелестное личико. Ответ напрашивался сам собой. Как бы Адаму хотелось встряхнуть голову и отвести эти мысли, сказать самому себе, что Мари больше не волнует его, но...чувство злобы и какой — то потребности в ней не убывали.

— А чем ты сейчас занимаешься? — прозвучал ответный вопрос.

— Тем же. Планирую поднять клуб на высокий уровень. Добавить кое — то по — взрослому.

Саркис весело рассмеялся и хлопнул Адама по плечу.

— Ты ничуть не изменился. Я представляю, что означает «по — взрослому».

— Да, то и означает. Интим — зона, стриптиз.

— И как реагируют твои родители? Насколько знаю, вы ссорились по этому поводу. Правда, мы уже давно не соседи, но, думаю, я не ошибся, когда сказал, что ты ничуть не изменился.

— Откровенно говоря, я не стал посвящать их в свои планы. Главное, что приехал — это единственное, что их волнует.

Он не врал, когда говорил об этом. Его родители действительно были рады приезду единственного сына, которого всегда просили вернуться. И никого теперь не интересовал род деятельности Адама, уже давно не имело смысла спорить с ним по этому поводу.

Пока они разговаривали с Саркисом, мужчина несколько раз замечал Марианну, спящую из одной комнаты в другую. Квартира была достаточно маленькой, и шум, создаваемый гостями, уже начинал действовать на нервы. Да еще и эти назойливые мысли о девушке в соседней комнате... Очень хотелось курить. Адам обвел взглядом гостиную в поисках пепельницы, но безуспешно. Видимо, в помещении не курили из — за ребенка. Он поинтересовался, как пройти на балкон и вышел в коридор. Повсюду были люди, о чем — то увлеченно разговаривающие. Удивительно, как могла такая толпа поместиться в двух комнатах?

На балконе, к счастью, никого не оказалось. Адам достал сигарету и с наслаждением закурил. Хотелось собраться с мыслями и подумать о дальнейших действиях. Они не случайно сегодня встретились. Это было его самым большим желанием — увидеть её. Зачем? Чтобы сделать как можно больнее, возвращая прошлые долги. Её последние слова в

тот день...жалость, презрение — что это было? Кажется, она сказала, что Адам не мужчина?..

Он сильнее зажал сигарету между пальцами и злобно уставился на дым. Каждый раз воспоминания об их последней встрече вызывали в нём желание убивать. Первобытное, неконтролируемое, заполняющее все уголки разума. Мари его унизила своим отношением. Предала то, что между ними было, потому что так хотела её семья. Адам в этом ни капли не сомневался. Она была чертовски права, когда говорила о своих родителях, не дававших ему покоя до сих пор. Деревенские выскочки...обвиняли его в непорядочности, уверяя, что их «святая» дочь достойна лучшего. Интересно, что бы они сказали, узнав о давно потерянной невинности той же «святой» дочери?

Кажется, его понесло не в ту степь. Этого Адам точно никогда не сделает, не настолько он низок. По крайней мере, нужно оставаться благодарным за минуты наслаждения в её объятиях.

Сигарета была выкурена, но успокоения не принесла. После сегодняшней встречи это состояние станет для него привычным. Точно так же он чувствовал себя и три с половиной года назад, в самые тяжелые свои дни, когда пытался забыть её вкус...

Дверь распахнулась, и внезапно вошла именно Марианна. Увидев его, она остановилась в ступоре.

— Я думала, ты уже уехал. Не знала, что ты здесь.

— Привыкай, мы теперь будем сталкиваться очень часто. И в самых разных местах.

Глаза девушки вспыхнули, но она ничего не ответила. Молча прошла к маленькому столику, на котором стоял праздничный торт. В руках у неё была свеча в виде цифры «1». Мари воткнула её в центр и попыталась зажечь с помощью спичек. После того, как третья попытка провалилась, она растерянно взглянула на коробок и чертыхнулась.

Всё это время он разглядывал её, отмечая перемены — красивое платье, оголённые ножки в нежных туфельках, аккуратный маникюр, высокая причёска... Она стала привлекательной женщиной, умело подчеркивающей свои достоинства. От подросткового стиля ничего не осталось. Что — то внутри неприятно заныло... Будто с приобретенной красотой девушка стала ещё дальше, увеличила пропасть между ними.

Адам подался вперед и зажег свечу зажигалкой, неотрывно наблюдая за её реакцией. Мари не хотела поднимать глаза. Напряжение вновь начало возрастать. Девушка, было, потянулась к тарту, чтобы уйти, но в то же мгновение оказалась в кольце сильных рук.

— Не надо! Оставь меня! — прошипела она, вырываясь.

Его ладонь, лежавшая на её спине, ощущала исходивший от тела жар через тонкую ткань платья. Один Бог знал, какие чувства и воспоминания вызвало в нем это прикосновение. Если бы они были одни, Адам бы точно не сдержался. Её вкус...неповторимый и сладкий. Сколько раз он пытался найти тот же вкус у других женщин?

— Что, совсем не скучала по мне? — он оскалился, пытаясь удержать девушку крепче.

— Скучала, конечно! Мне же больше делать нечего! Отпусти, мне надо идти!

— Маленькая сучка. Я еще заставлю тебя укоротить свой ядовитый язычок!

Мари насмешливо улыбнулась и иронично произнесла:

— Старые угрозы. Ничего нового не смог придумать? Кажется, ты не раз пытался это сделать, но, — увы!

Как же ему хотелось задушить её прямо здесь! Заставить эти бесстыжие глаза и милый ротик просить прощения, каяться...

— Я почему — то уверен, что в этот раз у меня всё получится...

Произнеся эту фразу, Адам просто впился в её губы, прижимая тело девушки к себе. Жесткий, беспощадный поцелуй вернул обоих в прошлое, воскрешая в памяти вечную борьбу, что они вели между собой всегда.

Она была невероятно вкусной. Ему хотелось испить её до доньшка. Адам всегда удивлялся этому факту — какая — то девственница свела его с ума настолько, что после неё ни одна искушенная красавица не могла доставить ему желаемого удовольствия. Он всех сравнивал с ней. Тонул в этом безумии. Погряз в потребности обладать ею.

На секунду мужчина отстранился и резким движением убрал очки с её лица.

— Черт возьми, как же они меня бесят!

Она была настолько ошеломлена поцелуем, что не смогла вымолвить ни слова. Это на долю секунды удовлетворило его эго. Вот пусть так будет всегда, пусть эта бестия знает своё место.

Не давая ей опомниться, Адам вновь приник к её губам, но на этот раз не спеша. У этих губ был вкус разлуки и предательства. Он сам обрек себя на гибель, наслаждаясь этим сладким ядом. И даже под угрозой смерти Адам не отказался бы от них...

— Как же я тебя ненавижу... — прошептал он ей на ухо, закончив поцелуй.

Его дыхание касалось мелких прядей её волос у виска, заставляя их шевелиться. Адам поднял руки и обхватил голову Мари руками, чтобы та смотрела ему прямо в глаза.

— Такая чужая, и не скажешь, что была когда — то моей... Что целовала мои плечи, шепча какие — то нежности... Кричала от наслаждения в моих объятиях...

Глаза цвета шоколада наполнялись мукой от каждого его слова. Может, ей неприятно вспоминать?

— Вижу, не забыла. И обещаю, что мы это еще повторим.

Вдруг он почувствовал резкую боль в паху и отпрянул, согнувшись пополам.

— Ты ненормальный и жестокий псих, повернутый на себе! Извращенец, озабоченный только одной темой! Прошлое осталось в прошлом, и эту ошибку я больше не совершу. Держись от меня подальше!

Подняв очки с пола, Мари вернула их на прежнее место и, больше не удостоив его взгляда, схватила торт, ногой подтолкнув дверь.

Адам улыбался. Будь он проклят, если не выполнит каждое своё обещание.

Этот клуб, за появление которого он очень многое отдал, в развитие которого вложил столько сил, теперь стал одним из самых популярных мест в городе. Впервые за три года Адам вошел через главный вход и остановился, засунув руки в карманы, разглядывая обстановку. Улыбка тронула его губы. Он гордился. Гордился собой и каждым, кто внес свою лепту в становление его детища.

Несчетное количество молодежи вокруг двигалось в такт музыки, полностью отдаваясь ритму. Они были похожи на сумасшедших. И ему так нравилось наблюдать за этим. Адам и сам еще совсем недавно вёл себя точно так же — любил провести время в ночных заведениях, наслаждаясь жизнью и откладывая на потом все риторические вопросы. Сейчас он немного изменился, но этот шум, этот будоражащий аромат молодости продолжали веселить его.

К нему подошел администратор и предложил присесть за лучший стол. Они были знакомы не так давно, персонал поменялся за то время, пока его не было. И со всеми Адам впервые увиделся только после приезда несколько недель назад.

— Проблемы с вентиляцией уже решены, Артем? — спросил он, устроившись в удобном кресле.

— Завтра утром должны отправить человека, я договорился.

— Хорошо. Принеси мне бутылку коньяка.

Сколько бы ни прошло, предпочтения его останутся прежними.

Почти час он просидел, наблюдая за танцующими и заряжаясь этой энергией. Она ему сейчас была очень нужна. Только это отвлекало от мыслей о ней...

Его наваждение...мгновенная вспышка, осветившая жизнь, а затем бесследно растворившаяся в этой рутине. Марианна... Кто скажет, сколько раз Адам осекался, называя разных девушек этим именем? Злился, что он, взрослый парень — тогда, а теперь — мужчина, не может контролировать себя. Это же смешно.

Любовь?.. Разве она бывает такой? Если бы это была любовь, он относился бы к ней иначе. Может, пытался бы вернуть. Может, просто дорожил бы воспоминаниями.

Но Адам не чувствовал ничего подобного. Наказывать! Вот чего ему хотелось. Подчинять, ломать и властвовать. Выветрить эту её дикость, заставить покориться. Это то, что он хотел сделать с Марианной. Потому что иначе быть не могло! Должно же это безумие когда — нибудь закончиться!

Более двух лет назад Адам просто сбежал, надеясь, что это поможет ему забыть о ней. Жил у двоюродного брата в Москве, прожигал с ним жизнь, исследуя прелести одного клуба за другим... Разврат, алкоголь, даже дурь... Всё успел испробовать в надежде забыться. Но и в объятиях самой красивой девушки, и под самым высоким градусом, и под влиянием травки — этот образ не отпускал его.

Адам стал ненавидеть Мари и всё, что с ней связано. Что за магия, что за колдовство привязали его к этой бестии? Больше всего на свете ему хотелось стереть её имя из своей жизни, чтобы вернуть прежнего себя.

Но она глубоко задела Адама. Сидела где — то внутри, не давая забыть ни на мгновение, что является единственной, кто смог дотронуться до его сердца. Единственной, кто относился к нему так, словно он что — то значит. Сам по себе. Без денег, статуса... Без подарков, ласк, нежностей. Всего того, чем обычно интересовались другие.

Он ненавидел её за эту способность быть уникальной, непохожей на весь остальной гребаный мир.

Ненавидел за то, что она не принадлежит ему...

* * *

«— Но разве вы не думаете, — настаиваю я, — что лучше недолго быть невероятно счастливым, даже если потом это теряешь, чем жить долго и не испытать подобного?»

Одри Ниффенеггер «Жена путешественника во времени»

* * *

Марианна.

— Сегодня я точно не удержусь — съем тебя! Ты такой сладкий!

Она укусила Марка за пухлую щечку, наслаждаясь детским смехом. Этот ребенок был ей настолько дорог, словно являлся не крестником, а сыном. С самого первого дня его рождения Мари была рядом, удивляясь дикой потребности в малыше.

— Бросила нас твоя мама? Бросила? — сюсюкалась девушка, ловя его внимательный взгляд. — Сегодня ты останешься у своей любимой крестной? И зачем нам твои родители? Правильно!

Лилит и Саркис были приглашены на свадьбу. У них не возникало вопроса, с кем оставить сына. Если бы они отдали Марка на этот вечер кому —нибудь из родственников, Мари бы не пощадила их. Да и потом, почти вся семья Сако тоже присутствовала на торжестве. Оба родителя ни разу за всё это время даже не позвонили, чтобы поинтересоваться, как их чадо. Потому что знали, что Мари прекрасная няня и не спустит с него глаз ни на минуту.

— А теперь идем баиньки? Да, моя вкусняшка?

Под протест маленького мужчины Мари отправилась в спальню и аккуратно устроила его на своей кровати, одеялом соорудив кольцо вокруг него, чтобы этот барьер помешал ему перекатиться и упасть в случае чего. Спустя двадцать минут непрерывных разговоров, пения и нежных поцелуев малыш крепко заснул с соской во рту. Девушка убедилась, что он хорошо укрыт, лежит правильно, и осторожно вышла, выключив свет.

Впереди её ждала бессонная ночь в компании трёх диссертаций, которые ей было велено проверить и исправить ошибки. Мари знала, что до утра точно не оторвется от ноутбука, поэтому удобно устроилась на диване, припася рядом бутылку сока и пакетик с круассанами. Что греха таить, она до сих пор не любила готовить. Здоровой пищей питалась только дома у Лилит, или же в те дни, когда к ней приезжали родители.

С Мхитаром они живут отдельно уже год. Брат женился и в скором времени ждал пополнения. Вопреки ожиданиям Мари, его жена оказалась очень даже современной девушкой, и, что ещё более поразительно, — сотворила с её братом какие — то невероятные метаморфозы. Куда — то делась его холодность — он стал похож на нормального человека, не стыдящегося проявить свои чувства. Исчезли какие — то разговоры о морали, которыми он любил доставать Мари, когда они жили вместе. И самое главное — появилась искорка в его глазах, которую сестра всегда мечтала увидеть.

Родители настояли на том, чтобы оформить ипотеку на свои сбережения. Должна же дочь в этом возрасте иметь жилье, а не скитаться по съемным квартирам. Мари была так благодарна им за этот шаг. Она обещала, что остальную сумму выплатит сама, даже если

придется работать день и ночь. Слава Богу, на работу жаловаться не приходилось. Уже давно именно тот самый строгий преподаватель, Аверьянов, взял её под своё крылышко, и больше двух лет Мари работает на кафедре. Конечно, платят очень мало. Но к этому добавляется её стипендия и различные премии, незначительные гранды, которые девушка успевает получить в процессе научной деятельности. А вскоре её ожидает аспирантура в Москве.

Жизнь была налажена.

Налажена.

Ничего более. И это острое ощущение чего — то недостающего усилилось после бейбибума, возникшего вокруг неё.

Лилит вышла замуж, родила чудо.

Мхитар женился, ждет чудо.

Авет, с которым они поддерживали связь, тоже давно женился и наслаждается двойным чудом — у него близнецы — дочурки.

Да и вообще, её сверстницы, родственники, знакомые — почти у всех уже были дети.

Скоро ей исполнится 24. И никогда так остро она не чувствовала пустоту в душе. Мысль о том, что её цели и стремления оказались не тем, что на самом деле нужно человеку для счастья, просто уничтожала.

Ещё больше угнетало осознание того, что Мари просто неспособна выйти за кого — либо замуж. А уж о рождении ребенка и речи не могло идти. Эта тема стала камнем преткновения в её отношениях с родителями. Они давили на неё после каждого отказа потенциальному жениху. Сейчас, когда Мари добилась определенных успехов, немного изменилась внешне, её стали замечать мужчины. Какие — то папины друзья, мамнины подруги вдруг стали подсовывать своих сыновей, пытаюсь решить судьбу двух одиноких людей. Никому из них девушка не давала и единого шанса.

— Я не хочу верить в то, что ты из — за этого негодяя продолжаешь ставить на себе крест, — однажды сказал ей отец.

Мари это задело.

— Извини, но это вы дружно поставили крест, когда не дали ему возможности доказать, что он другой. Вы решили всё за меня. И теперь не жалуйтесь. Я смирилась. А если я этс смогла сделать, то вам вообще не о чем говорить. Я обещала тебе. Я исполнила это обещание. А ты в ответ просто не трогай меня.

Очень грубо она пресекла дальнейшие попытки поднять эту тему. Позже Мари пожалела о том, что была так резка с отцом. Сколько бы он ни злился, сколько бы ни пытался что — то изменить — она была непреклонна. Факт остается фактом — девушка винила себя и свою семью в том, что теперь лишена права быть счастливой в полной мере.

Ну не существует другого варианта! Не существует! Почти 20 лет уже прошло, а её чувства к Адаму остаются неизменны. Он единственный, в ком видела Мари своё счастье.

Которое сама же и упустила, не имея сил пойти против воли семьи.

Только позже девушка стала осознавать, что её обвинения в сторону Адама были всего лишь попыткой оправдать себя. Если говорить честно, она прекрасно знала, как к затее любимого отнесутся родные... Просто на какой — то миг поверила в реальность хорошего исхода.

«Не ври себе, Мари», часто заявлял внутренний голос. Она ведь знала, какой Адам. Принимала его таким. И никогда не требовала измениться. Просто остальные не хотели видеть в нём положительные стороны. И она поддалась мнению этих остальных...

Длительное время Мари жила с мыслью о том, что Адам где — то рядом. Что в любой момент она может его встретить на улице. Увидеть с другой. Задышалась от страха заметить в глазах любимого мужчины равнодушие. После того, что между ними было, это стало бы для неё равносильным гибели. Девушка избегала все места, улицы, даже пути, где имелась хотя бы малейшая вероятность встретить Адама. Избегала свою любовь, замкнувшись, не давая волю эмоциям. Быть сильной. Только это требование она предъявила себя после расставания. И даже ни разу не заплакала за это время...

Пока спустя полтора года не услышала о том, что он уехал из города. Как — то разом мир рухнул для неё. Казалось, Мари упустила что — то очень важное в своей жизни. Потеряла кусочек сердца, перестала быть полноценной. В этот день она вернулась домой, словно в трансе. Затем зашла в комнату и рухнула на колени прямо у порога...

Слёзы. Жгучие, искренние, горькие слёзы. Она плакала, наверное, впервые в своей сознательной жизни, за исключением той ночи с Адамом, но те слезы были реакцией организма, если так можно сказать... Даже в день их последней встречи Мари не позволила этим предательским каплям пролиться из глаз. Сдерживала свои переживания. Но теперь... Она кусала ладони до крови, чтобы её крик отчаяния не вырвался наружу. Чтобы никто не стал свидетелем этой слабости. Мари была разбита вдребезги. Если до этого в ней жила надежда на то, что когда — нибудь они смогут простить друг друга, то сейчас была уверена, что всему настал бесповоротный конец.

Адам уехал... А её душа опустела. Она была уверена, что это окончательно... И пыталась жить с этой отравляющей мыслью последние два года...

Что сказать, спустя более трех лет, когда Мари увидела его на празднике Марка, пошёл обратный процесс. Что — то внутри щёлкнуло, ожило. И действительно хотелось броситься на шею любимого и признать свои ошибки. Но его надменность...эта злоба в глазах, ненависть в голосе... Адам дал понять, что не собирается её возвращать. Он хочет мстить. Причинить боль за то, что Мари осмелилась сделать с ним тогда. А именно — отказаться от него, высказать сомнения в том, что он мужчина...

Даже обычному парню было бы тяжело такое простить. А что уж говорить о гордости Дарбиняна, который и так пошёл против себя, когда пришел просить её руки у отца, своим поступком показывая, как Мари ему дорога...

Не простил. Он её просто не простил за это и не собирается прощать. Адаму хочется сделать ей больно. Ему и невдомек, что боль давно стала частью её самой.

Зайдя в аудиторию, Мари даже не подняла головы. Кинув на ходу негромкое «Здравствуйте. Садитесь», она подошла к массивному столу, который стоял прямо перед длинной доской. Удобно расположив свои записи, ежедневник и пару учебников, девушка сняла пиджак и повесила его на стул. Среди студентов, как обычно, стоял небольшой шум. Мари не обращала на него внимания, листая учебник в поисках нужной темы.

— Итак, сегодня еще раз поговорим о модели Дебая. Часть лекции уделим повторению этой темы. Вторую часть посвятим электронной теплоёмкости металлов.

Девушка взяла мел и подошла к доске, быстро выводя нужную формулу. На мгновение она остановилась и повернула голову назад, обращаясь к студентам:

— Кстати, я отправила вам на общую почту файл с вопросами к экзамену. Вы его просмотрели? Есть какие — либо темы, которые вы хотите освежить до сессии?

— А можно ещё раз пройтись по основным моментам строения и возбуждений состояния молекул? — послышалось в ответ. — Мы её как — то быстро перескочили. Ну,

просто чтобы знать, какую конкретную информацию нужно давать в ответе на экзамене.

— Хорошо, — кивнула Мари, продолжая записывать формулу и, не поворачиваясь к аудитории, продолжила:

— Ещё что —нибудь?

— Да, конечно! — оповестил низкий мужской голос, заставив её остолбенеть. — Можно подробнее про эти возбуждения?

Аудитория начала хихикать.

Она хотела быстро развернуться, чтобы видеть его. Но в следующую секунду зацепилась каблучком за кусок торчащего линолеума и грохнулась на пол. Сделав тщетную попытку за что — то ухватиться, Мари удалось лишь оставить за собой на доске тонкую меловую линию, которая тянулась вниз и продолжалась по стене до самого плинтуса. Хотя, этого никто не мог видеть, потому что огромный стол скрывал и кусок стены, и её саму, распластанную в позе пьяной морской звезды.

«Ах ты гравитация, бессердечная ты сука».

Слова Шелдона («Теория большого взрыва») были первым, что она вспомнила в этот роковой момент. Затем спохватилась и быстро поднялась на ноги, оценивая нанесенный ей ущерб. Это и стыд перед студентами, и пряди волос, выбившиеся из аккуратного пучка на затылке, и ноющая лодыжка.

Но эти беды не шли ни в какое сравнение с её эмоциональным потрясением, когда на средних скамьях она безошибочно отыскала лицо Адама за долю секунды. Что, черт возьми, он здесь делает?!

Девушка впиалась в него своим яростным взглядом, пытаясь испепелить за то, что тот стал невольной причиной этого нелепого инцидента.

— Простите, Вы, часом, не ошиблись аудиторией? — процедила она сквозь зубы, пытаясь не обращать внимания на смешки среди учащихся.

Этот нахал ответил ей коротким жестом поднятых вверх бровей, мол, да что вы говорите, а затем откинулся на деревянную спинку, издевательски приподняв уголки губ.

— Ну? — рявкнула Мари.

— Это разве не лекции по атомно — ядерной физике? — наконец проговорил он лениво.

Девушка лишь кивнула, не в силах говорить. Она и так стала посмешищем для окружающих, ещё и психует тут, повысив голос.

— Ну, значит, нет, я не ошибся.

— Как Вы сюда попали? Я не помню, чтобы у меня был такой взрослый студент!

— А я перевелся из Москвы. Вчера поступил сюда. Адам Дарбинян. Будем знакомы...

Господи, дай ей сил! Не может же Мари взять и совершить убийство на глазах своих же студентов! Как выйти из этой ситуации, оставаясь хладнокровной?!

— Мне кажется, Вы что — то путаете...Адам. Меня никто не известил, что в группе какие — то изменения. Думаю, Вам лучше выйти, потом мы сходим к декану и обговорим этот вопрос.

В её глазах светилось предупреждение. Если Адам не выйдет прямо сейчас, то Мари, не раздумывая ни секунды, кинется к руководству, чтобы выяснить правду. Хотя, она и не сомневалась, что он блефует. Этот человек пришел сюда с целью вывести её из себя.

— Хорошо — хорошо, — вдруг встал мужчина, подняв руки вверх в знак капитуляции, — я уже ухожу. Не думал, что Вас это так...мм...встревожит, Марианна

Артуровна!

Пока этот наглец спускался вниз по ступенькам к выходу, Мари пыталась взять себя в руки и не повестись на его провокацию. Что значит «встревожит»? Да это был целый взрыв!

— Пожалуй, подожду Вас за дверью, — услужливо улыбнулся он напоследок, поравнявшись с ней.

Мари лишь сузила глаза, через стекло очков пытаясь превратить его в прах.

Когда лекция подошла к концу, и помещение опустело, она всё так же продолжала сидеть, не имея никакого желания выходить и встречаться с ним лицом к лицу. Опыт показывал, что это приведёт только к беде.

Но, это не могло длиться целый день. И девушка, собрав свои вещи, направилась к двери, прихрамывая на одну ногу. Она испустила вздох облегчения, когда не нашла Адама в коридоре. Чего и следовало ожидать — он свою миссию исполнил, вывел её из себя, и теперь со спокойной душой ушёл восвояси.

— Я слишком долго выстраивала свою идеальную жизнь, чтобы он в одно мгновение одним своим появлением всё разрушил! — негодовала Мари, расхаживая по комнате.

Лилит молча следила за ней, уплетая какие — то печеньки.

— Ты ничего не хочешь сказать?! — взорвалась девушка. — Обычно ты меня поддерживаешь, всегда говоришь, что он никогда не был достойным меня! И хватит хrustеть! Почему ты всё время ешь?!

— Будь добра, чуть — чуть понизь звук, Марк спит, — спокойно ответила та.

Мари услышала подозрительный звук и взглянула на подругу. Да быть не может! Она еле сдерживает смех, поджимая губы!

— Блин, Лилит! От тебя никакого толку!

— Прости, прости... Просто ты такая смешная! И такой бурной я тебя не видела очень давно... Года, так, три — три с половиной.

Мари на секунду остановилась, глядя прямо перед собой. До неё медленно доходил смысл сказанных слов.

— Хочешь сказать, моя прежняя сущность возвращается?

— Да, чёрт бы побрал Адама! Ты опять зажглась, как только он появился в твоей жизни.

Ну, допустим. Это всё равно ничего не меняет. Мари махнула рукой и продолжила мерить комнату шагами. Сомнений в том, что Адам собирается довести её до инфаркта, у неё не было. Его маниакальная потребность вытрясти из Мари душу уже не казалась безобидной. Он настойчиво, с особой тщательностью и продуманностью мелких деталей в течение целой недели заставлял её врасплох своими внезапными появлениями в тех местах, где бывала она. Будь то её любимая кофейня, какой — то совершенно случайный поход в магазин или же пары в университете. Адам был везде, и теперь девушка не сомневалась в том, что он следил за ней. Делал это специально, чтобы посмотреть на её реакцию. И за всё время не проронил больше ни слова. Вот просто возникал перед ней, улыбался как — то странно, хищно — даже сказала бы она, а потом — бух...и его опять нет.

— Понч... — позвала Лилит.

Мари повернулась к ней.

— Иди, сядь, — подруга похлопала по дивану, указывая на место рядом с собой, — иди сюда.

Девушка повиновалась. Устроившись, она положила голову на плечо Лилит и сняла очки, сжав пальцами переносицу.

— Мои мечты сбываются. Я хотела поступить в университет, окончить его, поехать в аспирантуру... посвятить себя практической физике. И ступенька за ступенькой добиваюсь этого. У меня хорошая работа, я живу в своей квартире, пусть и взятой в ипотеку. Идеально. Я достигла того, чего хотела на данный момент. Мои родные живы и здоровы, и в жизни не происходит ничего ужасного...

— Но ты чувствуешь себя паршиво, и у тебя ощущение, что тебя окутало одиночество. — Закончила за неё Лилит, обняв подругу за плечо.

Мари молча закивала в знак согласия. Что тут ещё добавить.

— Ты очень изменилась с тех пор, как Адам исчез из твоей жизни. Нет, не замкнулась. Но вместо твоего огня я видела сдержанность. Во всём, что ты делала или говорила, читалась недосказанность.

— Ты никогда мне не говорила о том, что я изменилась, — с ироничной усмешкой произнесла Мари в ответ, — об этом только папа всегда твердил.

— А смысл мне об этом говорить, Мари? Ты разве сама не заметила, как погасла? Давай будем говорить откровенно. Как бы мне ни нравился Адам, в нём я вижу прежнюю тебя. Стоило ему только появиться — у тебя загорелись глаза.

— Я знаю, знаю, Лилит.

Мари повернула голову и взглянула на подругу, ища утешения в её глазах:

— Что мне делать? Я его обидела. Он меня обидел. Мы всегда друг друга обижали. Но на этом свете вряд ли найдется ещё два таких же мазохиста, которых тянет друг к другу испорченным магнитом — два одноименных полюса никогда не притянутся в обычной жизни.

— Вывод: хватит с этим бороться и слушать окружающих. Если тебе с ним хорошо — прекрасно. Мы все это примем.

Мари вскочила на ноги и во все глаза уставилась на подругу. А потом вытянула руку и указала пальчиком на пачку печенья в потрясении:

— Я поняла! Вот почему ты много ешь и говоришь какие — то глупости!.. Мать моя — женщина! Ты беременна! Вот почему ты такая ненормальная!

Лилит запрокинула голову и громко расхохоталась, совершенно забыв о спящем в соседней комнате ребенке.

— Ты сумасшедшая, Мари!

— Но я права?! — допытывалась девушка, лицо которой озарила счастлива улыбка.

— Права, права! — сдалась Лилит.

Мари бросилась к ней и принялась душить в своих радостных объятиях. Спустя какое — то время, когда они вдоволь насмеялись этой внезапной эмоциональной вспышке с её стороны, подруга вдруг произнесла:

— Мы все должны извиниться перед тобой за то, что были такими эгоистами. Все мы хотели, чтобы ты держалась от него подальше, не понимая, что он единственный, кто тебе нужен. Никто не спросил, чего хочешь ты. За то время, что его нет рядом, ты стала холоднее, остыла к жизни. И теперь я вижу, твои слова о том, что только он твоё счастье, — не просто пафосное выражение обиженной девочки, готовой идти всем наперекор. Я осознаю, что с ним ты будешь настоящей. И я радуюсь... Мари, мой понч, я скоро второй раз стану мамой, и я знаю, что и ты давно готова. Отрицай — ни отрицай, но я вижу твои глаза, когда ты играешь с Марком. Короче, к чему вся моя сопливая речь, — требуй перемирия!

Речь Лилит тронула сердце Мари. Да, она давно призналась себе, что винит всех и

каждого, и себя в том числе, в расставании с Адамом. Но никогда не думала, что услышит такое от близких. Девушка была благодарна за эти слова, которые немного облегчили душевную тяжесть.

И если бы хотя бы на каплю Мари была уверена в том, что она нужна Адаму, то никакие силы не удержали бы её вдали. Кинуться к нему и обещать мир — вот чего хотела каждая частичка сущности.

Усмирить свои порывы, отправиться домой и окунуться в повседневную жизнь — вот что могла сделать Мари...

* * *

«— Разве когда любят, то ненавидят?

— Вот осел. Еще как!

— Наверное, это потому, что любовь делает тебя незащищенным.

Вот и ненавидишь людей, потому что ты перед ними

весь как на ладони, такой как есть. Ведь только так и можно.

Ведь если любишь, то не просто любишь,

а ЛЮБИШЬ!!! — с массой восклицательных знаков...»

Рэй Брэдбери «Электрическое тело пою!»

* * *

Адам.

— Гудим! — Авет с несвойственной ему беззаботностью отдался ритму.

— Эй, а тебе не пора к своим детям? — подколот его Адам, ударив локтем в живот.

Друг в ответ повёл бровью, взглядом выразив всё, что думает об этих глупых шутках.

— Ну, хорошо, когда устанешь — я у себя наверху.

Сегодня его лимит веселья был исчерпан. Адам поднялся в свою импровизированную квартиру, на ходу становясь свидетелем откровенных сладострастных криков, доносящихся из различных комнат. В принципе, они для того и были созданы, но он с удивлением для себя отметил, что всё это дико. Как будто находишься в борделе.

Состоялось открытие стриптиз — зоны. Народ внизу просто озверел от новшества. Совсем ещё малолетки, которым едва исполнилось восемнадцать, теряли голову от такого зрелища — длинноногих вызывающе обольстительных полуголых красоток. Ну и что, думал Адам, они ведь должны взрослеть, здесь все достигли совершеннолетия.

Футболка вместе с приталенным синим пиджаком полетела на кровать, когда он оказался в помещении. Адам остался в одних джинсах, успев скинуть и ботинки. Он прошел в душ, намереваясь смыть с себя сегодняшний день.

Спустя какое — то время, вытирая вспотевшее зеркало на стене, мужчина уставился на своё размытое отражение. Скоро ему исполнится двадцать девять. К чему он успел прийти в этой жизни? Мать каждый день звонит, умоляя выбросить из головы затею жить в этом «ужасном месте», как сама же и выразилась, и вернуться в свой родной дом. А ему этого не хотелось. Совсем не хотелось.

Адам давно не прежний мальчик — легкомысленный, весёлый, готовый на любые авантюры. Когда — то в такие часы глубокой ночью он либо развлекался с очередной красивой подружкой, либо мстил какому — нибудь уроду, посмевавшему поведать с ним себя неправильно. Угон машин, кровавая драка — это всё было частью его бурной молодости. И сейчас приходит осознание, что это закат. Это тупик. Больше не в кайф.

— Отвезёшь меня, или вызвать такси? — послышался голос Авета.

Оторвавшись от своих непрошенных мыслей, он вышел к другу, вытирая полотенцем волосы.

— Отвезу. Я же обещал твоей жене, когда отпрашивал тебя... — скомканный пиджак врезался ему прямо в лицо при этих словах.

— Ты придурок и ничего не понимаешь! — рассмеялся Авет.

Адам поднял вещи и бросил их на ближайший стул. Комната была скудно обставлена, совсем по — мужски. И кроме кровати, небольшого шкафа и пары стульев со столом, над которым висел телевизор, в ней ничего не было. Ни одного элемента декора.

— Когда ты в последний раз так набирался? — ехидно улыбнулся Адам. — В день свадьбы?

— Я тебе всё припомню, когда ты женишься... Который час, вообще?

Друг спохватился и достал телефон из кармана. Затем комната наполнилась его удивленным свистом.

— Три часа ночи! Ох... Можно не возвращаться домой и сразу поехать в СТО...

Адам достал чистую одежду и оделся.

— Можешь не идти на работу. Да и в Новый год у нас редко было что — то стоящее. Я тебе разрешаю. А теперь поднимай свой пополневший зад, поехали.

Пока они спускались к машине, Авет весело напевал что — то под нос. На парковке он вдруг бросился к Адаму и обнял его.

— Я по тебе так скучал, мой брат!..

— Какие нежности... — рассмеялся Адам.

— Я знаю, зачем ты вернулся!

Ликование в голосе Авета его очень удивило. Но друг не стал продолжать. Он отстранился и сел на переднее сидение. Через пару минут уже послышалось его тихое сопение, а голова неестественно склонилась в сторону. Адам даже не успел спросить, что Авет имел в виду под своим заявлением.

Друг совсем не изменился...такой же простой, полный юношеского максимализма и какой — то чистоты, непонятной Адаму. Он встретил такую же хорошую девушку и женился на ней почти три года назад. На их свадьбе оба набрались по полной программе. Там присутствовал и Рахат, но все его попытки заговорить с Адамом были тщетны — он делал вид, что незнаком с ним. Такова уж была сущность мужчины — никакого прощения тем, кто оступился.

Когда Адам уезжал в Москву, жена Авета, Лия, вот — вот должна была родить. Но он не дождался этого грандиозного события, потому что чувствовал, что ему перекрывают кислород, и хочется бежать отсюда...где ценности семейной жизни теперь были выше всего остального, чем жил он сам.

Адам остановился перед подъездом и попытался разбудить друга. Тот отмахивался, поэтому пришлось прибегнуть к увесистой пощечине. Когда Авет пришел в себя и вышел, его странный разговор продолжился:

— Ты не переживай, я тебе помогу...

Адам лишь покачал головой, уже жалея, что так напоил его.

Дверь им открыла Лия, которая выглядела спокойнее, чем ему представлялось.

— Моя любимая... — потянулся к ней Авет, обнимая.

Его жена поморщилась, а потом улыбнулась Адаму.

— Спасибо, что привёз. Он очень редко бывает таким.

— Я знаю. И хорошо, что редко...я даже не в состоянии понять, о чем он говорит.

Он улыбнулся ей в ответ и попрощался, оставив чету самой разбираться дальше.

Четвертый час ночи, а ему не хотелось возвращаться к себе и лечь в постель. Неожиданно для самого себя Адам оказался на безлюдной улице напротив десятиэтажного здания, вокруг которого еще строилось несколько таких же...

Там жила она. Он это прекрасно знал. И дом, и этаж, и квартиру. Спасибо Авету — Адам знал почти всё о жизни Мари за время своего отсутствия... И это помогло ему играть с ней, появляясь в различных местах, в которых бывала она. Он ведь обещал, что так и будет...

В окнах не горел свет. Но Адам уставился на них, будто был уверен, что она сейчас появится. Ничего подобного не произошло. Очередное разочарование... Марианна сейчас, вообще, выглядела более неприступной и холодной, чем когда — либо. Казалось, сломить её стало непосильной задачей, а ему этого так хотелось...

Кто объяснит эту тягу ко всему, что недоступно? Почему, когда вокруг огромное количество девушек и женщин, готовых идти с тобой хоть на край света, ты нуждаешься в той единственной, которая дала тебе от ворот поворот? И при этом делала тебя счастливым?.. Да, наверное, так и есть. Она одна способна была сделать его счастливым и полноценным. Она была похожа на него, не стремилась что — то из себя строить перед ним... Она готова была принимать его таким, какой он есть, и смотрела на него так, будто он достоин лучшей участи...

И как так получилось, что в один прекрасный день Мари вдруг отказалась от него?..

Как и прежде, при этой мысли его стала заполнять злость. Адам сорвался с места на бешеной скорости, проклиная себя за слабость перед чувствами к ней.

Статный и гордый — вот какие слова приходили на ум, когда он смотрел на отца. Этот ещё молодой мужчина, прибывавший в рассвете сил, мог бы дать фору многим юношам — столько энергии в нём было.

Адам сидел на диване, наблюдая за ним в рабочем процессе — он отдавал приказы своим подчиненным железным тоном, который мог бы ввести в ступор неподготовленного человека.

Странно, но сыну никогда не хотелось быть похожим на отца. Слишком чужды ему были вот эти субординационные отношения. Наверное, ему было лет семнадцать, когда его впервые попытались вовлечь во всю эту систему, чтобы он привыкал быть главным. Но Адам дал понять, что ему это неинтересно. Тогда отец предложил ему выбрать то, чем тот хотел бы заниматься. И результат — СТО, которая сейчас находится в распоряжении Авета. На тот момент Адам не мыслил жизни без машин, и это было его единственным желанием. Они подняли мастерскую на ноги вместе с друзьями, и сейчас не приходилось жаловаться на прибыль и клиентов.

— Ну что, сын, когда ты вернешься домой? Твоя мать каждый день встречает меня просьбой поговорить с тобой об этом, — начал мужчина, покончив с делами.

— Слушайте, мы живем в одном городе. Теперь я вернулся. Зачем так настойчиво затягивать меня домой? Когда я буду возвращаться под утро, ей будет спокойно?

Адам поднялся и подошел к окну, из которого открывался прекрасный вид на реку.

— Я знаю, поэтому не настаиваю. Но это же твоя мать... Она беспокоится.

В ответ он лишь хмыкнул.

— Налоговая больше не интересуется твоими делами? — перевёл Адам тему.

— Тебе это интересно?

— По большому счету — нет.

Отца с сыном всегда разделяла некая пропасть. Они любили друг друга, уважали, считая каждого состоявшейся личностью, но никогда не приходили к взаимопониманию в вопросе ведения дел. Что греха таить, Адам прекрасно знал обо всех махинациях старшего

Дарбиняна на инвестиционном рынке, которыми тот занимался уже много лет. Нет, он не брался осуждать родного отца. В этом мире все жили так, как могли. Но в какой — то момент к нему пришло осознание, что ему — то как раз так жить не хочется. Адам очень переживал, что в один прекрасный день мама позвонит ему в слезах и скажет, что папу забрали в отделение. Один раз он попытался поговорить с ним об этих делах, попросил отойти от всего, но тот его даже слушать не стал. Что ж, попытка — не пытка. Больше Адам эту тему не поднимал. Но дал понять, что ему это не нравится.

Когда мама пошла против его затеи открыть клуб — он это ещё принял. Но позиция отца заставила его изумиться. Попрекать сына за открытие ночного заведения, когда как сам крутишься в не особо чистых делах — ну как — то странно, мягко говоря. Примерно с тех пор Адам и не жил дома, решив строить дальнейшую жизнь самостоятельно. У него получилось. СТО и клуб приносили высокую прибыль. Кредит, который был взят для открытия, в скором времени уже будет возможно погасить полностью. Он добился, чего хотел.

Адам поспешил прервать затянувшуюся паузу:

— Папа, ты для этого меня сюда позвал? Чтобы сказать про маму?

Мужчина пожал плечами, а затем откинулся на спинку кресла и честно ответил:

— Я хотел поговорить и узнать, что ты хочешь делать дальше. Есть ли у тебя мысли возвратиться обратно в столицу?

— Нет, я решил остаться здесь, потому что всё моё в этом городе. Я уже не маленький, чтобы искать себя то тут, то там.

Он прекрасно видел, что в глазах отца застыло ещё немало вопросов, но тот не решается говорить с ним. Возможно, Адам ведет себя резче, чем нужно. Жаль, что ему не достаёт сентиментальности и терпения в характере, иначе он обязательно поговорил бы с ним по душам.

— Если ты не против, я поеду. Авет пригласил меня на день рождения девочек.

— Ты хоть в новогоднюю ночь приедешь? — сделал последнюю попытку отец.

— Обязательно. — Пообещал Адам.

Квартира была наполнена людьми, среди которых бегали лилипуты — дети. Он не привык к таким вещам, поэтому до сих пор шарахался в ужасе при каждом столкновении с очередным орущим ребёнком. Чего не скажешь о Марианне, которая отлично справлялась с кучей малышей рядом с собой. Именно это зрелище открылось его взору, когда он вошёл в гостиную друга.

Нет, Адам знал, что Авет и Мари общаются, забыв о прошлом недопонимании. Знал, что они сохранили теплые отношения. Но не думал, что этого достаточно, чтобы приглашать её на семейный праздник...

— Как тебе мой сюрприз? — раздался вопрос над ухом.

— И как это понимать? — раздраженно проговорил Адам, поворачиваясь к нему.

— Я же обещал помочь...

Внезапно его осенило:

— Ты, что, говорил о ней, когда в пьяном бреду утверждал, что знаешь, почему я вернулся?

— А разве нет? Ты же за ней вернулся?

— Авет, тебе больше никогда не стоит пить! — отрезал Адам, гневно сверкнув глазами.

— Остынь и расслабься. Правда, она красивая?

Издавательский вопрос остался без ответа, потому что Авет уже успел скрыться в толпе. А Адам машинально повернулся в её сторону и мысленно подтвердил слова друга. Красивая, ухоженная, необычная, непохожая на других, разодетых в пух и прах...

Что ж, раз он оказался здесь... не упускать же такой шанс.

— Марианна Артуровна! — Адам приветствовал её злорадным кивком.

Она подняла на него свои глаза и нехотя произнесла:

— Привет.

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Приятно, что хоть одна наша встреча в этом большом городе не спланирована тобой,

Дарбинян.

Мари отправила детей играть, а сама выпрямилась, скрестив руки на груди.

— Только не говори, что не рада моим внезапным появлениям, — он понизил голос до шепота, ближе наклонившись к ней, — я тебя хорошо знаю.

Ему показалось, или эти шоколадные глаза действительно на миг наполнились мукой? Даже если её и задели его слова, то она прекрасно сохранила самообладание. Раньше та Мари, которую он знал, никогда бы не оставила открытый вызов без ответа. Но сейчас она лишь молча смотрела на него, не предпринимая попыток парировать сказанное.

— Тебе не кажется, что здесь слишком много посторонних глаз? Не хочешь где-нибудь уединиться? И я, так уж и быть, позволю тебе рассказать мне о том, как ты скучала...

Его двусмысленный намёк всё — таки достиг своей цели. Мари дернулась, словно ей нанесли пощечину, и попыталась сбежать. Адам ухватился за её пальчики, заставив остаться на прежнем месте. Никто вокруг не замечал, что происходит между ними.

— Марианна... Марианна...

— Дарбинян, чего ты хочешь? Мне надоели твои преследования! — прошипела она, поворачиваясь к нему.

Омут её больших с некой поволокой глаз вновь и вновь заставлял его чувствовать потрясение. Адам на миг застыл, любуясь этим зрелищем, а потом пришёл в себя и честно ответил:

— Тебя. Хочу тебя.

Откровенное признание привело к неожиданной реакции с её стороны. Она не стала кричать на него, не предприняла ничего, чтобы вырвать свою руку. Просто тихо, словно её загнали в угол, ответила:

— Я уже поняла, что ты принимаешь меня не за ту...

— Какая глупость... — перебил он. — Мари, я как раз принимаю тебя за ту, кем ты являешься.

— Если ты хотел меня унижить — у тебя это получилось. Но я не имею желаний с тобой общаться. То, что было, осталось в прошлом.

Эти слова ввергли его в ярость. Он подался вперед, чуть ли не врезавшись в тело девушки, и над самым ухом произнес зловещим тоном:

— И именно поэтому ты до сих пор никого не допускаешь к себе? Я ведь знаю! Будь честной, признай, что я тебе нужен.

— Ты ошибаешься.

Мари всё же резко оттолкнула его и отошла на шаг. И посмотрела ему прямо в глаза, нанося ранения по живому:

— Ты мне больше не нужен.

И скрылась где — то в коридоре, оставляя его сгорать от бессилия. Не этого он добивался, когда пытался вызвать чувства, делая больно своими намеками. Не этого хотел, когда следовал за ней по пятам в течение всего этого времени.

Не за тем Адам вернулся, чтобы слушать такое.

Волна ненависти окатила мужчину очередной раз, стоило подумать о том, что Мари вновь «сделала» его. Он хотел, чтобы она сдалась на милость ему, потому что был уверен, что эта девушка до сих пор к нему равнодушна. Но огонь, полыхавший в её глазах, как будто насмеялся над его самоуверенностью. Будь то гордость или упрямство, противостояние или глупое отрицание чувств, но девушка отказывалась принадлежать ему.

Адам и так слишком затянул с этим. Хватит.

Полной решимости твердой походкой мужчина последовал за ней, решив положить конец всяким ненужным прелюдиям.

* * *

«Я здесь не потому, что должен быть здесь, или потому, что меня заманили в ловушку, но лишь потому, что мне лучше быть с тобой, чем, где-нибудь еще в мире»

Ричард Бах «Мост через вечность»

* * *

Марианна.

А что такое любить, если не честность? Она даже не пыталась найти оправдания своему поступку, когда открывала входную дверь этой заветной квартиры.

Новогодняя ночь. Прийти сюда сегодня было откровенным безумием, но в то же время — её единственным желанием.

Дверь Мари закрыла изнутри, затем вытащила ключ и убрала его в карман. Если он и придет — у него есть свой. Сняв сапожки, она оставила их разбросанными перед дверью, а пальто стянула на ходу, не удосужившись поднять с пола, когда оно соскользнуло с плеч тяжелым облаком. Улыбаясь тому, что оставила за собой некий хаос, девушка прошла в гостиную. Скорее всего, он оценит её небрежный жест... Следы пребывания.

Раздвинув тяжелые шторы, которых здесь раньше не было, Мари во все глаза уставилась на проспект Сиверса, сияющий сотнями огней. Здесь она чувствовала себя дома. Здесь, где провела лучшие моменты в своей жизни. Потому что делила их с любимым человеком.

Девушка взглянула на часы. Без десяти. До Нового года остались считанные минуты. Наверняка он сейчас у своих родителей. Как и все нормальные люди, разделяющие идею этого семейного праздника. В этот раз Мари не стала одной из них. Убедив родных, что больна и не хочет никого заражать, она отказалась ехать в Волгодонск с братом и невесткой. Не в этот раз. Не сейчас. Её мысли занимала более важная вещь.

Мари оглянулась в темноте, упиваясь ностальгией. Ничего здесь не изменилось. Тот скудный свет, который попадал в комнату через стеклянные двери балкона, давал возможность судить об этом с полной уверенностью. Тот же матрас на полу, аккуратно застеленный красивым узорчатым одеялом, тот же маленький столик у стены, предназначения которого она так и не поняла, и тот же тонкий телевизор, висевший над ним. Чисто мужской холостяцкий стиль. Но родной.

Девушка осторожно откинула одеяло и легла на свежие простыни. Она искала его запах, но не находила. Значит, его здесь давно не было. Но постель действительно была свежей. Он знал, что прав. Знал, что Мари придет. Хотя изначально девушка и не собиралась этого делать, отчаянно борясь с собой и своей потребностью в нём. Но потом наступил момент озарения. Зачем врать себе? Она ведь взрослый человек и понимает, чего хочет. И тем сильнее возбуждение в крови. Тем сложнее ожидание. Тем ярче улыбка, скрытая мраком ночи...

Мари проснулась от ощущения, что уже не одна в комнате. Медленно открыв глаза, она столкнулась с парой внимательных карих глаз напротив.

— Давно ты тут?

— Примерно час.

— Почему не будил?

— Наслаждался твоим безмолвием. Иногда ты вкладываешь в него больше смысла, чем в свои слова.

— Опять красиво о грустном? — Мари растянула губы в нежной улыбке.

Адам не спешил прикасаться к ней. И она не понимала, почему он медлит. Ведь именно этого он и хотел, когда на празднике девочек Авета внезапно грубо затащил её в ванную и запер их, заставив присутствующих теряться в догадках, что это было.

— Ты знаешь, какую дверь он открывает! — многозначительно произнёс Адам.

И Мари вдруг ощутила прикосновение холодного металла на своей ладони. Обратив свой разгневанный взгляд на руку, она увидела серебряный ключ.

— Ты больной! — воскликнула девушка, пытаясь оттолкнуть его. — Что ты творишь! Мы же у всех на виду!

— Заткнись! Просто заткнись! — зажимая её ладошку с ключом в кулак, чтобы она его не уронила, прошипел он. — Нам пора покончить с этим. Чтобы жить дальше спокойно. Без бреда в голове. Ты же понимаешь, о чем я говорю. Ты же тоже не можешь забыть. Не отрицай!

Мари лишь потрясенно молчала, во все глаза уставившись на озверевшего мужчину перед собой.

— Если ты та, которую я знаю, ты придёшь туда.

— Перестань, это уже совсем не смешно. Зачем мне приходиться, Адам! — с мукой в голове промолвила она.

— За этим...

И в следующее мгновение он словно напал на её губы, доказывая, как она ошибается, считая, что сможет противостоять. Жадность, желание подчинить и властвовать. Адам вкладывал в поцелуй всю свою злость на неё. Он пытал её, проверяя на стойкость. А Мари и рада была забыть, что должна быть сильной...

— Ты придёшь. Просто чтобы снова пережить это.

Произнеся это обещание после длительного поцелуя, лишившего её воли, он внезапно исчез. Она осталась стоять, спиной чувствуя мерзкий холод раковины, к которой была прижата. И с опаской смотрела на ключ в ладонях...

Тогда способность соображать покинула Мари, но не теперь, когда она лежала перед ним беззащитная, открытая, осознавая, на что шла, когда решила провести эту ночь здесь.

Не удержавшись, девушка вытянула руку и стала пальцем водить по его колючей щеке. По телу прошли приятные мурашки. Как давно она мечтала иметь возможность хотя бы на мгновение ощутить тепло его тела под пальчиками.

— Ты хоть понимаешь, что своим приходом перечеркнула все громкие слова, которые до этого говорила мне?..

Кажется, Адаму охота поговорить. Но Мари не хотела этого, потому что знала — для него сегодняшняя ночь это всего лишь способ доказать ей, как опрометчиво она поступила когда — то. Поэтому не хотелось тратить время на выяснение отношений.

— Ты снова пришла сюда. И это снова не красит тебя.

Мари прикрыла веки. Её рука безвольно упала на простынь. Да, он прав. Её не красят отношения с мужчиной до свадьбы. Но кому какое дело? Зачем сейчас пытаться задеть за живое?

— Посмотри на меня, черт возьми! — прикрикнул он.

Она не стала слушать его, сомнения неожиданным вихрем свалились на голову. Мари

уже ничего не понимала.

— Я хочу слышать, как ты скучала по мне.

Девушка начала смеяться, перекатившись на спину. Жутко, наигранно, разочарованно...

А потом открыла глаза и встала, намереваясь уйти.

Мари прекрасно знала, что Адам кинется за ней, но была твердо убеждена в том, что они неправильно поняли друг друга — и ему сейчас нужна не она, а её раскаяние и какие — то признания.

— Я сюда пришла не для того, чтобы тешить твоё самолюбие, Дарбинян, — бросила девушка на ходу, огибая матрас.

В следующую секунду он сбил её с ног подножкой и поймал руками за плечи, когда она стремительно падала вниз. Мари в ужасе ухватилась за него. Их взгляды скрестились. Её, испуганный, осуждающий, и его — разгневанный, холодный.

— Ну, в таком случае я дам тебе то, за чем ты пришла, — грубо выдал он.

А потом она оказалась опрокинутой на матрас, а руки вдруг перестали подчиняться ей и были заведены над головой. Очки беспощадно полетели в сторону, с глухим стуком врезавшись во что — то. Мари почувствовала, как на её бедре его проворные пальцы оставляют покалывающую дорожку за собой. Адам дотянулся до пояса и в нетерпении стал стаскивать с неё чулки.

Господи, от того, как грязно он себя вёл, у девушки округлились глаза. Всё происходящее не было похоже на то, что они делали в первый раз. Сейчас ей казалось, что Адам путает её с одной из своих прежних подружек, с которыми заводил знакомства именно вот для таких животных порывов. И это было как — то унижительно. В его резких движениях не было ни капли нежности или трепета. Только какое — то дикое необузданное желание.

Но не этого хотела Мари. Она пришла сюда в надежде почувствовать, что её любят. Желают как женщину.

А не как дешевую потаскушку.

Высвободив свои руки, девушка вцепилась в ворот его рубашки и попыталась оттянуть от себя. Если бы Адам знал, что творится в её душе, какие оттенки стыда она сейчас испытывает из — за его стремления задеть гордость как можно сильнее...

— Психопат! Ты озабоченный! — кричала она, сама не понимая, почему хочет до него достучаться.

Когда он навалился на неё своим весом, чтобы лишиться возможности двигаться, Мари не стала впадать в панику и вонзила свои зубы ему в плечо.

— Сучка! — он отпрянул.

Не теряя времени, девушка перекатилась на пол и поспешно вскочила на ноги, не обращая внимания на задранное вверх платье и босые ноги. Паника стучала молотком в мозг. Таким она не видела его никогда. Он действительно похож на озабоченного маньяка.

— Далеко собралась, любимая?

Разворот был таким резким, что Мари слышала негромкий хруст позвонка. Оказавшись лицом к лицу со своим озлобленным мучителем, да ещё и в железном кольце его рук, она поколебалась несколько секунд, но потом со всей силы дернулась, не теряя надежды высвободиться от этих оков. Чтобы отвлечь его, девушка насмешливо бросила:

— Ах, «любимая»? Пару дней назад было «я тебя ненавижу». Скольких ты называл так, чтобы затащить под себя?

Отвлечь не получилось. Хватка стала сильнее, взгляд — яростнее.

— Я не считал. Но ты не переживай, присвой себе золотой номер.

— Да как ты... — у неё не хватило кислорода закончить мысль.

Мари просто задыхалась от злости и унижения. Если бы у неё была возможность, она давно бы уже нокаутировала его одним точным ударом в сосредоточение мужской сущности. Но это животное будто предугадало возможный исход, поэтому её колени были сжаты между сильными ногами.

— Мне надоело! Просто сдайся! Ты сама сюда пришла! — прорычал он, приближая к ней своё лицо.

— Да, пришла! — в отчаянии закричала Мари, теряя свою пылкость. — Но не за таким обращением!

— А чего ты хотела, Марианна?!

Адам жестко встряхнул её, и этот жест откинул девушку назад, приковав к стене вплотную.

— Ты сама говорила, что я неспособен на мужские поступки. Я соответствую!

Было больно, но она пыталась не показывать ему своих истинных чувств. Гордо вскинув подбородок, девушка без тени страха смотрела в лицо своему истязателю.

— Я вижу, что соответствуешь...

Издав какой — то гортанный рык, Адам приник к её губам. Жестко и насильно пытаюсь добиться ответа... И Мари вдруг потеряла всякую надежду вразумить его... Ей стало так обидно от такого обращения, что она сама не заметила, как дала волю горьким слезам...

Когда Адам почувствовал их вкус, сразу же оторвался и испытующе взглянул ей в глаза.

— Я всего лишь хотела почувствовать себя любимой. Как тогда... — прерывисто прошептала Мари, возненавидев себя за эту безвольность.

Он вдруг опустил голову ей на плечо, и девушка услышала тяжелый стон, наполненный целой гаммой чувств — от сокрушения до стыда.

Так они и стояли несколько минут в тишине и мраке, прижатые друг к другу в мученической позе. Мари бесшумно плакала, а Адам собирался с мыслями, устало зажмурив веки.

— Я не хотел... черт... нет, я хотел. Я хотел сделать тебе больно. Но я не думал, что мне самому станет так паршиво... — признался он. — Я не в себе. Я потерял остатки контроля, когда увидел тебя на этом месте... ты была моей... А сейчас — нет.

Мари была потрясена его последними словами. Обомлев, она уставилась в темноту расширенными глазами.

— Ты либо идиот, либо слепой. Сам же говорил, что в курсе — я всех от себя отгоняю. Сегодня я пришла к тебе, капитулируя, засунув гордость куда подальше, чтобы ты понял то, что я не могу выразить словами. А ты... ты всё думаешь не о том...

Адам медленно поднял к ней своё лицо.

— Даже если я скажу, что ненавижу тебя, это неправда. Никто и никогда не заменит мне твоих глаз. Я испытываю какую — то маниакальную потребность в тебе, хотя, честно, совсем не хочу этого. Просто иначе не могу. Ты вошел в мое сердце, когда мне было всего лишь пять. И если по прошествии стольких лет всё ещё живешь в нём, то это уже неизлечимо...

Он внимательно слушал, даже не пытаясь перебить. У Мари открылось какое — то второе дыхание, было очень легко излить свою душу, не боясь быть осмеянной. Может, это и не нужно Адаму, но это нужно ей. Не было стеснения, робости или стыдливости. Не былс

и стремления произвести впечатление, вызвать ответное чувство. Хотелось просто быть честной и поставить точку в этих бессмысленных войнах.

— Знаешь, Адам, — продолжила она, — ты вовсе не заслуживаешь этого. Когда — то меня в тебе многое восхищало, я считала, что мы очень похожи по силе духа. Именно поэтому всегда бегала за тобой хвостиком, пытаюсь привлечь внимание. Мне очень хотелось быть близкой тебе, дать знать, что есть человек, бескорыстно любящий тебя. Я была ребенком. И ты был ребенком. Но мы больше не дети. Всё стало по — взрослому жестоким и циничным.

Мари сглотнула и облизала пересохшие губы. Его взгляд заставлял сердце биться с удвоенной частотой. Даже в темноте он был способен пробираться до мурашек...

— Адам ты заикнулся на нескольких моих ядовитых словах, сказанных в пылу ярости. И пропустил миллионы признаний, которые были наполнены любовью. Если ты до сих пор не понимаешь этих простых истин, то ты настоящий олигофрен. И я больше не хочу быть свидетелем твоих «заскоков».

Девушка почувствовала, как хватка Адама ослабевает. Он её выпустил. Мари медленно поправила платье, неотрывно глядя на него. Сожаление. В его глазах горело сожаление. О чем конкретно он сожалел — было непонятно.

Молчание затянулось. Её начало колотить от напряжения в мышцах. Сейчас пора было бы развернуться и уйти, но она стояла и ждала. Чего? Разве её участь не была предрешена много лет назад?

Сила и упорство, которые всегда присутствовали в девушке, как — то улетучивались, стоило ему оказаться вот так близко. Казалось, она даже забыла о том, что всего лишь пару минут назад он пытался задеть её за живое и сделать как можно больнее.

Боже, это ведь Адам. Ей известно, каков этот человек. Не имеет смысла втолковывать ему что — то, пока он сам не захочет принять реальное положение дел...

— Я не могу тебя отпустить сейчас. Не так... — вдруг услышала Мари мольбу в его голосе.

«Не отпускай» — хотела сказать она в ответ, но продолжала молчать.

А потом вновь почувствовала руки Адама на своей талии. Он осторожно развернул её спиной к себе, словно боялся, что она станет сопротивляться. Но девушка не стала этого делать, тронутая его раскаянием и...непреодолимым желанием вновь познать силу чувств, когда — то связавших их вместе. Что бы ни было, эта ночь принадлежит ей. А что будет потом — об это можно подумать и завтра.

Перекинув её длинные волосы через плечо, Адам оголил шею, и Мари почувствовала тёплое дыхание на коже. Его пальцы нащупали собачку замка и потянули вниз, миллиметр за миллиметром раскрывая своему взору спину девушки. А потом она почувствовала прикосновение горячих губ, оставляющих дорожку вдоль её позвоночника. Думать ни о чем не хотелось. Мари сосредоточилась на том, чтобы не упасть, и облокотилась о стену. Столько лет прошло...но всё так же остро, как и в первый раз. Она мечтала ощутить это снова.

— Ты хочешь остаться? — обольстительным шепотом проговорил он у самого уха.

Мари была в состоянии лишь кивнуть. И ему этого было достаточно.

Адам развернул её к себе одним резким движением и приник к ямочке у основания шеи. Кто бы мог подумать, что такой невинный поцелуй может довести человека до обморочного состояния. Мари вдруг осознала, что совсем не дышит, когда он немного отстранился и,

задев указательным пальцем плечо платья, небрежным движением заставил ткань сползти по руке. Затем проделал то же самое со вторым плечом.

Через долю секунды она осталась стоять перед ним в одном нижнем белье. Тусклый свет, проникающий в коридор всё через те же стеклянные двери балкона в гостиную, вряд ли мог дать возможность хорошо рассмотреть её... Но, видимо, не Адаму.

Он с глухим стоном прижал Мари к своему телу и накрыл губы девушки своими, не в силах больше ждать. Непередаваемая волна наслаждения накрыла её с бешеной скоростью. Да, пожалуй, за последнее время она впервые почувствовала вкус настоящего поцелуя, в котором не было ни капли злости. Только страсть. Кричащая, всепоглощающая...

Так они и дошли до гостиной мелкими шагами, не в силах хотя бы на миг оторваться друг от друга. Мари руками обнимала его за шею, ища опоры, а он продолжал держать её за талию, не оставляя между ними ни капли расстояния. В какое — то мгновение девушка оторвалась от любимого и жадно вдохнула, страдая от катастрофической нехватки кислорода. Адам времени не терял — сразу же стал исследовать изгиб плеч, одаривая её бесконечным потоком мелких прикосновений чувственных губ.

Мари перенесла руки ему на грудь и непослушными от возбуждения пальцами стала расстегивать пуговицы его белой рубашки. Ей казалось, это длилось целую вечность... Затем Адам сам снял её быстрым движением и принялся стягивать свои классические брюки. В этот раз Мари уже без стеснения смотрела на его тело, не испытывая прежних страхов. Мой! Пульсировало в мозгу это слово.

Оставшись обнаженным, он взглянул на неё с такой предвкушающей хищной улыбкой, что по телу Мари пробежала целая свора тяжелых, давящих мурашек. Глаза Адама опустились ниже, и она заметила, как он застыл, пытаясь справиться со своим потрясением от увиденного.

— Шикарно...

И не совсем понятно, это слово обращено непосредственно к ней, или же к красному сексуальному белью, которое она надела специально для него...

После этого, казалось, он совсем потерял остатки самообладания. Мари поджала губы в попытке не кричать, когда Адам зубами начал медленно стягивать бретельки её бюстгалтера. Самая что ни на есть пытка. Вот что это было. Его проворные пальцы помогли и ей остаться нагой. Теперь между ними не было никаких барьеров...

Опуская Мари на матрас, он что — то бессвязно бормотал себе под нос, но она не могла расслышать его сквозь сладкую пелену, в которой находилась. Девушка всем сердцем стремилась к любимому, хотела раствориться в блаженстве, что сулил этот пламенный взгляд карих глаз. Познать всю силу наслаждения, которое он готов был ей подарить. Это пульсирующее желание в крови сводило с ума своим стремлением высвободиться. Она потянулась к нему, но Адам завел ей руки над головой, как сделал это немного ранее, но теперь без грубости, а с долей нежности в своих действиях.

Мари потеряла счет поцелуям, сыпавшимся на неё в течение последующих минут. Они перетекали в часы, как ей казалось... Ни осталось, наверное, ни единого кусочка кожи, где она не почувствовала бы его губы или трепетные руки. Всё тело горело так, словно девушка находится в смертной агонии. Мари была его пленницей, которой Адам не давал шанса предпринять что — то самой. А ведь ей так хотелось подарить ему в ответ хотя бы маленькую частичку своей любви...

— Я не могу насытиться... — шептал он.

— Вкусная...до чего же ты вкусная, — постоянно доносилось до её слуха.

— Ведьма... — посмеивался Адам.

В конечном итоге Мари не выдержала и пнула его коленом за то, что он продолжал терзать её так долго. Вызов он принял, нависая над ней мощной стеной. Глаза в глаза, без лишних слов, Адам соединился с ней, заставляя дикий стон вырваться из самых глубин души Мари.

Совершая свободное падение в бездну, она улыбалась.

* * *

«Я должен притворяться, что есть и другие.

Но это ложь.

Есть только ты»

Хорхе Луис Борхес «Влюбленный»

* * *

Адам.

Казалось бы, почему после такого им не быть честными с самими собой и не сойтись, заполняя то время, что было потеряно по причине гордости?

Он был готов это сделать, был готов признать, что, пожалуй, впервые сам нуждается в чем — то прощении. Был готов сдаться и согласиться с тем, что обманывал себя на протяжении многих месяцев, когда говорил, что ненавидит её. Всё внутри тянулось к ней, и только к ней. Без неё терялся смысл окружающего мира. Она — огонь, который ему нужен. Она — тот вкус, что пленил его. Она...она.

Она сбежала.

Прошло больше недели, а между ними так и висит это давящее и тревожное чувство безызначности...

Он не пытался позвонить или увидеться. Просто ждал, с каждым днем всё больше и больше изнемогая от желания понять её.

Бесцельно колеся по городу в поисках ответов, Адам иной раз не сдерживался и ударял кулаком по панели перед собой, настолько был взвинчен и озадачен поведением Мари. Эта девушка действительно обладает уникальной способностью делать неожиданные вещи. Сначала сама приходит и сдается ему на милость, потом ей что — то не нравится, и она пытается уйти, затем всё же остается и...бац — снова исчезает.

Как после того, что произошло, можно вот так поступить? Такое ощущение, что он — малолетняя дурочка, которую бросил парень после того, как получил желаемое. Какой абсурд! И это он — то! Взрослый мужчина! Ещё больший абсурд, что в отношениях с женщиной именно мужская сторона испытывает такие чувства...

Господи...Мари ведь своим поведением показывала, что принадлежит Адаму. Она пришла, позволила любить себя и...любила сама. Как выкинуть из головы её тихий шепот, когда воспользовавшись тем, что он лежал на животе, девушка стала осыпать его плечи и спину мелкими легкими поцелуями, неоднократно возвращаясь к татуировке и уверяя, что не в силах перед ней устоять? Её нежные пальчики с таким волнением касались его груди, так неопытно исследовали мужское тело, что Адам раз за разом испускал короткие вздохи, оповещающие о невероятной выдержке. Тяжелое дыхание Мари касалось шеи и подбородка Адама, когда она продолжала испытывать чашу терпения и стойкости, подходящие к концу.

То, насколько страстной была эта девушка, просто шокировало его — опытного и искушенного Адама! Куда исчезла застенчивость, он даже не смел предполагать. Одна мысль о том, что такое сокровище могло достаться кому — то другому, повергала мужчину в неопределимое чувство паники, переходящей в яростный протест.

Но, черт бы её побрал, она не даёт уверенности ни в чем! Иначе Адам последовал бы за ней...

А пока ему оставалось просто сидеть и анализировать, чем был вызван этот побег...

Отец ещё раз неодобрительно взглянул на него и потянулся к пачке сигарет, которую несколькими минутами ранее Адам кинул на стол, зайдя в светлый кабинет.

— Ты уверен? — сухо поинтересовался он.

После твердого кивка сына тот закурил. Жадно затянувшись, мужчина закашлялся. Вообще — то, отец не курил. Но, видимо, для успокоения нервов поддался этому несвойственному ему порыву.

— Я как — то иначе представлял себе этот момент. И уж совсем не думал, что в городе, где больше миллиона жителей, ты остановишь выбор на девушке из этой семьи.

Адам решил шокировать его напоследок:

— Я уже делал ей предложение примерно четыре года назад. Её семья отказала мне.

— Что?.. — неподдельное потрясение на лице Дарбиняна — старшего рассмешило мужчину.

А потом это выражение сменилось яростью, и тот хлопнул по столу ладонью, потушив окурок прямо на пачке, не церемонясь.

— Ты лишился ума, если думаешь, что я пойду на такое. Я не собираюсь перешагивать через своё достоинство! — он вскочил, отшвырнув кресло подальше. — Да ты забыл, в каких я с ними отношениях! Артур же... мы с ним никогда не найдем общий язык!

— Если уж я после того, что мне пришлось выслушать от него, готов снова пойти на такой шаг, то ты и подавно должен быть готов. Ради меня.

Отец застыл с приставленной ко лбу ладонью, испытующе глядя на сына.

Адам выдержал этот взгляд, показывая, насколько серьёзно настроен.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что ради девчонки я пойду в этот дом.

Кажется, кое — кто в помещении нуждался во взрослении больше, чем он сам. Адам поднялся. Что ж, не у всех же идеальные отношения с родителями.

— Хорошо, я тебя понял.

Хлопать дверью, чтобы продемонстрировать свой характер, он не стал. Молча вышел, ничуть не удивляясь такому исходу.

И совершенно не сомневаясь, что в конечном итоге будет так, как ему это нужно.

— Почему ты не хочешь остановиться? Зачем делаешь вид, что не заметила меня? — задавал Адам вопрос на ходу, шагая за Мари.

У здания университета, в котором она работала, мужчина простоял битый час, намереваясь поговорить с девушкой. Ему так осточертела эта недосказанность, настолько раздражала эта неизвестность, что он, не найдя оправдания её поступку, в конечном итоге решил встретиться с ней и всё выяснить.

Первые рабочие дни после Нового года выдались довольно холодными, и находиться на улице было не особо приятно. Но Адам стойко выдержал мороз, выкуривая одну сигарету за другой. Ему просто не хотелось ждать в машине, чтобы ненароком не выпустить Мари из виду. И теперь, когда она вышла и даже не взглянула на него, словно действительно не увидела, он стал злиться.

Адам попытался глубоко вдохнуть и не сорваться, поскольку видел, что Мари какая — то чересчур грустная. Ускорив шаг, он опередил её, а затем встал так, чтобы преградить дорогу и перекрыть все возможные пути отступления.

Девушка остановилась, но тут же отвела глаза.

— Я не хочу, чтобы мои студенты стали свидетелями каких — то разговоров.

Достаточно случая в аудитории, — тихим, но твердым голосом произнесла она.

— Хорошо, моя машина рядом.

— Ты ведь не отстанешь, правда?

— Более того — дам твоим студентам лишний повод посплетничать, потащив тебя насильно.

Она окинула его красноречивым взглядом, в котором читалось осуждение и недовольство из — за сказанного. Сегодня Мари казалась ему потерянной и совсем печальной. И Адам хотел бы понять, чем девушка себя так накрутила?

— Пошли! — строго скомандовал он, кивнув вперед.

Когда они дошли и сели, мужчина включил обогрев салона. Пару минут оба просто смотрели перед собой. Затем Адам всё же повернул голову и уставился на профиль Мари. Наверное, сейчас он готов честно сказать, что раньше не видел её истинной красоты — она читалась в благородных чертах её лица, словно дышащих гордостью, в её припухлых пунцовых губах, даривших ему незабываемый вкус, в её аккуратном носике, на который неизменно были водружены эти очки...и в её глазах, ставших родным и незаменимыми.

— Тебе не кажется, что заставляю меня бегать за собой, как — то несправедливо? Я не понимаю тебя. Я всё это время ждал каких — то шагов. Прошло две недели. О чем ты думаешь, Мари? — наконец, решительно начал Адам.

Она продолжала игнорировать его присутствие, направив взгляд на улицу через лобовое стекло. Отрешенная и чужая. Совсем не то пылкое создание, сторовшее в его руках новогодней ночью... Что — то сковывало её, и мужчина, хмуря брови, будто пытался проникнуть в сознание девушки, чтобы понять, что с ней происходит.

Когда Мари заговорила, он просто замер от услышанного.

— Мне казалось, ты наигрался. И моё присутствие уже ни к чему...

— О чем ты, черт?.. Мы ведь любим друг друга!

Она вздрогнула от его резкого тона. Затем медленно повернула к нему голову и посмотрела уставшим, поникшим взглядом.

— Прости, но мне кажется, что с твоей стороны это вовсе и не любовь. Зная тебя, могу предположить, что ты хочешь добиться своего и в этот раз. Твоё эго никак не хочет смириться с тем, что я когда — то оставила такую сногшибательную личность. Что посмела после твоего широко жеста — визита к моей семье — усомниться в твоей мужской сущности. Всего — то. Больше ничего. Мы взрослые люди, давай будем откровенны. Тебе нужна не я, а эта маленькая месть. Я снова провела с тобой ночь, как ты того и хотел. Баста. Занавес. Больше нет необходимости продолжать мои мучения. Я аплодирую тебе стоя, Адам. Ты был прав, я — та, за которую ты меня принимаешь...так, игрушка на пару раз.

Он с неконтролируемой яростью подался вперед и схватил её за руку, дернув к себе. Адаму даже показалось, что из его ушей вот — вот повалит пар, настолько внутри всё загорелось от этих незаслуженных слов.

— Ты совсем ума лишилась, очкарик? Ты чем думала, когда составляла этот монолог в своей голове? Каким местом?

Затем мужчина отдернул ладонь и в замешательстве уставился ей в лицо:

— Я не узнаю тебя...

— А ты бы вернулся ещё лет через десять! — огрызнулась она. — И удивлялся бы, почему не узнаешь меня! Не своди с ума своими глупыми вопросами! Что мне тебе объяснять? Что я люблю тебя, но не вижу будущего рядом с тобой, потому что ты не в

состоянии хотя бы на миг включить человечность и понять мои страхи?! Что не готов смириться с моими чувствами к семье — любовью, уважением к отцу, матери, которые меня воспитали?! Что не хочешь осознать, как они мне дороги, и как это невыносимо — стоять перед выбором?

Мари тяжело дышала, сверля его своими разгневанными глазами. Адам пытался вникнуть в суть сказанного, но мысли куда — то разбежались. Что он делает? Зачем это выяснение отношений? Ведь самым большим его желанием было обнять её сейчас и почувствовать, что она рядом. Просто рядом.

Не дождавшись ответа, девушка вдруг развернулась обратно к окну и прикрыла глаза, восстанавливая дыхание.

Адам потянулся к бардачку и достал из него флакон.

— Посмотри.

Он очутился в её раскрытой ладони. Мари медленно подняла веки и опустила взгляд. Но, кажется, не могла сообразить, что происходит.

— Это твой аромат. Мари, я ведь запомнил его название.

Девушка прокрутила туалетную воду и прочитала надпись. «Carven Le Parfum». Пару секунд мужчина наблюдал за ней с замиранием сердца.

— Мари, ты видишь, он почти пуст? — Адам коснулся её руки. — Знаешь, почему?

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Смысл происходящего никак не доходил до неё — он видел это.

Адам нервно откинулся назад и положил руки на руль, уставившись вперед. Его переполняла какая — то новая потребность объяснить ей своё состояние. Рассказать, как всё обстоит на самом деле, попросить прощения за своё поведение во многих случаях... Черт возьми, из них двоих именно она оказалась любящей и верной, способной сохранить свои чувства без тени сомнений относительно своего выбора... И чтобы понять это, ему достаточно было капитуляции в виде добровольного прихода. Зная гордый характер Мари, он легко мог предположить, что это значит для неё.

— Мари, я купил этот аромат сразу, как только приехал в Москву. Я наслаждался этим запахом каждый раз, когда чувствовал потребность в тебе. Мне казалось, так я буду немного ближе. И как бы ни хотелось выкинуть из головы твой образ, ничего не получалось. Я давно перестал бороться с собой. Но вот с тобой... с тобой я готов был бороться всегда. Я нуждался в тебе, понимая, что ты единственная способна воспринимать меня таким, какой я есть. Любить меня, словно я действительно что — то значу.

Он слышал, как она с шумом втянула в себя воздух. Но не решался взглянуть на неё, продолжая смотреть перед собой.

— Я окутал себя тобой, при этом, не признавая, что ты и есть та полноценная часть меня, в которой, наверное, нуждается любой нормальный человек. Но я ведь далеко не нормальный. Я знаю. И знаю, что ты единственная, кого это не пугает. Кто готов любить даже плохое во мне.

На какой — то миг мужчина замер, наблюдая за падающими снежинками, чтобы дать ей время почувствовать его состояние.

— И что касается твоей семьи — я в курсе, как для тебя это важно. И поэтому договорился с родителями... обо всех этих формальностях. Мари, я, правда, больше не хочу выяснять никаких отношений. Мы и так потеряли столько времени из — за твоей глупости и моей чрезмерной гордости. Я просто хочу, чтобы ты была рядом.

Чтобы задать следующий вопрос, Адам всё же взглянул ей в глаза:

— И как, я тебя спрашиваю, после всего этого ты утверждаешь, что я тебя не люблю?

Собачий холод пробирал до костей. Эта зима для Ростовской области выдалась особенно морозной. Передвигаться по заснеженным дорогам было очень трудно, километровые пробки на выезде из города просто сводили с ума. Вся семья и так нервничала, ещё и эти орущие водители, постоянно нарывающиеся на драку друг с другом... Если обычно путь до Волгодонска занимал около 3–4 часов, сегодня они потратят на него в два раза больше.

У всех было время подумать, как начать разговор, чтобы их приняли по — человечески... Ведь, по сути, это сватовство не было похоже на обычное действо в армянских семьях. По традиции должны присутствовать какие — то второстепенные люди — брат отца, муж сестры жениха, тетушки с маминой стороны и т. д. Плюс должен быть посредник, хорошо знающий обе семьи. Они же поехали своей семьей, взяв с собой лишь сестру матери, тетю Асмик, которая даже не знала Мари.

Об этом мероприятии Адам с девушкой договорился заранее. После долгого разговора, в процессе которого они выяснили, что оба хотят одного и того же, она обещала, что подготовит своих родителей. В конце недели Мари уехала домой, а сам Адам должен был появиться у них, когда она скажет, что всё готово. И вот сегодня с утра они выехали в Волгодонск...

Папа нервно поглядывал на часы, что не укрывалось от взора Адама, старательно рулившего на опасной дороге. Мама и тетя Асмик время от времени вспоминали какие — то свадебные детали, сетуя, что многое не предусмотрели. Мужчина в такие секунды пресекал их попытки пожаловаться и твердил, что это не представление, чтобы быть безупречным до мелочей.

— Я так давно не была там... Интересно, как выглядит наш двор? Всё же мы провели там много счастливых лет... — ностальгировала мама.

— Сколько вы там прожили? — поинтересовалась тетя, которая впервые была в России в гостях у сестры.

— Около 15 лет. Последние 6 лет мы как раз жили по соседству с семьей девушки. Они прекрасные люди. Первое время в Ростове я просто места себе не находила от пустоты рядом. Мне так чужд этот мир богачей...

— Ты опять за своё? — подал голос раздраженный отец.

— Оставь, — вмешался Адам, пытаясь его утихомирить.

Он лишь дёрнул плечом и замолчал. Женщины продолжали свои разговоры. А сам Адам мыслями были где — то далеко, думая об исходе сегодняшней затеи.

Один Бог знает, чего ему стоило прийти к этому решению, а потом уладить всё с родителями. Конечно, мама была в восторге, она действительно любила и Мари, и её семью, с нежностью вспоминая годы тесного соседства. А вот что касается папы... Скажем, «холодная война» возымела эффект, и тот буквально вчера согласился с сыном, поднимая белый флаг в пользу любви к нему.

— Как только услышу что — то оскорбительное, сразу же уйду! Ты меня понял? — предупредил он изначально.

Адам лишь кивнул, понимая, что и сам поступит точно так же. Единственным утешением было то, что Мхитара там не будет. Что — что, а вот его точно он терпеть бы не стал. Чего доброго, опять бы врезал по надменной физиономии.

Оставалось каких — то полчаса до пункта назначения, а у Адама вдруг усилилось ощущение чего — то негативного. Ну, всё было не по душе. Не хотелось снова столкнуться лицом к лицу с человеком, который всегда относился к нему со снисхождением, считая недостойным. И что теперь, если Адам не стал жить так, как Артур Асриян или его сын? Перестать уважать и считать уголовником? Да у него даже не было ни одного привода в полицию, черт возьми!.. Да, он не святой и никогда этого не отрицал. Но как можно всё рубить на корню? Дядя Артур ведь должен понимать, что его дочь любит Адама... А Адам её.

Напряжение в салоне возрастало. Отец ёрзал на месте, жалуясь на долгую поездку, женщины как — то странно молчали. А он сам хмуро смотрел перед собой, с каждой минутой всё больше и больше приходя к выводу, что это пустая затея. Кровь стыла в жилах, стоило ему подумать о том, что им откажут. И Мари снова выберет сторону своего отца. Это будет удар ниже пояса. Второй раз Адам просто не вынесет этого. Точнее, больше не примет этой позиции.

Он четко определил для себя, что при таком исходе дел попросту оставит её. И никогда больше не сделает попыток быть с ней.

* * *

«Отказаться от своего счастья — это всё равно,
что швырять в океан драгоценные камни. Это хуже, чем любой грех»

Кен Фоллет «Столпы земли»

* * *

Марианна.

Она прекрасно знала, что ничего хорошего сегодня не произойдет. Поэтому, открывая дверь гостям, внутренне содрогнулась. Дядя Аршак и Адам стояли впереди. Боже, сколько лет Мари не видела его отца? Он совсем не изменился, разве что седина волос стала чуть более заметной. В остальном мужчина остался прежним, и этот упрямый взгляд... Как и у его сына. Сзади них смущенно мялись тетя Звард и какая — то незнакомая женщина, которую девушка видела впервые. Кажется, Адам что — то говорил о своей приехавшей тёте, но это вылетело у неё из головы...

По — хорошему, Мари не должна была открывать дверь. Это должны были сделать родители. Но она не смогла удержаться и кинулась в коридор сразу же, как заметила в окне машину любимого.

Сейчас, глядя на его решительное выражение лица, Мари почувствовала, как щемящая нежность переполняет её всю. Она вспомнила их последний разговор, вспомнила слова, которые заставили замереть от восторга:

— Хочу видеть тебя рядом с собой каждый день своей непутёвой жизни, Мари. Я устал. Я просто устал искать тебя в каждой встречной. Я устал разочароваться, не находя твой вкус на чужих губах.

В тот момент девушка даже не нашла, что ответить, настолько была поражена искренностью его голоса. Внутри всё пело от осознания того, что он всё же принадлежит ей. Что, пройдя сквозь столько трудностей, преодолев внутреннюю борьбу с собой, Адам признал это. Будь воля Мари, она бы в эту же секунду согласилась пойти с ним хоть на край света, хоть в самую преисподнюю. Но их сдерживало одно обстоятельство. Её отец.

— Добро пожаловать! — раздался голос матери, вернувший девушку в реальность.

Она оторвалась от лица Адам и посмотрела на хмурого отца. Тот поймал взгляд дочери и нехотя выжал:

— Добро пожаловать. Проходите.

— Моя дорогая! — тетя Звард бросилась в объятия мамы.

Обе женщины сразу же немного всплакнули. Но это Мари совсем не интересовало. Девушка внимательно наблюдала за поведением двух глав семейств. Дядя Аршак сделал несколько шагов вперед и подал руку своему давнему соседу. Они поприветствовали друг друга и прошли в гостиную.

Адам помедлил, на пару мгновений задержавшись перед дверью. И, когда взрослые скрылись из виду, украл мимолетный поцелуй.

— Я люблю тебя... — прошептала ему Мари, расплываясь в улыбке.

С ума сойти, что спустя столько лет обе семьи находятся в этой квартире. И по такому поводу...

Вздыхнув особенно тяжело, девушка поплелась в кухню. Папа её сразу предупредил,

чтобы она не выходила, пока он сам не позвет. От волнения Мари готова был лезть на стенку. Черт, даже ничего не слышно! Что же там происходит?! Когда мама пришла за угощениями для гостей, Мари вскочила и кинулась к ней:

— Как обстановка? Что папа говорит?

— Пока всё нормально. В основном, говорим мы со Звард. Они практически не общаются, время от времени перекидываются общими фразами. Ты же знаешь, начало сватовства должно проходить на нейтральные темы.

— А можно я помогу тебе отнести? — указывая на тарелки, спросила девушка.

— Нет. Твой отец говорил тебе не высовываться. Ты и так разозлила его, открыв дверь.

Мари оставалось лишь с покорностью вернуться на прежнее место. У неё не было возможности даже подслушать, настолько плотно была прикрыта дверь гостиной. И зачем такие сложности?!

Спустя минут двадцать, показавшихся ей нескончаемыми, девушку всё же позвали. Ноги по мановению палочки стали ватными, и она с трудом могла передвигать ими. Ей так хотелось присутствовать там с самого начала, но теперь, когда её отделял всего лишь шаг, Мари просто застыла на пороге. Отец обещал, клялся, что никогда не отдаст свою дочь в эту семью. И что ждёт её в следующую минуту?

Дикий, будоражащий и какой — то первобытный ужас охватил её нутро. Это не просто маленький шажок. Это прыжок в пропасть. Она стоит перед выбором, который мучает душу вот уже четыре года. Это жестоко, это несправедливо, что ей придется выбирать между любимым отцом и любимым мужчиной...

— Куда она подевалась? — послышался раздраженный голос папы.

— Сейчас придет, — сдержанно ответила мама.

И вновь воцарилась тишина. Мари взглянула на свои ноги с таким изумлением, будто видела их впервые. Почему они отказываются идти?..

— Мари!

Крик отца заставил её очнуться. Девушка вздрогнула и сразу же вошла в гостиную. Шесть пар глаз уставились на неё.

— Я здесь... — тихо произнесла она, уставившись в одну точку.

— Адам...и его семья просят твоей руки.

Он сказал об этом так торжественно, будто оглашал какое — то важное открытие. Мари изо всех попыталась сдержать нервный смешок, щекотавший горло.

— Мой ответ — нет. И ты его прекрасно знала. Всё остальное можешь решать сама.

Вот тот момент, которого она боялась. Какое — то странное чувство, будто всё тело немеет от кончиков пальцев рук до самых стоп. Неприятное ощущение слабости и беспомощности. И ты будто такая никчемная, что даже говорить не в силах. Мари медленно подняла глаза и обвела всех присутствующих застывшим взглядом. Последним, на кого она посмотрела, был Адам. На его лице читался явный вызов — он не принял это решение. Её любимый мужчина ждал решающего шага от той, ради которой переступил через себя и свою гордость...

Бога ради, почему Мари должна в очередной раз стоять перед такой дилеммой?..

Прошло долгих минут пять в гнетущей тишине. Никто не произнёс ни звука. Эта обстановка сводила с ума и заставляла пылать натянутые нервы от напряжения. Даже если бы и могла, Мари не сказала бы ничего. Потому что сейчас её слова не будут иметь никакого смысла. Да и потом, она всё равно не в силах была заставить язык во рту шевелиться. Взгляд

Адама, такой требовательный и выжидающий, словно приковал её к месту. Слишком много зависело от неё, и это было невыносимо...

— Думаю, всё и так ясно... — протянул дядя Аршак.

Он поднялся, а за ним и присутствующие женщины. Все направились к выходу, огибая застывшую Мари. Последним встал и вышел за всеми отец. В комнате остались они с Адамом, который совсем не спешил. Его глаза зажглись печальным огнём разочарования. Он будто говорил о том, что примерно такого и ожидал. А она не могла себя заставить заговорить! Не могла открыть рот и рассказать ему, что готова уйти с ним куда угодно сию же минуту!

— Я со своей стороны попытался спасти наши чувства. Хотя, думаю, это должна была сделать ты... Марианна...

И после этих слов он ушел настолько стремительно, что девушка и глазом моргнуть не успела. Когда дверь захлопнулась, а родители вернулись в гостиную, она почувствовала, как сильные руки обнимают её сзади.

— Ты умница. Я всё боялся, что ты будешь упрямиться. А ты и всех сделала! Вот так!

Она в ужасе перебаривала сказанное, с каждой секундой всё отчетливее и отчетливее понимая, что натворила.

— Ты ведь не простишь бы мне, если бы я ушла с ним? — отрешенным голосом спросила девушка, поворачиваясь к отцу.

Он ничего не сказал. Да и ни к чему было это лишний раз подтверждать.

— Но Адам — это я. Это часть меня. Ты же мой папа. Ты должен принимать всё то, что связано с твоим ребенком. Разве я плохая дочь? Разве я хоть раз дала повод сомневаться в себе? Это мой выбор! Ты должен уважать мой выбор! Вы все должны уважать мой выбор! — перешла Мари на крик.

— Мари! — одёрнула её мама.

Мужчина убрал руки с плеч девушки и красноречивым жестом указал ей на дверь:

— Лучше иди в свою комнату, пока не наговорила того, о чём потом будешь жалеть.

Его зловещий тон не предвещал ничего хорошего. И в этот момент Мари почувствовала, как в ней поднимается волна отвращения и ненависти. Она толком не смогла бы объяснить — к себе или к родителям испытывает эти гнусные чувства...

Оказавшись на своей кровати, девушка уставилась в темноту сумерек остекленевшими глазами, полными пустоты. Нет, так нельзя... Почему из — за упрямства отца она второй раз должна терять своё счастье? Он ведь обязан хотя бы попытаться понять её! Обязан сделать шаг ей навстречу! Четыре года Мари сдерживает свои терзания и боль от потери тех неповторимых мгновений, которые могла бы пережить рядом с любимым человеком... Четыре года испытывает муки, граничащие с физической болью. Смотрит на окружающих — Лилит с мужем, Мхитара с женой, Авета, их детишек... и понимает, что упустила самое важное в этой жизни.

Ей больше не хотелось быть примерной дочерью и уважаемой преподавательницей, жизнь которой расписана по минутам. Мари хотела быть сумасшедшей влюбленной девочкой, готовой с головой уйти в это состояние. То, что в своё время не сделала, будучи неготовой пойти против воли отца.

Но как же она жалела... как же сокрушалась...

Если за всё это время, наблюдая за её погасшими глазами и замкнутостью, появившейся после расставания с Адамом, он не понял, что его дочь страдает... то и сейчас не поймет.

Мари осознавала, что не сможет изменить отношение отца к своей любви. Но почему она, взрослая состоявшаяся женщина, должна кому — то что — то доказывать? Почему должна убеждать всех в своей правоте? Почему должна вымалывать шанс на счастливую жизнь, если у неё есть полное право идти по своему выбранному пути?! Девушка, считающая себя сильной личностью, в какое — то мгновение оказалось безвольной куклой, позволяющей управлять собой. Это так глупо!..

Вскочив с кровати, Мари принялась собирать свои вещи. Благо, их было не так много, потому что она не планировала задержаться в родительском доме.

— Что ты делаешь? — удивилась мама, вошедшая на шум.

— Уезжаю.

— За ним?

— За своей потерянной жизнью.

— Мари...

— Не надо! Вот этого всего больше не надо! Мне не пять лет! — угрожающе предупредила девушка, взглянув на мать. — Я не хотела причинять вам боли почти четыре года. А вы даже на мгновение не захотели войти в моё положение и понять, что причиняете боль мне.

В глазах женщины застыли слёзы, а лицо исказилось мукой.

— Не говори так...

Мари потянула замок, закрывая небольшую спортивную сумку.

— Я устала, мама... Позвольте мне быть собой.

— Я понимаю, что у вас сильные чувства, но если ты сейчас так поступишь, папа тебя не простит...

— Пусть задаётся вопросом, прощу ли его я. За столько лет мог понять, как мне плохо.

Взяв телефон и сумку, девушка подошла к двери, поравнявшись с мамой.

— Прости меня, но я так не смогу дальше. И так затянула с этим, давно надо было пойти за тем, кого люблю с самого детства.

Крепко обняв её и сдерживая свои эмоции, Мари быстро отстранилась и поторопилась уйти, пока отец не заметил.

Не оборачиваясь, она покинула дом, в котором выросла.

Дом, в котором ей больше не будут рады...

— Лилит, ты можешь узнать у Алисы насчет крупного кредита? — потирая от холода пальцы, придерживающие мобильный, спросила Мари. — Нет, ничего не случилось, — отвечала она на закономерный вопрос подруги с другого конца «провода». — Я хочу взять деньги и закрыть ипотеку, чтобы родители не волновались ни о чем. Лил, хватит задавать вопросы, расскажу всё потом, когда встретимся. Мне пора!

Завидев приближающуюся машину Адама, она поспешно отключила телефон и с замиранием сердца стала ждать. Всю ночь Мари думала над тем, как будет извиняться перед ним, с чего начнет. В голове сами собой строились целые диалоги с возможными вариантами окончания разговора. И каждый последующий был хуже предыдущего... Ей казалось, что он попросту не станет её слушать и пошлёт ко всем чертям. Адам это человек, который неоднократно признавался, что не умеет прощать. Он отличается от всех знакомых ей мужчин своей прямоотой и диким нравом. Его натура была пламенем. И этот пламень Мари вчера заставила разгореться.

Если говорить откровенно, какому представителю доблестной половины человечества

понравится тот факт, что любимая девушка дала ему от ворот поворот... Второй раз. Публично. А если речь идет о Дарбиняне... Тут даже трудно найти подходящие слова.

Зная Адама, Мари была уверена, что он рвал и метал, не получив то, за чем приехал. Чувствовала, что это был его последний шаг, видела, как разочарованно смотрели эти глаза, когда она стояла перед ним в безмолвии. И если сейчас не удастся достучаться до него и объяснить свою оплошность...то это окончательный разрыв.

Адам припарковался напротив своего подъезда и медленно вышел, не обращая на неё никакого внимания.

— Дарбинян, это даже обидно! — с улыбкой выкрикнула Мари, когда он попытался пройти мимо.

Адам резко обернулся на звук её голоса и удивленно расширил глаза, не ожидая застать здесь девушку.

— А если бы я не приехал домой, чтобы забрать документы, ты простояла бы здесь до самой ночи? — приподнял он брови, саркастически усмехнувшись.

— Я стояла бы здесь до самой смерти, мне без разницы, сколько пришлось бы ждать.

— Даже стесняюсь спросить, чем заслужил такие жертвы?

Мари сглотнула, внутренне содрогаясь от его издевательского тона. Перед ней снова стоит оскорбленный Адам, который попытается задеть как можно сильнее, чтобы она почувствовала то, что довелось ему испытать вчера. И если у неё не получится растопить этот холод сейчас, то всё потеряно...

— Сама задаюсь этим вопросом в течение вот уже двадцати лет, — добродушно ответила девушка, пожав плечами.

— И как успехи?

Адам засунул руки в карманы и наклонил голову, взглядом блуждая по ней. То, что он остается стоять и не собирается посылать её ко всем чертям, ободрило Мари. Она подошла к нему вплотную, не обращая внимания на громкий стук сердца в груди.

— Адам, пожалуйста, прости меня за эту вчерашнюю слабость. Я знаю, что ты больше и шагу не сделаешь в мою сторону. Знаю, какой ты гордый. Знаю, чего тебе стоило прийти...

— А если ты всё это знаешь, — перебил он, стиснув зубы, — то почему же не вспомнила об этом в тот момент, когда твой отец дал тебе право выбора?!

— Мой отец не давал мне права выбора, и ты это прекрасно знаешь! — взмолилась девушка. — Мне ведь очень трудно! Ты понимаешь, какое это тяжелое испытание?! Он мой отец! Он вырастил меня! Он вложил в меня свою душу! В конце концов, то, что я сейчас такая, по большей части именно его заслуга! Но, вместе с тем...Адам, я тебя люблю... Вопреки всему. Моя жизнь без тебя так пуста и кажется такой пресной, что одна мысль остаться снова одной кажется мне невыносимой. Я ушла... Понимаешь, что значил мой вчерашний уход из дома?!

— Уход из дома? Ты вернулась вчера? — в очередной раз за эти пару минут его брови поползли вверх. — Почему же сразу не пришла?

— А ты бы принял меня?

Несколько секунд он вглядывался в неё, сузив свои глаза в задумчивости. Решимость Мари убывала с каждым мгновением...

— Нет, не принял бы. И ты это знаешь.

— Поэтому я и не пришла, уверенная, что тебе нужно успокоиться.

Адам вдруг сделал шаг назад, увеличив расстояние между ними, и зловеще улыбнулся. А

ей показалось, что этот шаг образовал целую пропасть.

— А с чего ты взяла, что я приму тебя сегодня? Или завтра? Или через год?

— Но...

— Что? — резко перебил он, и его лицо исказилось от ярости. — Твою мать, Мари, почему твой длинный язык теряет свои способности именно в те моменты, когда так отчаянно нужен? Почему твоя чрезмерная смелость, иногда доходящая до абсурда, вот уже второй раз улетучивается, когда дело касается меня? Может, ты и вовсе не уверена в том, что тебе нужно? И зря себя обманываешь? Я не хочу потом слушать обвинения в свой адрес, будто семья отказалась от тебя по моей вине! Иди и живи с ними в мире. Со мной тебе это не светит... Я другой.

— Но это неправда! Я уверена! Уверена! Мне не нужен мир с остальными. Я согласна на войну рядом с тобой! — горячо уверяла Мари.

— Ты опоздала. Война завершилась.

Она смотрела на него во все глаза, не понимая, что он хочет поставить точку. Неужели они теряют друг друга по её вине?..

— Адам...

— Мари! — прервал вновь Адам, выставив ладонь перед собой. — Послушай, тебе лучше уйти. Ты в своих решениях не уверена, поэтому принимаешь их слишком медленно и слишком тяжело. Моей уверенности на нас двоих непозволительно мало, и я уже устал терять тебя. Пусть этот раз будет окончательным. Ты можешь делать всё, что хочешь. Я — пас.

И, развернувшись, он зашагал к подъезду.

Что? Вот так просто позволить уйти человеку, который был, есть и всегда будет твоим счастьем?.. Позволить ему совершить эту ужасную ошибку, чтобы оба в дальнейшем страдали? Позволить их истории закончиться вот так глупо и нелепо?..

Дрожащими пальцами Мари наклонилась и зачерпнула большую горстку снега с ближайшей скамьи. Затем быстро слепила пару снежков и, повинувшись паническому страху, бросилась за Адамом.

Нет уж, ему так легко не отделаться от неё.

За свою любовь она будет бороться горячо и отчаянно.

Пусть и такими странными способами...

* * *

«Вдвоем или своим путем,
И как зовут, и что потом.
Мы не спросили ни о чем,
И не клянемся, что до гроба...
Мы любим, просто любим оба»
Ёсано Акико

* * *

Спустя время, январь, год 2016
Адам и Марианна.

Открывая дверь родной квартиры, оба с наслаждением вздохнули. Как чудесно оказаться дома, пусть отсутствие и длилось всего пару дней.

Эта квартира — настоящий очаг, мир, где они обрели друг друга.

Повесив куртку, Адам забрал у Мари дочь и направился с ней в детскую. Девушка же аккуратно расставила большие пакеты и принялась снимать пальто.

— Ну что, Гог, ложимся спать? — донеслось до её слуха.

Мари содрогнулась и раздраженно вскрикнула:

— Адам! Оставь — ка ребенка и выйди на минутку!

Через пару мгновений он показался в дверном проёме и...не успел увернуться от красного замшевого сапожка, залетевшего ему прямо в плечо.

— Гог?!

Ответом ей стал его залиvistый смех, и Мари, поджав губы, прошипела:

— Сколько раз я говорила, чтобы ты не называл её этим мужланским именем! Мою дочь зовут Гоар! Гоарик! Не Гог! Не Гога!

Она метала молнии, хмурясь и ещё больше впадая в гнев от веселой ухмылки, появившейся на его лице.

— Так, на секундочку, она и моя дочь тоже. Не вмешивайся в отношения отца с дочерью! — самоуверенно выдал он и поспешил скрыться, чтобы не получить вторую пару обуви в качестве бонуса.

Мари лишь испустила короткий яростный вопль. Адам неисправим! Со дня рождения Гоар прошло уже три месяца, а она до сих пор не может отучить его называть дочь этой дурацкой кличкой.

Девушка подошла к двери и подняла с пола сапожок, вернув на законное место — небольшую резную полочку у входа. Затем направилась в детскую комнату. Она была очень светлой и похожей на ожившую страничку из сборника сказок. Некое королевство для девочки — много розового и зеленого цвета, стены, раскрашенные под радугу с многочисленными бабочками различных цветов и видов. В центре красовалась белоснежная кровать, абсолютно простая, но очень изящная. Вокруг было много игрушек — от мягких зверюшек до огромных кукол в упаковках. Шкафчики были забиты всевозможной одеждой, которой им надарили столько, что уже некуда было складывать.

Мари устроилась не небольшом удобном диванчике перед детской кроватью и уставилась на Адама, разговаривающего с дочерью. Он не был похож ни на одного отца,

которого ей когда — либо довелось видеть. Вместо сюсюканий и всяких сладких слов, её любимый мужчина обращался с Гоарик как со взрослым человеком. Часто Мари приходилось наблюдать, как девочка, вытаращив свои прелестные глазки, внимательно смотрит на папочку, приподнимая бровки. Она понятия не имела, о чем он толкует, и всё чаще и чаще раскрывала рот в своей беззубой улыбке, доказывая ему, что нуждается в ласке и играх больше, чем в серьёзных разговорах и наставлениях. На самом деле, Адам просто притворялся суровым и стремящимся воспитывать ребенка с первых дней его жизни. Он был нежнее, чем Мари, и, с упоением целуя дочь, очень часто не хотел выпускать её из рук, наслаждаясь маленьким чудом.

— Всё же, я был прав, когда говорил о простом математическом правиле. У нас получился хороший «плюсик», — как — то сказал он, наблюдая за спящей Гоар.

Как Мари описать свои эмоции и бушующие внутри чувства? Она ликовала! Была счастлива настолько, что сомневалась в наличии ещё более счастливого человека на этой земле. И ни секунды девушка не пожалела, что пошла за любимым человеком, послушавшись отца.

Почти год прошел с того дня, как своей снежной атакой она остановила Адама, спешащего прочь. Надо было видеть его лицо, когда он повернулся к ней и схлопотал второй снежок прямо в лоб... Ситуация была настолько комичной, что девушка не выдержала и разразилась смехом, бросив третий снежный снаряд на асфальт. Пока он отряхивал волосы и вытирал влажную кожу, она немного успокоилась и с улыбкой уставилась на него.

— Я не сдамся! Я не отпущу тебя, понял? Теперь ты видишь, какой опасной и сумасшедшей я могу быть?! Уверенность? Да она растет во мне с пяти лет! С того самого момента, когда ты вошел в дверь своей гостиной! Крепнет с тех пор, как ты меня поцеловал! Как впервые прикоснулся ко мне... Как признался в любви... Как переступил через себя ради нашего будущего! Я не хочу это терять. И не поверю, что ты так легко готов отказаться от меня!

И плевать, что её слышат соседи. Плевать, что жильцы, спешащие домой, оборачиваются им вслед... Она должна была до него достучаться!

И без того грозное лицо Адама каменело с каждым сказанным ею словом, и он вдруг стал медленно надвигаться на Мари. По инерции девушка сделала пару шагов назад. Она не знала, что у него на уме, но ей почему — то стало не по себе. И неожиданно Адам остановился. Посмотрел на неё долгим, тяжелым взглядом, что — то прикидывая в уме.

— Эй, — крикнула Мари ему, взволнованно облизывая губы, — ты всё забыл! Злодей не должен давать права выбора! Ты меня удивляешь, Дарбинян! Вернись, черт возьми, я хочу, чтобы меня похитили и доставили в моё королевство!

Возможно, последнюю фразу она прокричала чуть громче, чем следовало, но, кажется, её импульсивность возымела эффект...

Его внезапная широкая улыбка, преобразившая лицо, была такой заразной, что она вновь рассмеялась. Облегченно и радостно. Он сдался! Да!

Пальцы замерзли от холодного снега, остатки которого размазались по её ладоням. Девушка шмыгнула носом и стала потирать руки, неотрывно наблюдая за приближающимся Адамом. Он был похож на хищника, знающего, что добыча уже никуда не убежит. В глазах его плясали бесенята, и Мари даже предположить не могла, что тот задумал. Через какое — то мгновение она оказалась в сильных объятиях, и Адам, подхватив её на руки, кинулся к своей машине. Это рассмешило девушку ещё больше, и она сквозь смех выдала:

— Куда ты помчался? Я же не убегу. Я пришла сама!

— А мне кажется, что ты передумаешь и снова выберешь своего отца.

Мари коснулась холодными пальчиками его щеки, привлекая к себе внимание, и со всей серьёзностью произнесла:

— Я всегда выбирала тебя, только не умела правильно выразить. Ты просто этого никогда не понимал.

Он взглянул ей в глаза с благодарностью и невыносимой нежностью:

— Как ты знаешь, со мной бывает очень трудно.

Мари прижалась к нему, уткнувшись носом в жилку на его шее, бьющуюся быстрее обычного.

— Я люблю тебя во всех твоих проявлениях, меня никогда не испугают какие — то трудности.

Она услышала, как шумно Адам вдохнул в легкие воздух, а затем его губы коснулись её лба в легком поцелуе.

— Мари, у тебя сейчас будет возможность доказать это.

Он поставил её на ноги, загадочно улыбаясь и открывая перед ней дверь пассажирского сидения. Мари решила ничего не спрашивать, покорно устроившись в машине.

Через двадцать минут пути в полном молчании и в крайне нервном возбуждении, девушка ахнула, увидев перед собой здание ЗАГСа.

— Мы сейчас подадим заявление? — догадалась она.

— Нет, мы сейчас поженимся, — Адам покачал головой и предвкушающе улыбнулся.

— Да ты с ума сошел! Так не делается! У меня нет платья! Нет колец, прически... Адам! — в панике закричала она. — Ты не можешь так поступить!

— Могу, ещё как могу. Я же злодей. Я не даю тебе права выбора. Посмотри на меня, очкарик, — он осторожно взял её за подбородок и развернул лицом к себе, — зачем тебе и мне эти формальности? Я тебя, считай, украл. У нас своя сумасшедшая история. Тебе так важно какое — то платье?

Мари готова была голосить на всю округу, что ей ничего не важно, кроме него. Сколько слов вертелось в голове, сколько всего хотелось ему сказать... а язык во рту отказывался двигаться. Она онемела от волнения. В голове пульсировала только одна мысль о том, что они наконец — то будут вместе...

Его глаза горели огнем, Мари видела, что это сейчас является самым большим желанием Адама — узаконить свои права на неё.

— Нет, но кольца...

Адам убрал руку с её подбородка и потянулся к бардачку. И каково же было изумление девушки, когда он достал оттуда две синие бархатные коробочки. Нетрудно было догадаться, что внутри. Но Мари всё же нетерпеливо выхватила их и открыла по очереди, восторженно рассматривая красивые обручальные кольца. Вытащив то, что было поменьше, она стала разглядывать его ближе и вдруг заметила гравировку.

— Адам... — прочла девушка вслух, смакуя имя любимого. — И у тебя есть такая же?

— Да, с твоим именем.

— Когда ты успел?

— Перед тем, как ехать свататься. Я, конечно, предполагал, что всё так закончится, но маленькая надежда во мне жила.

— Да ты романтик... — подколола его Мари, не отрывая взгляда от сверкающего

золота.

— Ну, это вряд ли. Просто я давно не мальчик. Я знаю, чего хочу.

Девушка хмыкнула в ответ на это самоуверенное замечание, затем убрала всё и уставилась на него:

— В принципе, я тоже не мальчик. И тоже знаю, чего хочу.

Адам рассмеялся и одним резким движением заключил Мари в объятия.

— Но с большими опозданиями... — и, не дав ей возможности возразить, он накрыл её губы горячим поцелуем.

Через какое — то время, вдоволь нацеловавшись, они отправились в ЗАГС. Невозможно описать вытянувшиеся лица работников, когда Адам выложил перед ними кругленькую сумму без всяких прелюдий. Их расписали через полчаса. Она была в каких — то обычных классических брюках и светлой рубашке, а он — джинсах и черном джемпере. Ни прически, ни приготовлений, ни шампанского... Даже свидетелей. Их заменили какие — то незнакомые парень с девушкой, пришедшие подать заявление. Хорошо, что хотя бы паспорт Мари всегда носила с собой, приученная этому с первых дней работы в университете. Книжки нет.

Вот так состоялась их маленькая свадьба. Без гостей и без всяких привычных пышностей. Но, ни Адаму, ни Мари это не было важно. Их больше интересовал тот факт, что они теперь вместе. Окончательно.

Последующие сутки они безвылазно провели всё на том же матрасе, в перерывах между занятием любовью обсуждая дальнейшие шаги и изливая друг другу душу. Было решено, что Мари переедет вместе с ним в эту квартиру с видом на полюбившийся проспект Сиверса, который уже успел стать ей родным. Как оказалось, здесь до них никто не жил. Что не могло не радовать. Получается, отсюда началась их история, и здесь она продолжилась. Признаваясь Мари в том, что хотел сохранить их счастливые воспоминания, Адам рассказал об оформленной пару лет назад ипотеке.

Девушка до конца не могла поверить в случившееся. Её охватывал буйный восторг лишь от одной мысли, что она будет засыпать и просыпаться с любимым человеком. И что этот мужчина действительно поступками доказал, как она ему нужна. Они смогли дать друг другу шанс, «плодами» которого наслаждаются по сей день.

Единственной печальной мыслью был разрыв с семьей. Отец и брат, узнав о поступке Мари, отказались с ней общаться. Она созванивалась только с мамой. Никто из них до сих пор не видел Гоарик... Девушка не смирилась с таким положением дел и жила с надеждой, что в скором будущем всё изменится. Боль и обида не отпускали её. Да, как бы счастлива она ни была с Адамом, родная семья — та часть, которую никто не заменит. Ей не верилось, что они могут быть такими жестокими и не пытаться увидеть внучку, племянницу...

Сыну Мхитара исполнится год через пару недель. Невестка втайне от мужа несколько раз приходила с маленьким Артуриком, и Мари вдоволь игралась с ним, обнимала и целовала, пытаясь компенсировать тоску. Будучи беременной, она всё надеялась, что сможет растопить лед между родными, когда родится её ребенок. Но этого не произошло. Когда они не пришли и в роддом, Мари поникла и уже, было, отчаялась. Но, как ни странно, именно Адам помог ей поверить в то, что отец, мать и брат не могут так легко забыть о ней. И как бы они ни злились на неё, как бы ни осуждали, рано или поздно поймут, что всё это теперь бессмысленно. Она — замужняя женщина, мать. И они должны это принять.

Поддержка Лилит и Адама помогла ей отставить в сторону свои дурные мысли, обиду.

Мари теперь жила своей собственной семьей, временно отказавшись от поступления в аспирантуру. Она планировала сделать это прошлым летом, но беременность стала неожиданным сюрпризом, который требовал перестройки всех планов. И девушка приняла решение перенести поступление на год, то есть, когда дочь немного подрастет. Гоар родилась ровно через девять месяцев со дня их импровизированной свадьбы. Адам — вообще отдельная тема. Новость о том, что он станет отцом, повергла его в шок. Никто из них не был готов к тому, что это произойдет так скоро, и всё же, это было лучшим подарком жизни. Шок любимого сменился потрясением, когда он впервые увидел свою «авторскую работу». Наверное, даже его родители наблюдали за ним с удивлением. Казалось, Адам совершенно не соображает, что нужно делать с маленьким комочком. Но в тот миг, когда Гоарик открыла глаза и посмотрела на него, его суровое лицо озарила счастливая улыбка. Бесценная, трогательная, полная любви. И все вокруг вздохнули с радостью и облегчением.

Жизнь протекала своим чередом, всё постепенно менялось. В частности, детей становилось больше. Лилит за несколько месяцев до самой Мари родила второго сына, наигранно жалуясь, что третий мужчина в доме — слишком. Марк поглядывал на маленького брата с опаской, видя в нем угрозу лишиться звания любимчика. Они все очень часто проводили вместе выходные, и детский сад вокруг нравился Мари. Иногда к ним присоединялся Авет с дочками — близняшками и беременной женой.

Как — то незаметно бывшие самоуверенные парни превратились во взрослых и ответственных мужчин. И это всегда вызывало улыбку у Мари. Кто бы мог подумать, что Адам станет трепетным мужем и отцом? Ведь никто не ожидал от него такого. Все — таки, чудеса случаются. Отъявленный хулиган, задира, гроза школы, которому учителя предвещали остаток дней в холодных стенах колоний, превратился в образцового человека.

А она верила в него всегда. Её любовь была выше всего остального. И именно это помогло пронести их чувства сквозь расставание, ссоры и недопонимание.

Теперь они научены горьким опытом. И любят сильнее.

С этой мыслью Мари удовлетворенно заснула, прислонив голову к спинке дивана, пока её любимый мужчина баюкал их дочь.

Когда Гоарик заснула, Адам с широкой улыбкой провел пальцем по щеке своего ангела, удивляясь, насколько сильные чувства переполняют его нутро. Это так странно, что такое маленькое создание способно перевернуть такой большой мир вокруг...

Повернувшись к Мари и увидев, что она мирно спит, он присел рядом и уткнулся носом в шею жены. Адам сходил с ума от её запаха. И до сих пор испытывал потребность ощущать неповторимый вкус Мари. Между ними ничего не изменилось — та же страсть, то же притяжение, та же любовь. Пожалуй, он готов признать, что они странная пара и всё делали, поменяв порядок. Начиная с первой ночи, заканчивая поспешной свадьбой. Последнее было его желанием, потому что он больше не хотел отпускать её. На самом деле, Адам не ожидал, что сможет так легко простить ей минутную слабость, которой она поддалась в вечер сватовства. После того, как он вышел из дома Мари, мысленно дав слово, что больше не посмотрит в её сторону, Адам был уверен, что его злость поможет сдержать это обещание.

Когда на следующий день Мари появилась перед ним с таким виноватым выражением лица, с беззащитной улыбкой, сообщив, что ушла сразу за ним... уверенность дала трещину. Да, он не поддался первоначальному порыву сгрести её в охапку и утащить куда —нибудь подальше, чтобы их потом никто не смог найти. Посоветовал уйти и жить с теми, кого она выбрала очередной раз. Но не это было его истинным желанием. Когда Адам поворачивался

к ней спиной, вся его сущность будто взмолилась — останови меня, не позволяй уйти, чтобы потом сходить с ума в одиночестве... И как же он был счастлив, что Мари услышала его беззвучную мольбу! Эта сумасшедшая не нашла ничего лучше, чем закидать его снегом в попытке остановить. Такого ему еще не доводилось видеть и испытывать. Адам потерпел фиаско в своем стремлении быть прежним безжалостным парнем.

Каждый раз, смотря ей в глаза, он чувствует своё поражение. По сей день. Ничего не имеет значения. Только она. Его мир, любовь, страсть — всё это она.

Адам в очередной раз посмотрел на часы, нетерпеливо фыркая.

— Пока мы доберемся до них, уже наступит пасха.

— Я уже готова! — весело прокричала Мари из ванной.

Он саркастически приподнял брови и взглянул на Гоар в коляске.

— Твоя мама мне нравилась гораздо больше, когда носила толстовки и джинсы, и не знала, что такое косметика.

Дочь пару раз моргнула в ответ.

— Вообще — то, я трачу кучу времени не на макияж, а на эти дурацкие линзы! Попробовал бы сам хоть раз засунуть это адское изобретение себе в глаз, Дарбинян! Между прочим, именно ты настоял на том, чтобы я сменила очки на вот это! — появившись из — за двери ванной, Мари указала пальцем на свои глаза в линзах.

— По крайней мере, они не мешают целоваться. У меня уже горб образовался на носу от столкновений с этой ужасной оправой!

— Бедняжка! — издевательски протянула она, покачав головой. — Ладно, нам уже действительно пора.

— Серьёзно?! А я даже не заметил, как простоял тут полчаса. Как, уже пора?

Мари бросила в него убийственный взгляд, на который Адам ответил обворожительной улыбкой.

Они собрались и вместе с Гоарик спустились к машине.

Сегодня Лилит и Саркис пригласили их на Рождество, чтобы одновременно отпраздновать и новоселье. Они сменили своё жильё на просторную трехкомнатную квартиру, где теперь всем хватало места.

Пока Мари помогала Лилит с сервировкой стола, Адам увлеченно болтал с Сако и несколькими его родственниками. Его взгляд всё время возвращался к коляске Гоар, к которой постоянно подходил Марк. Смешливый мальчуган смотрел на малютку с большим интересом. От Адама не скрылось, что тот переводит глаза с младшего брата на малышку, что — то прикидывая в уме. Возможно, пытался сравнить их возраст.

В какое — то мгновение Марк вдруг встал на цыпочки и опустил голову в коляску. И Адам с изумлением наблюдал за тем, как он чмокнул его дочь. Это видели и остальные. Взрыв смеха и соответствующие намеки не заставили себя ждать. Он же, не разделяя общего веселья по этому поводу, с истинной отцовской заботой и собственническим чувством пододвинул коляску ближе.

Мальчик пару секунд изучал лицо Адама, потом равнодушно отвернулся и отправился играть.

— Давайте к столу! — оповестила всех Лилит.

Чуть позже, когда был озвучен очередной тост в честь их новоселья, а содержимое бокалов — выпито, двоюродная сестра Лилит, Алиса, вдруг обратилась к Мари:

— Так что ты потом сделала с квартирой, для которой брала этот кредит?

Адам изумленно уставился на свою жену, не понимая, о чем идет речь. Лилит взглядом намекнула сестре, что та сейчас сказала лишнее. Мари немного опешила, но потом взяла себя в руки и произнесла:

— Квартира так и пустует. Я говорила маме, что они могут сдавать её и получать прибыль, но она не стала меня слушать.

— А почему ты сама не сдашь еще? В конце концов, такие деньги потрачены, можно вернуть их обратно в течение пары лет.

— Нет, я не хочу. Она принадлежит им, как бы они этого ни отрицали. Посмотрим, вдруг когда —нибудь передумают и решат переехать в город. Ближе к внукам...

Он гордился тем, что, несмотря на легкую печаль в голосе, Мари говорила твердо и держалась очень стойко. Раньше любая тема, связанная с её родными, могла в одно мгновение выбить девушку из колеи. Теперь она немного успокоилась и относилась к позиции семьи с неким пониманием. Всему своё время. Они ещё успеют посидеть за общим столом — Дарбиняны и Асрияны.

— Что за кредит, о котором я ничего не знаю? — уже в машине по пути домой спросил Адам.

— Мм... — Мари замялась. — Я взяла его как раз после нашей свадьбы. Чтобы сразу закрыть ипотеку.

Он попытался взять себя в руки и нарочито мягко уточнил:

— Как ты его выплачиваешь?

— У меня были кое — какие сбережения, я когда — то начала копить на машину. Плюс зарплата... А после рождения Гоарик я временно заморозила кредит.

— Когда мы доберемся домой, тебе лучше минимум на сутки запереться в ванной, чтобы я не смог дотянуться до твой прелестной шейки...

Его грозный тон не подействовал на Мари. Она рассмеялась и честно призналась:

— Я не хотела, чтобы ты предлагал мне свои деньги.

— Мари! — не выдержал Адам, стукнув кулаком по рулю. — Нет «моих» денег. Они наши! Какая же ты упрямая! Я должен был узнать об этом первым! Как тебе в голову такое пришло — скрывать от меня финансовые вопросы?! Завтра же пойдем и погасим его полностью.

— Вот именно поэтому я и не хотела, чтобы ты знал. Позволь мне самой выплатить его...я этого хочу. Правда.

Адам ничего не ответил, злясь на неё. Поступок действительно глупый. Ему ведь ничего не стоит закрыть этот кредит. Слава Богу, дела идут хорошо, и это не проблема. Но ведь Мари всегда должна поступать по — своему! И как она умудрилась скрывать это в течение года?!

Остаток пути они ехали молча. Мари время от времени заботливо поправляла одеяльце Гоар, хмуро посматривая в его сторону. А он пытался успокоить волну протеста в себе и понять её мотивы. Ну, допустим, она хочет выплатить кредит сама, потому что квартиру оставит своим родителям. Хорошо. Он с этим смирится. Но что мешало сказать об этом раньше?!

Уже дома он бросил на ходу, отправляясь в гостиную:

— Когда покормишь Гогу, позови, я сам хочу уложить её. Потом поговорим.

А сам открыл ноутбук и начал изучать автомобильные сайты. Спустя какое — то время, остановив выбор на нескольких моделях, Адам сделал закладки, а затем встал, медленно

направившись в детскую. Мари как раз поправляла кофту после кормления. Он приблизился к Гоар и, осторожно взяв её на руки, поместил в кроватку.

— Сегодня я понял, что нам надо серьёзно поговорить, — обратился он к дочери, имитируя строгий голос. — Ты уже в том возрасте, когда я должен кое — что объяснить. Мне не нравится, как на тебя смотрит этот Марк. Ты должна понимать, что слишком мала для всякого рода отношений. Надеюсь, ты не подведешь своего папу?

За спиной послышался истерический смех Мари. Адам невольно расплылся в улыбке.

— Кстати, твоя мама очень плохой пример. Её ситуацию тебе не надо брать за основу...

— Эй! — фыркнула она, подойдя ближе и опираясь локтями на бортики кроватки. — Твой папа, между прочим, в этой ситуации замешан не меньше мамы! И не слушай его! Я буду очень даже рада, если у вас с Марком что — то выйдет!

— Ты портишь мою дочь! — в притворном возмущении воскликнул Адам.

Мари не смогла сдержаться и снова рассмеялась, прильнув к нему и прижимаясь к его груди.

— Я теперь понимаю твоего отца. Я бы сошел с ума, если бы она с нами так поступила...

Она крепко обняла Мари, глядя на Гоар.

— Перестань. Во — первых, мы постараемся быть мудрее, если попадем в такую ситуацию. А, во — вторых, до такой ситуации жить и жить...

Малышка сладко зевнула и начала причмокивать, засыпая.

— По — моему, ты уже надоел ей своими разговорами... — поддела его Мари.

Адам в ответ приподнял брови и напомнил:

— На твоем месте я бы вообще молчал. У нас есть пару нерешенных вопросов.

Его жена состроила ему детскую рожицу и поспешила ретироваться.

— Не забудь прикрыть дверь и выключить свет, когда будешь выходить! — бросила она на ходу и скрылась в коридоре.

Оставаясь наедине с дочерью, Адам всегда с волнением ощущал, как в груди разливается щемящая нежность. Он, уже тридцатилетний мужчина, чувствовал себя невероятно незащищенным перед маленьким красивым комочком в кроватке. Ради неё Адам без преувеличения был готов на всё. Она стала причиной его безграничного счастья. Вот теперь он с полной уверенностью мог считать себя полноценным человеком... Даже между ним и отцом исчезла резкость и сдержанность. Новоиспеченный дедушка боготворил свою внучку и одаривал её всевозможными подарками... А Мари полюбил как дочь. Да и как иначе, если она способствовала таким изменениям в его сыне?..

Поцеловал Гоар в лоб, Адам бесшумно вышел, прикрыв дверь. Из ванной послышался шум воды. Мари, кажется, решила оттянуть неприятный разговор. Вот глупая... Он весело усмехнулся и отправился в спальню, удобно устраиваясь на кровати. Когда же она появилась перед ним в коротком халатике чуть выше колен, вытянул шею, не скрывая своего восторга.

— Так уж и быть, если ты обещаешь вести себя как примерная девочка, я готов простить тебе очень многое...и даже больше.

Мари загадочно улыбнулась и развязала пояс, небрежно раскрыв полы халата и демонстрируя ему свою недавнюю покупку из любимого магазина женского белья.

— А что ты скажешь на это?..

— Сказать ничего не могу. Только показать. Иди сюда.

Она повиновалась и, позволив тонкому шелку соскользнуть с плеч, приблизилась к

кровати, устраиваясь ближе к нему.

— Я, правда, не хочу, чтобы ты в это вмешивался. Пожалуйста, пойми меня правильно... — начала она с ходу.

— Я уже понял. Только давай договоримся, что такие важные вещи я буду впредь узнавать только от тебя самой.

— Да, это моя ошибка. Прости...

Её нежные губы прикоснулись к его колючему подбородку, прокладывая дорожку к шее. Тело сразу отозвалось на этот призыв. Чертовка знала, как смягчить его гнев...

— Если ты очень постараться...я обещаю подумать о покупке кое — чего четырехколесного.

— Даже не думай. Новая коляска меня совсем не вдохновляет и тем более не возбуждает... — пошутила Мари, глаза которой загорелись счастливым блеском.

— Как пожелаешь, любимая.

Дальше слова были излишни. Чувства накрыли их с головой. И Адам потерял счет этому безумию.

Их отношения никогда не были и не будут гладкими, ведь оба слишком упрямы и очень похожи. Каждый — личность. Но никому из них и в голову не приходило ущемлять другого. Вместе Адам и Мари учились нежности, понимаю и умению уступать. Их яркая любовь — лучшее, что могло произойти с обоими.

Мари для Адама значила так много, что иной раз он не мог поверить, что способен на такие чувства. Но это реальность. И всему причиной именно она — его сумасшедшая, уникальная и неповторимая жена.

Его очкарик с невероятно высоким интеллектом.

Его победа над самим собой.

И, конечно же, его вкусная...

Больше книг на сайте - Knigoed.net